

УНИВЕРСИТЕТЪ И ПОЛИТИКА.

Свобода—о да, это великое дѣло,
ради нея можно и должно жертвовать
жизнью... жизнью, согласенъ, но не
наукой.

Проф. Зѣлинскій.

ИЗДАНИЕ «СОЮЗА СТУДЕНТОВЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА»
И «АКАДЕМИЧЕСКАГО СОЮЗА СЛУШАТЕЛЬНИЦЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКИХЪ
ВЫСШИХЪ ЖЕНСКИХЪ КУРСОВЪ».

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія П. В. Мартынова, Торговая 17.

1906.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Уже давно на глазахъ русскаго общества происходитъ агонія и, наконецъ, смерть одного изъ самыхъ главныхъ факторовъ творческой жизни страны. Такъ страшно констатировать эту смерть, что до сихъ поръ еще никто не сдѣлалъ этого, не смотря на очевидность; трупъ все еще принимается за живое цѣлое и носитъ имя нѣкогда дорогаго покойника. Но если возрожденіе еще возможно, то прежде всего нужно констатировать смерть и изслѣдовать ея причины. Пора сказать рѣшительное слово: въ Россіи нѣтъ болѣе университета — очага научнаго изслѣдованія, разсадника просвѣщенія!

Если кто нибудь усомнится въ этомъ, на основаніи существующихъ у насъ студентовъ, профессоровъ и мѣста, называемаго Университетомъ, ему слѣдуетъ указать, какова та тѣсная и живая связь, которая изъ этихъ элементовъ создаетъ нераздѣльное цѣлое и на сколько она соотвѣтствуетъ задачамъ научнаго изслѣдованія и просвѣщенія. Связь несомнѣнно существуетъ, и не только въ Университетѣ. Какъ ни разнородны по своимъ цѣлямъ партіи, борющіяся теперь въ на-

шей странѣ, всѣ онѣ охвачены однимъ общимъ интересомъ—интересомъ политическимъ, и молодежь, пришедшая въ университетскія стѣны желаетъ прежде всего бороться за свои политическіе идеалы. Послѣдніе уже готовы, они носятся въ самомъ воздухѣ въ настоящее время, и отъ Университета требуется во первыхъ наскоро подтвердить ихъ нѣкоторыми, добытыми прежде, научными данными и, главное, предоставить широкую арену политической борьбѣ.

Опредѣленная политическая цѣль обусловливаетъ и весьма опредѣленные требованія, предъявляемыя студентами къ личности профессоровъ, ихъ лекціямъ и зданію Университета. Двери этого зданія, какъ и зданія Высшихъ Женскихъ Курсовъ и другихъ учебныхъ заведеній, широко открыты для всякаго, кто желаетъ подѣлиться съ товарищами впечатлѣніями настоящей минуты. Сюда входитъ и студентъ, и курсистка, и рабочій, и бродяга съ улицы—иногда въ нетрезвомъ видѣ. Вся публика раздѣляется по аудиторіямъ на группы политическихъ единомышленниковъ или рабочихъ различныхъ профессій для выясненія своихъ требованій и желаній, а для того, чтобы сферы политическаго вліянія не избѣжали и будущія поколѣнія—здѣсь же составляются группы учащихся среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній. Начинаясь часовъ въ 5—6 пополудни, эти собранія продолжаются большую часть ночи. Ораторы, стоя на стульяхъ и столахъ, говорятъ горячія политическія рѣчи, и груда поломанной мебели свидѣтельствуешь по утру о бурно проведенной ночи. По утру все вообще представляется въ гораздо болѣе мрачномъ видѣ. Аудиторіи на половину пусты; лишь немногимъ профессорамъ удается сохранять возлѣ себя своихъ вѣрныхъ слушателей; въ массѣ-же успѣхомъ пользуются только тѣ, кото-

рые читаютъ исторію одной изъ европейскихъ революцій.

Бывали случаи, что профессора, «особенно любящіе науку», продолжали читать лекціи для какихъ нибудь 20-ти слушателей въ то время, когда аудиторія начинала шумно наполняться лицами, пришедшими на предстоящую сходку. Сходки бывають раза 4 въ недѣлю, если не чаще. На нихъ обсуждаются конфликты съ администраціей и Совѣтомъ Профессоровъ, при чемъ никогда не упускается изъ виду главная политическая цѣль.

Очень трудно и двусмысленно положеніе профессоровъ въ этомъ университетѣ. Имъ предоставляется читать лекціи и заниматься наукой лишь «по мѣрѣ возможности» — между митингами и сходками и то если нѣтъ постановленія о забастовкѣ съ политической цѣлью. Когда еще у профессоровъ не было автономіи—вся отвѣтственность падала на администрацію, и ежегодныя забастовки въ обществѣ наивно объяснялись тѣмъ, что у науки нѣтъ свободы и что трудно добиться автономіи въ несвободномъ государствѣ. Уже тогда въ глазахъ студенчества профессора, какъ и товарищи-студенты, раздѣлялись на «лучшихъ» и «худшихъ»; «лучшіе» — тѣ которые всячески способствовали или, по крайней мѣрѣ, не мѣшали Университету служить цѣлямъ политическимъ, подчиня послѣднимъ интересы науки; «худшіе» тѣ, для которыхъ наука еще продолжала предъявлять свои претензіи на первое мѣсто въ Университетѣ. Но тогда еще и «лучшимъ» профессорамъ представлялась возможность гласно не измѣнять наукѣ, и во время прошлогодней чисто-политической забастовки ни одинъ изъ Совѣта Профессоровъ Петербургскаго Университета или Высшихъ

Женскихъ Курсовъ не мотивировалъ свою уступку послѣдней—политическими причинами.

Теперь, когда власть перешла въ руки профессоровъ, а торжество политики въ стѣнахъ учебныхъ заведеній тѣмъ не менѣе достигаетъ своего апогея—профессорамъ пришлось занять болѣе опредѣленное положеніе.

Въ частныхъ бесѣдахъ, въ газетныхъ статьяхъ «лучшіе» профессора каются въ своемъ прежнемъ поведеніи.

Профессоръ Гредескулъ говоритъ: ¹⁾ «Мы проповѣдывали что, во-первыхъ, традиціоннаго русскаго строя сдвинуть съ мѣста (по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ будущемъ) невозможно, и что, во-вторыхъ, онъ достаточно благожелателенъ, чтобы допускать совмѣщеніе съ собой настоящихъ культурныхъ благъ, на примѣръ, дѣйствительной автономіи въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ... Я хорошо помню и тѣ горячія студенческія отповѣди въ отвѣтъ на наши рѣчи, которыя проводили какъ разъ обратную точку зрѣнія. Расходясь тогда съ этой сходимки (на которой профессора доказывали необходимость устранить студенческіе безпорядки, чтобы дать мѣсто реформаторской дѣятельности Ванновскаго) мы думали, что мы были болѣе правы чѣмъ студенты.

Извиненіемъ въ этомъ намъ, старшему поколѣнію, да послужить то, что мы тогда неправильно взвѣшивали силу традиціоннаго строя русской жизни и не знали еще русскаго народа, какимъ онъ предсталъ передъ изумленными очами всего міра въ теченіи послѣдняго года. Но студенты своими молодыми головами и горячими сердцами если и не предугадывали

---

¹⁾ Право. 1905 г. Октябрь.

этого, то все-же инстинктивно надѣялись на это уже тогда и, подобно Давиду, уже тогда, безоружные, почти что съ однимъ свободнымъ словомъ, выходили на единоборство съ вооруженнымъ съ головы до ногъ великаномъ—Голіаѳомъ!..» Такова характерная точка зрѣнія для «лучшихъ» профессоровъ высшихъ учебныхъ заведеній. Правда, они не выставляютъ намъ своей программы, но они покорно читаютъ лекціи «по мѣрѣ возможности», допускаютъ полусуточные митинги въ стѣнахъ учебныхъ заведеній и резолюціи ихъ Совѣтовъ принимаютъ все болѣе политическій характеръ. «Худшіе» профессора примолкли въ настоящее время—сила не за ними; но тѣ изъ нихъ, которые зарекомендовали себя «худшими» еще въ прежніе годы—заносятся въ проскрипціонные списки и озлобленіе противъ нихъ такъ велико, что еще до выясненія характера ихъ преступленій—ихъ встрѣчаетъ въ аудиторіи шумный «бойкотъ», выражающійся немолкающимъ свистомъ, который провожаетъ профессора до дверей профессорской и дѣлаетъ этихъ бѣгущихъ и разъяренныхъ людей похожими на стаю гончихъ, преслѣдующихъ дикаго звѣря. Конечно, даже на сходкахъ товарищей такой «бойкотъ» не встрѣчаетъ достойныхъ защитниковъ, и даже «лучшіе» профессора въ частныхъ разговорахъ высказываютъ по его поводу свое негодованіе; но Совѣтъ Профессоровъ, какъ учрежденіе, — хранить молчаніе и не высказываетъ своего взгляда на происходящее.

И такъ, зданіе, предназначенное для политическихъ митинговъ и сходокъ и, по мѣрѣ возможности, для отдѣльныхъ публичныхъ лекцій, студенты, на сходкахъ которыхъ самое слово «наука» встрѣчается свистомъ и которые цѣликомъ охвачены политическими интересами, и профессора, частью отвѣчающіе студен-

ческому настроенію, частью — уступающіе ему, — вотъ картина современнаго русскаго Университета. Между элементами, составляющими его есть несомнѣнная тѣсная связь — связь политическая; интересы, представителемъ которыхъ онъ является — суть общіе интересы всего русскаго общества — политическіе; но можно ли сказать, что у насъ существуетъ Университетъ — разсадникъ просвѣщенія? — Отвѣтъ ясенъ для всякаго.

У науки всегда было много враговъ. Было время, когда правительство считало свободную науку своей естественной противницей, и преслѣдовало ее административными мѣрами. Стѣснительные уставы, удаленія полезныхъ для науки дѣятелей — не могли не отражаться пагубно на интересахъ научнаго изслѣдованія и просвѣщенія. Но жажда научнаго знанія, критически провѣреннаго и не преклоняющагося передъ авторитетами, жажда плодотворной научной работы — одолѣвала всѣ препятствія и нужно было потушить самую эту жажду, чтобы подавить ея проявленія. А извѣстно, что тамъ, гдѣ не страшенъ внѣшній врагъ, страшенъ врагъ внутренній и то, чего не могли сдѣлать административныя вмѣшательства, сдѣлало разложеніе самой идеи Университета, какъ разсадника просвѣщенія въ умахъ лицъ, составляющихъ этотъ Университетъ. Несомнѣнно, что Университетъ явился тутъ, по извѣстному выраженію, барометромъ общественнаго настроенія. Общество захвачено политическими интересами — Университетъ захваченъ ими вдвое; общество ищетъ арены политической борьбы — Университетъ съ готовностью предоставляетъ эту арену, но, любопытно, что въ обществѣ еще остается сознаніе того, что гдѣ-то въ странѣ долженъ сохраняться очагъ просвѣщенія, и смутное недовольство Университетомъ; послѣдній и тутъ пошелъ дальше

общества — въ немъ этого сознанія не сохранилось. Отчего же это случилось? Оттого, что идея просвѣщенія можетъ стоять высоко и незыблемо только тогда, когда она соединяется съ идеей чистой науки, научнаго изслѣдованія. Сохранить эту идею и въ трудныя для просвѣщенія времена, — вотъ въ чемъ должна была заключаться роль Университета. Сквозь вихри политической борьбы онъ долженъ былъ пронести нетронутымъ тотъ священный огонь никогда не удовлетворяющейся пытливости, который одинъ только руководитъ жизнью народовъ и цѣлаго человѣчества, и который не выноситъ шума и суеты внѣшней жизни. Университетъ не понялъ этого и его свѣтильникъ потушенъ налетѣвшимъ вихремъ.

Возможно ли возрожденіе? На этотъ вопросъ трудно отвѣтить; у науки, какъ у всего растущаго и живого есть свои традиція и преемственность; но если есть отдѣльные люди, которыхъ намъ не видно теперь за толпою и которые сохранили у себя эту преемственность, то, будемъ вѣрить, — возможно возрожденіе! — однако при томъ только условіи, что Университетъ пойметъ наконецъ свою задачу и что всякій охваченный чуждыми ему интересами будетъ считать своимъ долгомъ нести ихъ за стѣны Университета, охраняя послѣдній, какъ разсадникъ просвѣщенія, какъ залогъ жизненности и роста всей страны.

II.

Итакъ, университета, названнаго Фихте важнѣйшимъ и священнѣйшимъ установленіемъ человѣчества, въ Россіи теперь нѣтъ. Есть «очаги революціи», по временамъ — «популяризаторы знанія для темныхъ массъ», но не университеты съ культомъ чистаго зна-

нія, чистой науки, цѣнной самой по себѣ. Но если нѣтъ университетовъ, то можетъ быть все же, хотя бы внѣ ихъ, высоко стоитъ знамя научнаго творчества и умственнаго труда, исканія тѣхъ высшихъ началъ, которыми живетъ сама наука и одухотворяетъ общество? Быть можетъ, смерть университета, не можетъ служить зловѣщимъ признакомъ для всей государственной жизни и есть лишь необходимая уступка моменту?

Отвѣтомъ на поставленные вопросы можетъ служить выясненіе значенія Университетовъ въ государственной жизни вообще, и въ частности обзоръ той роли, которую игралъ въ нашей исторіи и нашъ русскій Университетъ.

Что университетскій вопросъ находится въ тѣсной связи съ положеніемъ въ странѣ науки и просвѣщенія, со всей жизнью даннаго общества,—не является спорнымъ ни для кого. Но понимается эта связь различно, и правильность этого пониманія зависитъ отъ правильнаго выясненія цѣлей и задачъ науки. Необходимость знанія, какъ основнаго залога общественной и политической жизни, такъ очевидна, что не требуетъ доказательствъ. Еще Фридрихъ Великій высказалъ любопытное замѣчаніе, что «плохіе политики, заключившись въ свои маленькія идеи, полагали, что гораздо, легче управлять невѣжественнымъ народомъ, чѣмъ образованнымъ; напротивъ, опытъ показываетъ, что чѣмъ невѣжественнѣе народъ, тѣмъ онъ одностороннѣе и самоувѣреннѣе; и гораздо труднѣе бороться съ его невѣжествомъ, чѣмъ убѣдить образованный народъ въ чемъ нибудь необходимомъ» ¹⁾. Но, что эта сторона науки является лишь слѣдствіемъ служенія иной, высшей

---

¹⁾ Cheidler—Über die Idee der Universität.

цѣли—это часто упускается изъ виду многими, смотрящими на нее лишь какъ на совокупность полезныхъ свѣдѣній для человѣка. Поиски новыхъ началъ жизни, исканіе отвлеченной истины, отвѣтовъ на самые сокровенные и глубокіе вопросы человѣческаго духа, знаніе ради него самого — вотъ тѣ элементы, которыми живетъ истинная наука, при которомъ только и возможно научное творчество въ дѣйствительномъ смыслѣ этого слова, все остальное является лишь прикладной стороной, выводомъ изъ этой цѣнной *an und für sich* научной работы, выводомъ, имѣющимъ въ свою очередь важное и распространенное значеніе въ общественной жизни, но дѣлающимъ мертворожденной самую науку, если она начинаетъ разсматриваться какъ полезность, если забывается ея связь со всеобщимъ и абсолютнымъ. Намъ могутъ возразить, что такое пониманіе цѣлей науки слишкомъ «аристократично»; что при такомъ условіи она является какъ бы привилегіей избранныхъ, и не желаетъ приноровиться къ потребностямъ и нуждамъ массъ, которыя своими кровными, тяжелыми трудами кормятъ эту отвлеченную и самолюбивую науку. Пусть такъ. Мы думаемъ, что научное творчество есть дѣйствительно удѣлъ немногихъ. Выработка новыхъ идей всегда принадлежала тѣмъ великимъ теоретикамъ, которые умѣли соединять позитивное знаніе съ знаніемъ идеальнымъ; людямъ жадно стремившимся къ обобщеніямъ и высшимъ гипотезамъ, сводящимъ отдѣльныя положенія и выводы различныхъ вѣтвей человѣческаго знанія къ общей философской истинѣ.

И какъ бы мы ни относились къ этому факту, какъ ни оскорбляло бы наше чувство это самодовлеющее творчество—мы должны всегда помнить, что безъ него немислимо и то просвѣтительное, гуманитарное зна-

ченіе науки, котораго отъ нея требуютъ всѣ, аристократы и демократы безъ различія. Эволюція идей быстрѣе эволюціи фактовъ. А эти идеи составляютъ ту могущественную силу, которая движетъ общественное развитіе, а вмѣстѣ съ нимъ и благосостояніе. Говоря словами Грановскаго — «въ этомъ разложеніи массъ мыслию заключается процессъ исторіи ¹⁾». Отнимите у науки ея право стремиться къ отвлеченной истинѣ, и вы увидите какъ быстро она усвоитъ характеръ хлѣбной школы и какъ понизится умственная продуктивность націи. Если мы возьмемъ Францію и Россію съ одной стороны, и Англию и Германію съ другой—мы увидимъ разительное подтвержденіе высказаннаго взгляда. Наука, какъ таковая, не должна служить средствомъ для достиженія той или другой жизненной цѣли. Она должна быть свободна, свободна не только отъ правительственнаго гнета, но и отъ всякихъ попытокъ подчинить постороннимъ, хотя бы и самымъ гуманнымъ, интересамъ. Иначе, изсякнетъ тотъ источникъ живого знанія, въ которомъ такъ нуждается всякое общество, всякое государство. Пользуясь результатами научнаго труда, общество часто воображаетъ, что воздѣлываетъ знаніе и движетъ его впередъ, а на самомъ дѣлѣ, знаніе, наука, какъ внѣшняя сила, воздѣлываетъ общество, культивируетъ и влечетъ его за собой ²⁾. Не является-ли въ такомъ случаѣ наука какъ бы оторванной, изолированной отъ жизни? Нисколько. Связь между ними самая тѣсная, но разница лишь въ томъ, что наука производитъ, а общество потребляетъ. Но свою производительную роль наука сможетъ выполнить только тогда,

---

¹⁾ Грановскій. Соч. т. II, стр. 200.

²⁾ Милославскій, „Наука и ученые люди въ русскомъ обществѣ“, стр. 20—21.

когда она будетъ неуклонно двигаться по пути выработки новыхъ формъ мысли и жизни.

Любопытно, что именно самая отвлеченная изъ наукъ — философія — всегда оказывала наибольшее вліяніе на общество. Великое значеніе ея въ Германіи общеизвѣстно. Даже и у насъ, въ тридцатыхъ—сороковыхъ годахъ, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, философское движеніе, принявшее Шеллинго-Гегелевскую форму, «успѣло оказать неоспоримое и самое благотворное вліяніе на ходъ русской культуры... Давно отмѣчено, что, наиболѣе дѣятельная часть дѣятелей освободительной эпохи были воспитанниками идеалистической философіи» ¹⁾. И это при какихъ условіяхъ, во времена Николаевщины! Такъ, вспоминая цитированныя тѣмъ-же авторомъ, строки изъ нашего поэта:

Надъ вольной мыслью Богу не угодны
Насиліе и гнеть.

Она, въ душѣ рожденная свободно,
Въ оковахъ не умретъ —

мы можемъ сказать: лишь бы была живая мысль, лишь бы истина, непознанное, было той высшей цѣлью, къ которой она стремилась. «Незнаемое—есть верховный двигатель всякаго стремленія къ совершенствованію» ²⁾.

Но для процвѣтанія философіи, для сохраненія живой и органической связи между отдѣльными науками — необходимъ университетъ, какъ цѣлое, не только какъ высшая школа, а какъ учрежденіе, свято и нерушимо хранящее тотъ культъ науки и атмосферу уваженія къ серьезному научному труду, кото-

---

¹⁾ А. И. Введенскій, „Философія въ Россіи“, стр. 26.

²⁾ Никитенко, „Записки и дневникъ“, томъ II, стр. 332.

рые и должны, казалось бы, составлять истинную идею Университета.

Только въ Университетѣ возможно истинное научное творчество, и разрушеніе его влечетъ разрушеніе самостоятельной науки и пониженіе умственной продуктивности націи. Вотъ почему «Университетскій вопросъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и вопросъ науки вообще» ¹⁾. Жизнь всѣхъ Университетовъ, какъ и ихъ значеніе, представляютъ много общаго. Но при всей общности въ исторіи ихъ есть и отличія, вытекающія, какъ намъ кажется, изъ большей или меньшей степени пониманія правительствомъ, обществомъ и самими университетами истинныхъ задачъ науки; пониманія, дѣлающаго священнымъ знамя Университета даже въ тяжелые дни испытаній и политическихъ бѣдствій.

---

¹⁾ Иконниковъ. Русскіе Университеты въ связи съ ходомъ общаго образованія. Стр. 131.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Но, можетъ быть мы защищаемъ химеру, и не можетъ идея просвѣщенія играть видную роль въ государствѣ, которое само подвергается коренной перестройкѣ? Краснорѣчивый отвѣтъ на это намъ даетъ исторія Запада. Она говоритъ намъ, что только тѣ эпохи бывали плодотворны въ жизни народовъ, которыя, сами управляясь идеями, рожденными въ тишинѣ кабинетовъ, понимали цѣну постоянной выработки этихъ идей и на своемъ знамени рядомъ со свободой ставили просвѣщеніе. Именно съ такимъ знаменемъ явилась Великая французская революція. Она застала свою молодежь почти лишенною образованія, такъ какъ въ университеты Франціи того времени не было доступа чистой наукѣ. Опустошительную роль чуждаго завоевателя, которую у насъ теперь играетъ политика—въ то время взяла на себя религія—властный католицизмъ, сдѣлавшій изъ Университета религіозную корпорацію и подчинившій себѣ интересы науки и ея свободнаго изслѣдованія. Быть можетъ тѣмъ, къ сожалѣнію уже далекимъ, годамъ, когда въ нашимъ университетахъ царствовали и боролись научныя направленія мы обязаны обстоятельствомъ, что

нашъ умирающій университетъ сохранилъ все-же болѣе приличныя внѣшнія формы, чѣмъ французскіе университеты, погибшіе во время революціи отъ недостатка жизненной силы; однако у себя мы можемъ найти съ ними довольно близкую аналогію.

Французскіе университеты передъ революціей представляють собою, какъ уже было сказано, религіозныя корпораціи, отличительной чертой которыхъ является замкнутость и традиціонный строй, основанный на привиллегіяхъ. Университетъ имѣеть собственную администрацію, собственный судъ и право владѣнія землею. Всѣ эти привиллегіи онъ получилъ отъ католическаго духовенства за услуги, оказанныя церкви, и, понятно, что церковь является тѣмъ фетишемъ, которому приносится въ жертву все и, прежде всего, свободное научное изслѣдованіе. Вотъ почему до самой революціи въ университетѣ царствуетъ схоластика и латынь и процвѣтають диступы въ духѣ XIII вѣка; вотъ почему между отдѣльными преподающимися науками нѣтъ никакой философской связи; французскій языкъ въ пренебреженіи; исторія, естественныя науки—не преподаются вовсе.

Разумѣется при такомъ полномъ отсутствіи науки въ университетѣ, преподаваніе не можетъ увлекать ни профессоровъ, ни студентовъ. Профессора читають лекціи изрѣдка, чаще просто диктуютъ ихъ переписчикамъ, продающимъ затѣмъ студентамъ эти записки; студенты только числятся таковыми и получаютъ ученныя степени за деньги. Не только открытія Лейбница и Ньютона остаются чужды французскимъ университетамъ, но все умственное развитіе Франціи прошло мимо нихъ и внѣ ихъ, не оказывая никакого вліянія на молодое поколѣніе. Умственная революція, совершенная Декартомъ была встрѣчена Сорбонной

враждебно и послѣдняя продолжала упорно отстаивать свои привилегіи и старыя формы, воюя даже съ правительствомъ, если оно выдвигало интересы образованія. Не мудрено, что еще Эразмъ и Раблэ, а затѣмъ Руссо, Вольтеръ, Дидро и другіе — хоромъ высмѣиваютъ университетъ, посвятившій себя чуждымъ научному изслѣдованію и посвѣщенію задачамъ.

Не то же-ли у насъ? Правда, у насъ ученые степени не продаются за деньги, но въ нашемъ университетѣ, служащемъ политикѣ, а не наукѣ—такъ-же не можетъ быть связи не только между различными курсами, но даже между отдѣльными лекціями, читающимися «по мѣрѣ возможности». Чтобы ознакомиться съ предметомъ, мы спѣшимъ покупать лекціи, читанныя профессоромъ нѣсколько лѣтъ назадъ. Мы, конечно, знаемъ по наслышкѣ о тѣхъ научныхъ и идейныхъ открытіяхъ, которыя дѣлаются въ ученомъ мірѣ, но это, большею частью, только по наслышкѣ, и не трудно убѣдиться въ колоссальномъ невѣжествѣ, распространенномъ въ массѣ нашей учащейся молодежи. Тѣмъ изъ учащихся, которые не принадлежатъ къ опредѣленной политической партіи и могутъ служить своимъ идеаламъ однимъ пассивнымъ протестомъ, (а такихъ все-таки большинство) — большую часть года — нечего дѣлать и, вѣроятно, на нравственную фізіономію этихъ людей бездѣлье имѣетъ такое же вліяніе, какъ и въ XVIII вѣкѣ. Однимъ словомъ нашъ университетъ является такой же чуждой наукѣ корпораціей, какой является университетъ французскій въ XVIII вѣкѣ; одинъ — корпораціей политической, другой—религіозной.

Но французская революція отнеслась къ этому факту гораздо строже, чѣмъ русское освободительное движеніе.

Дѣйствительно велика французская революція! И можетъ быть, именно потому такъ велико ея значеніе, что на ряду съ освобожденіемъ крестьянъ, уничтоженіемъ привилегій, на ряду со всѣми благами, которыя впервые были провозглашены мыслителями Франціи, она несла съ собою уваженіе къ мысли и просвѣщенію.

Напрасно старается университетъ ужиться при новомъ строѣ; напрасно онъ поздравляетъ Балли и Лафайета со взятіемъ Бастилии и посылаетъ депутатовъ въ Національное Собраніе съ выраженіемъ своей преданности—съ уничтоженіемъ привилегій незамѣтно и неизбѣжно палъ университетъ. Liard въ своемъ изслѣдованіи «L'Enseignement Superieur en France»—говоритъ по этому поводу: «Fatalement, même en supposant que l'ancien régime eût duré, il fut venu un jour où les Universités, étrangères à la science de leurs temps, en désaccord avec l'esprit public, trop vieilles pour rompre avec leurs routines, trop épuisées pour réagir d'elles mêmes contre leurs propres abus, n'eussent pu continuer de vivre qu'au prix d'une révolution interne». Такимъ образомъ даже нельзя упрекнуть революцію въ разрушеніи старыхъ университетовъ—они все равно были обречены на смерть. Разрушать въ этомъ направленіи было нечего и революція дѣятельно принялась за созидательную работу. По словамъ Г. Готлиба «идеи, которыми были проникнуты учебныя реформы Учредительнаго Собранія, Конвента и Директоріи отличаются жизненностью; отъ нихъ вѣетъ духомъ свободной науки»—и это правда. Стоитъ только обратить вниманіе на тѣ учебныя заведенія, которыя открываются въ самый разгаръ революціи и на принципы, которые руководятъ учредителями, чтобы убѣдиться въ цѣнности этихъ принциповъ именно съ научной точки зрѣнія. Конветнъ,

напримѣръ, вполне сознаеть ту истину, что, во-первыхъ, страна практически нуждается въ знающихъ людяхъ—и нуждается въ нихъ немедленно, не ожидая общаго успокоенія и во-вторыхъ, что свободное научное изслѣдованіе имѣеть цѣну само по себѣ, независимо отъ бурь политической жизни.

Конвентъ не впалъ въ обычную ошибку нашихъ политикановъ, не видящихъ за деревьями лѣса, и та минутная горячка политической жизни, которою онъ самъ руководилъ—не заслонила для него истины вѣчной. И въ этомъ можно убѣдиться, прослѣдивъ хотя бы самымъ поверхностнымъ образомъ, характеръ учебныхъ заведеній, открытыхъ Конвентомъ.

Практически въ это время страна болѣе всего нуждалась въ ученыхъ инженерахъ, и Конвентъ рѣшилъ удовлетворить этой потребности учредивъ *Ecole polytechnique* (которая первоначально называлась «*Ecole centrale des travaux publics*») Бурбонскій дворець былъ отданъ въ распоряженіе новой школы; здѣсь должны были преподаваться всѣ тѣ техническія науки, которыя до сихъ поръ преподавались врозь, и глубокое пониманіе учредителями тѣхъ принциповъ, на которыхъ только и можетъ быть построено истинное знаніе выразилось въ томъ, что преподаваніе было сразу раздѣлено на теоретическое и практическое; первое учило самымъ принципамъ знанія и ему должны были подвергаться всѣ ученики безъ различія; второе—раздѣляло учениковъ на спеціалистовъ и давало имъ необходимую практическую подготовку.

Что такое подраздѣленіе не было случайнымъ можно подтвердить словами *Fourcroy*, который характеризуетъ задачу новой школы слѣдующимъ образомъ: «*elle devait satisfaire à des besoins techniques et, en*

même temps ranimer l'étude des sciences exactes». Такъ глубоко было понято значеніе теоретическаго знанія въ тотъ моментъ, когда жизнь властно требовала практическихъ дѣятелей.

Еще болѣе поразительной является реорганизація Конвентомъ такъ называемаго «Jardin Royal» въ «Jardin des plantes», изъ котораго онъ дѣлаетъ учебное заведеніе по естественнымъ наукамъ. Тутъ практическая цѣль еще менѣе на виду, но, не смотря на то, что государство сильно нуждается въ средствахъ—Конвентъ широко снабжаетъ новое учрежденіе учебными пособіями, заставляетъ его завести сношенія съ другими подобными-же учрежденіями національными и иностранными, не упуская изъ виду общую научную цѣль. Практическая цѣль тоже не упускается изъ виду; въ Парижѣ, Монпелье, Страсбургѣ учреждаются школы медицины въ противоположность дореволюціоннымъ школамъ—на чисто научныхъ основаніяхъ. Наконецъ въ 1795 году Конвентъ создаетъ курсы восточныхъ языковъ, признанныхъ необходимыми для коммерческихъ сношеній страны—фактъ совершенно невѣроятный для насъ, русскихъ, привыкшихъ служить своему народу одними пассивными протестами; особенно принимая во вниманіе, что здѣсь должны были преподаваться такіе трудные для изученія языки, какъ персидскій, малайскій, арабскій, турецкій, татарскій и новогреческій.

Даже самыя ошибки Конвента въ этомъ направленіи—поучительны. Такой ошибкой приходится признать неудачную попытку создать такъ называемую «Ecole normale», для образованія педагоговъ. Здѣсь должны были учиться нѣскольکو сотъ человѣкъ, съѣхавшихся для этого изъ провинцій и уже получившихъ образованіе; только методы преподаванія должны были

читаться въ этой школѣ. Въ качествѣ профессоровъ приглашаются профессиональные ученые и литературные таланты. Такія имена, какъ Monge, Lagrange, Laplace, Berthollet, La Harpe, Bernardin de Saint-Pierre—числятся въ составѣ преподавателей. Однако опытъ не удается, такъ какъ лекціи такихъ профессоровъ оказываются [совершенно не подь силу провинціальнымъ «образованнымъ» людямъ и послѣдніе просятъ правительство отправить ихъ обратно на родину, что и исполняется. Данпоу въ своемъ докладѣ объясняетъ неуспѣхъ школы тѣмъ, что тамъ преподавались не первоначальные методы знанія, а его принципы и вершины. Такимъ образомъ учредители забыли посчитаться съ полнымъ отсутствіемъ образованія въ до—революціонный періодъ и захотѣли сразу поднять гражданъ на недосыгаемую для нихъ высоту.

Остается упомянуть о роли самихъ учащихся въ эту пору, и въ этомъ отношеніи характерны политехники. Послѣдніе отзывчиво и горячо относились къ политической жизни своего времени и участвовали въ ней въ качествѣ борцовъ и при томъ въ различныхъ, иногда противоположныхъ партіяхъ. Такъ, хотя большинство учениковъ Политехнической школы были республиканцами, нѣкоторые изъ нихъ боролись въ средѣ роялистскихъ инсургентовъ (напр. Biot, Malus). Но въ школу всѣ они и республиканцы, и роялисты приходили за полученіемъ знаній, необходимыхъ для отечества. Такъ работала Великая французская революція для своего народа и у ея дѣятелей, умѣвшихъ бороться на баррикадахъ, хватало стойкости готовить въ то-же время себя для будущей плодотворной дѣятельности. Въ послѣдующія эпохи эта величественная картина много разъ нарушалась и то пра-

вительство, то, въ противовѣсъ ему, учащіеся пытались сдѣлать изъ учебныхъ заведеній проводниковъ своихъ политическихъ идеаловъ; особенно въ этомъ отношеніи были грѣшны Наполеонъ и Реставрація, но за то и ни одна эпоха не внесла такъ много въ жизнь французскаго народа, какъ его Великая революція.

II.

Если мы обратимся теперь къ университетамъ Германіи, то вся ихъ исторія отъ начала столѣтія и до знаменитаго 48 года является поучительной для насъ; особенно потому, что никто не можетъ упрекнуть нѣмецкое студенчество того времени въ недостатокъ чуткости и отзывчивости по отношенію къ современной имъ дѣйствительности. Приватъ-доцентъ Тарле въ своемъ очеркѣ «Изъ прошлаго европейскихъ университетовъ» на основаніи нѣсколькихъ разрозненныхъ фактовъ пытается даже сдѣлать выводъ, что германскіе университеты 48 года играли такую же политическую роль, какую играютъ русскіе университеты въ настоящее время. Этотъ очеркъ заканчивается слѣдующими словами: «И такъ какъ появилась возможность свободно дышать, говорить, двигаться, бороться, — исчезли кровь, баррикады и набатныя колокола, такъ какъ возникли «парламенты для политики», — мирно заработали «университеты для науки». И праздновавшійся обществомъ Германіи и Австріи въ 1898 году полувѣковой юбилей «безумнаго года» показалъ, что сѣдые старики бывшіе тогда студентами, не смотрятъ на свое тогдашнее «увлеченіе политикой» въ «ущербъ наукъ», какъ на темное пятно въ своемъ прошломъ».

Но дѣло именно въ томъ, что университеты Германіи *всегда* были университетами для науки, а не для политики, хотя ихъ студенты и принимали участіе въ политической жизни страны. Бывали дни (и именно только дни) въ жизни германскихъ университетовъ, когда ихъ аудиторіи фактически пустѣли, такъ какъ студенты были заняты политической борьбой; но моментовъ, когда-бы заниматься наукой въ этихъ аудиторіяхъ считалось предосудительнымъ — такихъ моментовъ не было никогда. Университетъ—очагъ свободного научнаго изслѣдованія и разсадникъ просвѣщенія — эта идея никогда не умирала среди нѣмецкаго студенчества и его профессоровъ, и это именно упустилъ изъ виду приватъ-доцентъ Тарле въ своей статьѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ германскіе университеты освободились отъ власти церкви, съ тѣхъ поръ какъ туда проникъ духъ свободного изслѣдованія—они ни разу не измѣнили своему назначенію и, если духовная жизнь Германіи такъ богата, что послѣ всѣхъ вкладовъ, которые эта страна уже сдѣлала въ міровую культуру, она, повидимому, все еще не изжила своей силы и даетъ право многого ожидать отъ нея въ будущемъ, то всѣмъ этимъ она въ значительной мѣрѣ обязана своимъ университетамъ. «Въ Германіи существуетъ мнѣніе, что всѣ профессора ученые и всѣ ученые — профессора» говоритъ Loxis ¹⁾ и такъ какъ это въ значительной мѣрѣ — правда, то всякое научное направленіе, или научное открытіе — дѣлается тотчасъ-же достояніемъ учащейся молодежи. Можетъ быть этой постоянной связью науки и преподаванія объясняется фактъ, что почти каждая научная школа Германіи такъ быстро порождала талантливыхъ послѣдователей и противни-

---

¹⁾ Die deutschen Universitäten.

ковъ. Мы, русскіе многимъ обязаны нѣмецкой наукѣ. Стоитъ вспомнить хотя бы Гегеля, на которомъ воспиталось цѣлое поколѣніе нашихъ западниковъ и славянофиловъ; да и ни одинъ болѣе или менѣе выдающійся мыслитель Германіи не проходилъ у насъ безслѣдно. Но пользуясь результатами свободнаго изслѣдованія и философской мысли, часто рожденной среди политическихъ бурь, но чуждой какихъ бы то ни было политическихъ тенденцій, мы не заразились только однимъ: уваженіемъ къ процессу научнаго творчества. Между тѣмъ свободное научное изслѣдованіе и просвѣщеніе въ Германіи было не тѣмъ средствомъ въ борьбѣ за инья блага, которое можетъ быть принесено имъ въ жертву, а было само по себѣ цѣлью, для достиженія которой въ свое время пришлось не мало бороться. До XVII столѣтія корпоративный духъ и зависимость отъ церкви въ германскихъ университетахъ царствуетъ такъ же, какъ и во французскихъ и если германскіе университеты не погибли, подобно послѣднимъ, то это объясняется тѣмъ, что они сумѣли сами воспротивиться началамъ, чуждымъ наукѣ и просвѣщенію.

Первыми университетами, допустившими у себя свободу изслѣдованія и сбросившими цѣпи схоластики были Галльскій, основанный въ 1694 году и Геттингенскій въ 1737. Основателемъ перваго былъ юристъ Томазій, бывшій раньше приватъ-доцентомъ въ Лейпцигѣ, но принужденный уйти оттуда благодаря своимъ новаторскимъ научнымъ идеямъ. Эти два университета имѣютъ первенствующее значеніе въ XVIII вѣкѣ, такъ какъ они первые сознали значеніе понятія «Университетъ». Съ тѣхъ поръ это сознаніе распространяется все шире и охватываетъ все большее число университетовъ. Въ послѣдніе десять лѣтъ XVIII вѣка

и до Іенскаго пораженія въ 1806 году—значеніе умственнаго центра пріобрѣтаетъ Іена, гдѣ учитъ Фихте, а потомъ Шеллингъ, куда по временамъ пріѣзжаютъ братья Гумбольдты и гдѣ Шлегели начинаютъ свое критическое поприще, собирая вокругъ себя кружокъ друзей, среди которыхъ выдѣляются Новалисъ и Тикъ. Такимъ образомъ буря Наполеоновскихъ войнъ застала Германію въ тотъ моментъ, когда она уже со знала всю силу и значеніе науки и просвѣщенія. Уничтоживъ множество мелкихъ германскихъ государствъ, эти войны уничтожили и много университетовъ, однако большею частью тѣхъ, которые и безъ того были незначительны въ научномъ и культурномъ отношеніяхъ (Эрфуртскій, Виттенбергскій, Гельмштедскій, Кельнскій, Майнцскій и Диллингенскій). Подъ громъ наполеоновскихъ пушекъ происходили въ Германіи государственныя реформы, во главѣ которыхъ стоитъ патріотъ Штейнъ. Въ 1807 году отмѣняется зависимость крестьянъ и разрѣшается покупка помѣстій бюргерамъ и крестьянамъ, въ 1808 году дается новое устройство городамъ на началахъ общиннаго самоуправленія и, на ряду съ этими реформами создается Берлинскій университетъ. Шерръ въ своей «Исторіи цивилизаціи Германіи» говоритъ по этому поводу: «Гарденбергъ (преемникъ Штейна въ министерствѣ) понималъ, что судьба Пруссіи зависитъ отъ воспитанія народа. Потому-то онъ не жалѣлъ издержекъ на основаніе и содержаніе новыхъ университетовъ въ Берлинѣ и Бреславлѣ». Такъ же смотритъ на роль германскихъ университетовъ Фр. Паульсенъ; ¹⁾ по его словамъ «даже для политической жизни нѣмецкаго народа свободные, *стоящіе внѣ политики* университеты

---

¹⁾ „Германскіе университеты“.

приобрѣли гораздо большее значеніе, чѣмъ наполеоновскія государственныя школы, которыми каждый новый режимъ пользовался для самосохраненія». Эрнестъ Лависсъ ¹⁾ отдаетъ должное основателямъ Берлинскаго Университета, которые «поручили наукѣ дѣло обновленія умовъ, путемъ воспитанія. Такъ (по его словамъ) зародился въ головахъ метафизиковъ изъ школы Канта двойной планъ— поднять матеріальныя силы путемъ уничтоженія всѣхъ феодальныхъ путей и пробудить умственныя силы путемъ основанія университета». Что на такой-же точкѣ зрѣнія стояли современники—можно подтвердить многими свидѣтельствами. Когда въ августѣ 1807 года Прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ III, изгнанный изъ Берлина и проживавшій въ Мемелѣ, принималъ въ частной аудіенціи доктора Шмальца, профессора изъ Галле, отстраненнаго Наполеономъ отъ должности, онъ обѣщаль ему основать новый университетъ въ Берлинѣ говоря: «государству нужно вознаградить себя за матеріальный ущербъ поднятіемъ духовныхъ силъ». Шлейермахеръ свою статью объ учрежденіи университета въ столицѣ заканчиваетъ слѣдующими словами: «Когда будетъ организовано это научное учрежденіе, то ему не будетъ равнаго; благодаря своей внутренней силѣ оно распространить свое вліяніе за предѣлы Прусской монархіи. Берлинъ сдѣлается центромъ всей умственной дѣятельности сѣверной и протестанской Германіи, и будетъ приготовлена твердая почва для осуществленія миссіи, предназначенной Прусскому государству». Общественное мнѣніе Германіи солидарно съ мнѣніемъ государя и философа. «Аугсбургская Газета» привѣтствуетъ «умственное возрожденіе государства, подверг-

---

¹⁾ „Очерки по исторіи Пруссіи“.

шагося столь суровымъ испытаніямъ». Такова была глубокая вѣра германскаго общества въ силу объективнаго знанія. Въ 1813 году Германія подымается, чтобы изгнать Наполеона. Въ битвахъ принимаютъ участіе и студенты Берлинскаго университета, но тотчасъ же послѣ битвъ за освобожденіе, они возвращаются въ университетскія аудиторіи, продолжаютъ то научное образованіе, которое должно было поднять Пруссію изъ ея униженнаго состоянія. Въ это время передовое общество уже начинаетъ увлекаться идеей объединенія Германіи на началахъ народно-свободныхъ учрежденій. Молодежь живо и горячо отозвалась на эту идею: образуются тайныя общества, преслѣдующія политическія цѣли; Янъ и Гутсмуть образуютъ получившіе широкое распространеніе гимнастическія общества, лозунгомъ которыхъ являются «бодрость, благочестіе, веселость и свобода» и которыя являются готовыми организаціями въ политической борьбѣ; но университетъ все время остается «университетомъ для науки». Онъ остается таковымъ и тогда, когда изъ Іены въ 1816 году начинаетъ распространяться обще-германскій студенческій союзъ «Bourschenschaft», задающійся цѣлью подготовить общество къ созданію единой и свободной Германіи... Въ числѣ его девизовъ, на одномъ изъ первыхъ мѣстъ стоитъ наука. Вотъ какія правила буршей Карль Людвигъ Рандъ составляетъ для союза буршей: «1. Наше время походить на всякое другое время крупныхъ переворотовъ, особенно на время нѣмецкой реформаціи, 2. Паролемъ нѣмецкихъ буршей должны быть добродѣтель, наука, отечество. 3. Кто признаетъ эту идею, тотъ нашъ любимый братъ. Съ этихъ поръ надо думать о началѣ новой жизни. Для осуществленія этой великой цѣли слѣдуетъ ввести общее свободное бурше-

ство во всей Германіи» и т. д. Такимъ образомъ, хотя наука входитъ въ число девизовъ «Буршеншафта», но такъ какъ послѣдній преслѣдуетъ и иныя цѣли, то онъ и составляетъ свободный союзъ, къ которому примыкаютъ всѣ сочувствующіе ему студенты различныхъ университетовъ. Мысль Вартбургскаго праздника 18 октября 1817 года, принявшаго характеръ манифестаціи противъ абсолютизма и за объединеніе Германіи и произведшаго такое сильное впечатлѣніе на общество, принадлежитъ такъ-же студенту іенскаго университета Масману, страстному стороннику гимнастическихъ обществъ. Послѣ этого праздника и, особенно послѣ убійства въ 1819 году студентомъ Зандомъ писателя Коцебу, котораго въ обществѣ считали русскимъ шпиономъ—начинается цѣлый рядъ преслѣдованій студентовъ и студенческихъ обществъ со стороны правительства. Буршеншафтъ оффиціально даже перестаетъ существовать. Но вся политическая дѣятельность студенчества производится ими какъ частными лицами, какъ гражданами, какъ членами того, или иного кружка, но, какъ студенты—они сохраняютъ полную свободу направлять свои силы куда угодно. Начинается страшная реакція 20-хъ и 30-хъ годовъ. Каждой свободной мысли правительство боится какъ врага и преслѣдуетъ ее всѣми средствами. Въ засѣданіи Союзнаго сейма 5-го Іюля 1832 года и на Вѣнскихъ конференціяхъ 1833 и 34 годовъ—принимаются строгія мѣры противъ университетовъ. Общественная жизнь замираетъ; студенческіе политическіе кружки преслѣдуются и, если и продолжаютъ существовать, то въ строгой тайнѣ. Лишь изрѣдка громкій общественный протестъ, въ родѣ демонстративнаго праздника въ Гамбахѣ 1832 году, нарушаетъ воцарившуюся тишину и иногда этотъ протестъ опять таки исходитъ изъ университетской

среды, у которой преданность и стойкое служеніе чистой наукѣ не убиваетъ гражданскаго чувства. Такъ 3-го Апрѣля 1833 года 50 заговорщиковъ, — большею частью студентовъ изъ Гейдельберга, Геттингена, Вюрцбурга и Эрлангена — дѣлаютъ неудавшуюся попытку овладѣть Франкфуртомъ, гдѣ засѣдалъ союзный сеймъ. Такъ, когда въ 1837 году король Эрнестъ Августъ нарушилъ Ганноверскую конституцію, 7 лучшихъ (въ научномъ смыслѣ) профессоровъ Геттингенскаго университета (Альбрехтъ, Дальманъ, Эвальдъ, Гервинусъ, братья Гриммы, Веберъ) — опубликовали свой протестъ, за что и были изгнаны изъ университета. А между тѣмъ Геттингенскій университетъ имѣлъ репутацію консервативнаго — можетъ быть именно потому, что его тихая научная дѣятельность оставляла его въ тѣни. И въ эти тяжелыя времена наука остается единственной областью, которая поддерживаетъ духовную жизнь Германіи. Въ это время Гегель читаетъ въ Берлинскомъ университетѣ; Герbartъ работаетъ въ Геттингенѣ и Кенигсбергѣ; филологи ¹⁾ и оріенталисты ²⁾ — создаютъ новую отрасль науки — сравнительное языкознание. Нѣмецкая мифологія въ лицѣ Гриммовъ, исторія, ³⁾ литература, ⁴⁾ народная поэзія, исторія пластическихъ искусствъ, право, геологія, минералогія, астрономія, фізіологія, зоологія, ботаника, физика — однимъ словомъ всѣ отрасли научнаго знанія имѣютъ въ это время своихъ видныхъ представителей.

¹⁾ Бутманъ, Германнъ, Бёкъ, О. Миллеръ, Якобъ, Тиршъ.

²⁾ Гаммеръ, Пургшталъ, Боленъ, Флейшеръ, Лассенъ, Эвальдъ и др.

³⁾ Геренъ, Шлоссеръ, Ранке, Раумеръ, Дальманъ, Гервинусъ, Вилькенъ, Шмидтъ, Лёбелль, Германнъ, Пауме, Дункеръ, Момизенъ, Курціусъ, Нейманнъ, Грегоровіусъ и др.

⁴⁾ Гервинусъ, Коберштейнъ, Гиллебрандъ, Пруцъ, Вакернагель и др.

Любопытно, что въ это время университеты Германіи — носители всего этого умственного богатства, встрѣчаютъ враговъ въ двухъ совершенно противоположныхъ партіяхъ: — крайнихъ либераловъ и крайнихъ консерваторовъ. Первые кричали противъ университетовъ, называя ихъ окаменѣлостями, отсталыми противниками движенія; вторые — источниками безпорядковъ. ¹⁾ А между тѣмъ именно своимъ университетамъ обязана Германія, что когда пришла свобода она не застала умственного оскудѣнія въ странѣ.

1848 годъ начинается безпорядками по всей Германіи безпорядками, въ которыхъ дѣятельное участіе принимаютъ и студенты. Въ Баваріи движеніе направлено противъ личности короля Людовика I, заслужившаго негодованіе покровительствомъ хозяйничанью Іезуитовъ. Когда же этотъ король 9 февраля 1848 года закрылъ университетъ по приказанію вліятельной авантюристки Лолы Монтезь, то студенческіе и бюргерскіе протесты были такъ рѣшительны, что король долженъ былъ уступить. Въ Геттингенѣ студенты устраиваютъ демонстраціи вмѣстѣ съ другими гражданами. Въ Веймарѣ 5000 крестьянъ перемѣшанныхъ со студентами изъ Іены 11-го марта вторгаются въ городъ, протискиваются черезъ гражданскую гвардію, охранявшую дворецъ и заставляютъ дать отставку нежелательному для нихъ министерству. Роль студенчества въ революціонные дни въ Берлинѣ такъ же значительна.

Въ первые дни безпорядковъ 15, 16, и 17 марта студенты вмѣстѣ съ другими гражданами, по соглашенію съ магистратомъ охраняютъ порядокъ въ городѣ. Такую же роль они въ значительномъ числѣ

---

¹⁾ Cheidler. Über die Idee der Universität und ihre Stellung zur Staatsgewalt.

исполняютъ и послѣ революціонныхъ дней; но 18 числа, во время борьбы на баррикадахъ — студенты принимаютъ въ этой борьбѣ самое горячее участіе и иногда даже предводительствуютъ партіями рабочихъ. Такимъ образомъ ни одно болѣе или менѣе сильное общественное движеніе въ Германіи не обходится безъ участія студентовъ; но университетъ, какъ таковой, всегда и неизмѣнно остается «университетомъ для науки»; и если есть профессора, способные читать лекціи, и если есть студенты, способные ихъ слушать — никто не посягаетъ на ихъ свободу въ этомъ отношеніи. Даже въ Вѣнѣ, характеръ университета, которой какъ и вообще Австрійскій національный характеръ, отличается отъ обще-германскаго, и гдѣ Университетъ въ теченіи революціи 48 года дѣйствительно игралъ руководящую роль, даже тамъ было крѣпко сознаніе, что Университетъ не есть политическая корпорація и, когда на студенческой сходкѣ 12 марта былъ выработанъ адресъ къ императору съ требованіемъ конституціонныхъ гарантій, 2000 человекъ, согласныхъ съ редакціей, сочли своимъ долгомъ лично подъ нимъ подписаться.

Уваженіе къ наукѣ, уваженіе къ свободѣ личности и убѣжденія — уже больше столѣтія владѣетъ этими благами нѣмецкая учащаяся молодежь... Настанетъ ли и для насъ такое время? Или мы по природѣ рабы и, убѣгая одного рабства, всегда, неизбежно будемъ попадать въ другое? Или свободное и внѣ-партійное изслѣдованіе, которое движетъ человѣчествомъ, никогда среди насъ не найдетъ себѣ мѣста и будетъ попрежнему, въ насмѣшку надъ истиной, стоять въ разрядѣ реакціонныхъ силъ? Хотѣлось-бы вѣрить, что нѣтъ, а иначе — пришлось-бы поставить крестъ надъ развитіемъ русскаго общества!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

I.

Оставимъ заграничные Университеты. Обращаясь къ русскимъ, попробуемъ прослѣдить, поскольку русскій Университетъ являлся выразителемъ тѣхъ идей, которыя онъ долженъ былъ бы воплощать, и поскольку данное состояніе Университета обусловлено лишь важностью и особенностью того политическаго момента, который переживаетъ наша родина. Выше ¹⁾ мы говорили, что философія, представляющая собою какъ бы фокусъ, въ которомъ сходятся выводы отдѣльныхъ наукъ, наиболѣе связываетъ Университетъ съ обществомъ и наиболѣе отражается на немъ. Къ этому слѣдуетъ теперь прибавить, что то или иное положеніе философіи, или интереса къ ней служить показателемъ и научнаго состоянія Университетовъ. Періоды расцвѣта философіи (независимо отъ ея направленія, конечно) совпадаютъ съ расцвѣтомъ научной мысли и творчества. Наоборотъ, періоды ея упадка были не только періодами умственнаго застоя въ обществѣ, — такъ какъ при остановкѣ философской мысли происходитъ догматизированіе разъ найденнаго — но и паденія университетовъ. Поэтому, обзоръ той роли,

---

¹⁾ Глава I.

которую игралъ философскій элементъ въ исторіи просвѣщенія извѣстнаго народа, можетъ послужить тѣмъ обсервационнымъ пунктомъ, съ котораго передъ изслѣдователемъ откроется въ общихъ чертахъ картина всей его научной и умственной жизни, а, слѣдовательно, и положенія университетовъ.

Вотъ почему, переходя къ изложенію фактической исторіи университетскаго вопроса мы будемъ попутно отмѣчать и судьбы философіи въ Россіи за XIX столѣтіе.

Всякому, кто сколько нибудь знакомъ съ исторіей русскаго просвѣщенія, извѣстно, что созданіе русскихъ университетовъ не было дѣломъ общественнымъ. Въ немъ не сыграла если не главной, то хотя бы активной роли, такая умственная интеллигенція, которая видѣла бы въ немъ удовлетвореніе насущныхъ потребностей своего духа, слова и писанія которой, находили бы отзвукъ во всѣхъ слояхъ, давали направленіе умамъ и даже стремленіямъ человѣка и общества. Инициатива въ созданіи русскихъ университетовъ, какъ цѣлой системы общеобразовательныхъ учрежденій съ новымъ вѣдомствомъ и общимъ уставомъ,—на смѣну одинокаго Московскаго университета Елизаветинскихъ временъ,—принадлежала правительству, или, вѣрнѣе, тому тѣсному кружку друзей Императора Александра I, которые составляли знаменитый неофициальный Комитетъ. Записки одного изъ его членовъ, графа Строганова, проливаютъ свѣтъ на тѣ задачи, которыя комитетъ желалъ воплотить въ идеѣ университета. По мнѣнію графа Строганова, общественное образованіе должно заключать въ себѣ тѣ общія свѣдѣнія, которыя должны быть въ разной степени распространены въ народѣ; за этимъ должно слѣдовать специальное образованіе для тѣхъ, кто готовитъ себя къ опредѣлен-

ному поприщу общественной дѣятельности, подобно тому, какъ это устроено во Франціи ¹⁾. Такимъ образомъ, цѣль университетовъ, положенная въ ихъ основаніе,—миссія просвѣщенія—какъ бы высока она ни была, носить утилитарный, практическій характеръ. Сама наука и ея жизнь—мало имѣются въ виду, что достаточно объясняется и русской дѣйствительностью того времени. Сообразно этому, и въ одномъ изъ официальныхъ актовъ, вошедшихъ въ разработку университетскаго устава—такъ выражено назначеніе университетовъ: «Учрежденіе сіе преимущественно имѣетъ цѣлью распространеніе человѣческихъ познаній въ нашемъ отечествѣ и купно образованіе юношества на пользу отечества» ²⁾. Но, учрежденные безъ достаточнаго выясненія истинной и главной своей задачи, русскіе университеты возникали однако въ атмосферѣ, стремившейся поднять весь строй русской жизни, и потому ими было въ широкой степени усвоено начало свободы. Университеты пользовались автономіей; одному совѣту предоставлено завѣдывать ученой частью; лекціи читались по собственной системѣ профессоровъ; доступъ въ университеты былъ открытъ для всѣхъ. Университетамъ предоставлено право суда надъ студентами и всѣмъ составомъ учебнаго вѣдомства. Облегчены были общія цензурныя условія и, особенно, пользованіе учеными изданіями ³⁾. Общество, въ лицѣ лучшихъ, но зато, правда, крайне немногочисленныхъ своихъ представителей, горячо откликну-

---

¹⁾ Рождественскій—историч. обзоръ дѣятельности Мин. Нар. Пров. стр. 33, 34.

²⁾ Иконниковъ.—Русскіе университеты въ связи съ ходомъ общественнаго образованія, См. стр. 528.

³⁾ Рождественскій—*ibid.* Иконниковъ—*ibid.* Сухомлиновъ.—Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи. Замѣчанія на проектъ общаго устава Импер. Рос. Унив. 1862 г.

лось на призывъ правительства, внося даже крупныя пожертвованія на нужды университетовъ. Однако, хотя въ числѣ жертвователей находились даже цѣлыя дворянства отдѣльныхъ городовъ, въ массѣ—отношеніе къ университету, въ силу сословныхъ предразсудковъ и поверхностнаго взгляда на знаніе—было равнодушнымъ. Подготовка гимназій тоже много способствовала этому. Уровень поступавшихъ былъ настолько низокъ, что, по отзыву харьковскаго попечителя, «если бы Университетъ сохранилъ въ строгомъ смыслѣ всѣ правила, которыми долженъ руководствоваться въ приѣмѣ студентовъ, онъ не имѣлъ бы нынѣ ни одного студента»¹⁾.

Библіотеки были въ скудномъ состояніи, а вспомогательныя средства совсѣмъ запущены²⁾. При такихъ, далеко несовершенныхъ, условіяхъ начинали свою дѣятельность первые профессора реформированнаго университета. Подборъ ихъ, несмотря на большія затрудненія, съ которыми былъ соединенъ, оказался довольно удаченъ.

Впрочемъ, это были преимущественно иностранцы; но къ нимъ черезъ нѣсколько лѣтъ присоединяется и колонія русскихъ ученыхъ, посланныхъ въ 1808 г. за границу.

Какъ первые, такъ и послѣдніе, были воспитанниками германской школы и принесли изъ нея чуждый намъ культъ науки и пытливаго изслѣдованія, которымъ славились Германскіе Университеты. «Въ преподаваніи многихъ наукъ», говоритъ Сухомлиновъ, «господствовало философское направленіе. Оно принесено было въ наши аудиторіи изъ университетовъ

¹⁾ Рождественскій—*ibid* стр. 62.

²⁾ Иконниковъ—*ibid*, стр. 531.

протестантской Германіи, въ которыхъ выработалось самою жизнью, историческимъ развитіемъ наукъ и духовными особенностями націи. Занесенная въ чужой міръ, говорившая чужимъ языкомъ, философія скоро обжилась въ своемъ новомъ пріютѣ; ее полюбило русское молодое поколѣніе; ея таинственный языкъ нашелъ сочувственный отзывъ въ воспріимчивыхъ умахъ, въ которыхъ первыя лекціи успѣли заронить искру знанія и любви къ наукѣ. По самой сущности своей философія владѣла привлекательной силой: затрогивая общіе и важные вопросы, къ которымъ нельзя остаться равнодушнымъ при первой работѣ мышленія, философія вводила въ новую и высшую сферу, чуждую пошлостей и предразсудковъ, располагала къ умственному труду и пріучала цѣнить и уважать его. Для того, чтобы отдаться вполне умственной работѣ, чтобы посвятить себя, въ обществѣ полуобразованномъ, ученому труду и изслѣдованіямъ, надо было дѣлать усилія, выдержать борьбу, и на эту трудную, но славную борьбу звала философія» ¹⁾).

Не всѣмъ доступны были восторженные рѣчи профессоровъ о правахъ разума, о духѣ и силахъ природы. Многимъ они были не по плечу, что дало поводъ митрополиту Евгенію сказать — «науки мысленныя у насъ не въ модѣ» ²⁾; но болѣе правиленъ взглядъ Сперанскаго, находившаго, что важно было разбудить эту «грубую толщу». И первые профессора этого времени съумѣли разбудить ее. Изслѣдователи первыхъ лѣтъ существованія нашихъ Университетовъ сходятся въ томъ, что интересъ къ наукѣ и умственному труду проснулся въ молодежи. Университетскіе слушатели принимали дѣятельное участіе

¹⁾ Сухомлиновъ—ibid, ч. I, стр. 105.

²⁾ Иконниковъ—ibid, стр. 549.

въ образованіи литературныхъ кружковъ, изданіи научныхъ сочиненій и переводовъ. Подъ внѣшней грубостью сквозилъ ясно интересъ къ отвлеченнымъ вопросамъ. Вотъ почему, какъ свидѣтельствуемъ С. Т. Аксаковъ, бывшій студентомъ въ началѣ XIX в., память университетскихъ годовъ неразлучно жила съ человѣкомъ, освѣщая и направляя его шаги въ продолженіи цѣлой жизни. И лучшіе студенты Александровскаго времени считали себя глубоко обязанными тому живому началу, которое они выносили изъ Университета.

Несмотря на патріархальность отношеній, граничившую часто съ фамиліарностью, о которой столько яркихъ штриховъ оставилъ намъ въ своихъ воспоминаніяхъ Пироговъ ¹⁾—высоко стоялъ нравственный авторитетъ профессоровъ. Появленія профессора было достаточно, чтобы успокоить разгулявшуюся, забывшуюся студенческую толпу. «Волненіе студентовъ, возраставшее быстро по мѣрѣ вмѣшательства постороннихъ лицъ, утихало почти мгновенно, когда къ нимъ обращался профессоръ отъ имени Университета» ²⁾.

Но такое положеніе Университетовъ продолжалось недолго ³⁾. Не умѣя цѣнить самостоятельности научной жизни, ея абсолютной цѣнности—русское правительство покровительствовало университетамъ, поскольку просвѣтительныя задачи, во имя которыхъ исключительно и былъ основанъ русскій университетъ, заслуживали, по его мнѣнію, такого покровительства. Но измѣнилась политическая атмосфера, выступили на первый

¹⁾ Пироговъ.—Вопросы жизни.

²⁾ Сухомлиновъ—*ibid*, стр. 143.

³⁾ См. Иконниковъ—*ibid*. Сухомлиновъ—*ibid*—ч. II. Замѣч. на проектъ Универс. Уст. 1862 г., т. I.

планъ нравственно-воспитательныя задачи—и значеніе Университета должно было измѣниться. Ему предстояло уже не просвѣщать, а воспитывать.

Снова вернулись цензурныя ограниченія. Подверглась изгнанію философія и все что казалось «дѣтисцемъ» ея. Настали времена Магницкихъ и Руничей, и произошелъ полный разгромъ университетовъ. Почти всѣ лучшіе русскіе профессора лишились кафедръ; нѣкоторые, какъ напр. Галичъ, авторъ замѣчательнаго для своей эпохи обзора философскихъ системъ, были преданы суду; иностранные ученые уѣхали; духъ критики и изслѣдованія исчезаетъ. Понижается какъ уровень требованій, предъявляемыхъ къ слушателямъ, такъ и количество, и, главное, характеръ выносимыхъ изъ университета свѣдѣній.

Кафедры замѣщаются неудачно; многіе и вовсе пустыютъ. Такова, набросанная грубыми штрихами, картина русскихъ университетовъ при вступленіи на престолъ Императора Николая I. Но разъ зажженный борцами за идею науки въ русской землѣ священный огонь знанія—не погасъ. Философская мысль укрылась подъ пріютъ естествознанія, въ формѣ котораго продолжала свою творческую работу¹⁾.

Тѣмъ не менѣе, въ общемъ, гоненіе на философію и смѣшеніе научныхъ и литературныхъ вопросовъ съ политическими продолжается и въ новое царствованіе.

II.

Просвѣщеніе можетъ пониматься различно, а такъ какъ на Университетъ смотрѣли только утилитарно, какъ на разсадникъ просвѣщенія, то онъ и долженъ

---

¹⁾ Введенскій—Философія въ Россіи—стр. 24.

быль насаждать его согласно видамъ правительства. Собственно въ царствованіе Николая I мы должны различать два періода въ жизни Университетовъ: до и послѣ устава 35 года ¹⁾. Съ увольненіемъ Магницкаго и Рунича кончилась эпоха чрезвычайныхъ мѣръ, но рядомъ отдѣльныхъ указовъ и распоряженій постепенно уничтожается формально дѣйствовавшій уставъ Александра I. Мелочная и тенденціозная регламентація устраняется. Но сохранено убѣжденіе въ необходимости бдительнаго надзора. Послѣ декабрьскихъ дней чувствовалась переменна въ воздухѣ—читаемъ у того же Пирогова ²⁾. Выборное начало стѣсняется насчетъ расширенія попечительской власти. Затрудненъ доступъ людямъ изъ низшаго званія. Введена форменная одежда и военная выправка. Уничтожены судебно-полицейскія привилегіи студентовъ, подчиненныхъ до сихъ поръ исключительно профессорскому суду.

Воспрещено «произвольное преподаваніе ученій по произвольнымъ книгамъ и тетрадямъ» ³⁾. Цензура подвержена крайнимъ стѣсненіямъ. Если какое либо мѣсто допускаетъ двоякое толкованіе, то принимается худшее, и книга не пропускается. Не даромъ первый изъ изданныхъ при Николаѣ уставовъ получилъ прозваніе «чугуннаго». Отмѣченное выше умственное оскудѣніе профессоровъ и студенчества продолжается. Среди профессоровъ въ лучшемъ случаѣ встрѣчается «аккуратность въ исполненіи обязанностей» ⁴⁾. Но въ дѣлѣ науки одно «исполненіе обязанностей» не придаетъ ей ни силы, ни жизни. Вокругъ царить умственная

---

¹⁾ Рождественскій—*ibid.*

²⁾ Пироговъ—*Вопросы жизни*, стр. 257.

³⁾ Рождественскій—*ibid.*, стр. 179.

⁴⁾ Пироговъ—*Университетскій вопросъ*, стр. 11.

апатія. Вотъ какими словами одинъ изъ современниковъ, профессоръ Никитенко, характеризуетъ въ своемъ дневникѣ тогдашнее состояніе общества. «Причина нынѣшняго нравственнаго паденія у насъ, по моему наблюденію, въ политическомъ ходѣ вещей. Настоящее поколѣніе людей мыслящихъ не было таково, когда, исполненное свѣжей юношеской силы, оно впервые вступало на поприще умственной дѣятельности. Оно не было проникнуто такимъ глубокимъ безвѣріемъ, не относилось такъ цинично ко всему благому и прекрасному. Но власти объявили себя врагами всякаго умственнаго развитія, всякой свободной дѣятельности духа. Не уничтожая ни наукъ, ни ученой администраціи, они, однако, до того затруднили насъ цензурою, частными преслѣдованіями и общимъ направленіемъ къ жизни, чуждой всякаго нравственнаго самосознанія, что мы увидѣли себя въ глубинѣ души какъ бы запертыми со всѣхъ сторонъ, отторженными отъ той почвы, гдѣ духовныя силы развиваются и совершенствуются.

«Сначала мы судорожно рвались на свѣтъ. Но когда увидѣли, что съ нами не шутятъ, что отъ насъ требуютъ безмолвія и бездѣйствія, что талантъ и умъ осуждены въ насъ цѣпенѣть и гноиться на днѣ души, обратившейся для нихъ въ тюрьму, что всякая свѣтлая мысль является преступленіемъ противъ общественнаго порядка, когда, однимъ словомъ, намъ объявили, что *люди образованные считаются въ нашемъ обществѣ паріями*, что оно пріемлетъ въ свои нѣдра одну бездушную покорность, а солдатская дисциплина признается единственнымъ началомъ, на основаніи котораго позволено дѣйствовать—тогда все юное поколѣніе вдругъ нравственно оскудѣло» ¹⁾).

¹⁾ Никитенко.—Записки и дневникъ, т. I, стр. 327.

Въ такомъ безотрадномъ свѣтѣ встаетъ передъ нами картина умственнаго положенія всей Николаевской Россіи, въ томъ числѣ и учащейся молодежи. Свѣтлыми пятнами на ней являются частные литературно-философскіе кружки, въ которыхъ находила себѣ пристанище и отвѣты на возникавшіе запросы, не уснувшая ищущая мысль ¹⁾. Этихъ пятенъ становится больше во время министерства Уварова, съ именемъ котораго связано введеніе устава 35 г. Хотя этотъ уставъ и явился формальнымъ закрѣпленіемъ въ жизни Университета Николаевскихъ началъ, однако введеніе его соединено съ усиленіемъ заботъ и интереса къ Университету, хотя и не лишенныхъ тенденціозности. Уваровъ былъ человѣкомъ не только просвѣщеннымъ, но и такимъ научнымъ дѣятелемъ, заслуги котораго цѣнились за-границей. Въ этомъ, можетъ быть, нужно искать разгадки, почему и программа его не была только бюрократическимъ мѣропріятіемъ, но въ идеѣ своей заключала живую мысль, хотя и направленную искусственно въ одно опредѣленное русло. Мысль эта, волновавшая тогда и общество, была о значеніи національнаго принципа въ исторіи. И вотъ, всякая научная работа, изысканіе въ этомъ направленіи, не только разрѣшалось, но и поощрялось. Хотя, конечно, не обходилось и безъ недоразумѣній.

Такъ, первые славянофилы, имѣвшіе такъ много общаго съ официальной программой Министерства Народнаго просвѣщенія этого періода, были и не поняты, и отнесены еще къ числу распространителей «вредныхъ» ученій.

Реформа 35 г., по словамъ министра, преслѣдовала двѣ главныхъ цѣли: «во-первыхъ, возвыситъ уни-

¹⁾ Введенскій—ibid. Пассекъ—Изъ дальнихъ лѣтъ стр. 22.

верситетское учение до рациональной формы и, поставивъ его на степень, доступную лишь труду долговременному и постоянному, воздвигнуть благоразумную преграду преждевременному вступленію въ службу молодежи еще не зрѣлой; во-вторыхъ, привлечь въ Университетъ дѣтей высшаго класса въ Имперіи и положить конецъ превратному домашнему воспитанію ихъ иностранцами: уменьшить господство страсти къ иноземному образованію, блестящему по наружности, но чуждому основательности и истиной учености, и, наконецъ, водворить какъ между молодыми людьми высшихъ сословій, такъ и вообще въ Университетскомъ юношествѣ стремленіе къ образованію народному, самостоятельному»¹⁾.

Итакъ, если на ряду съ воспитательной задачей, при томъ въ духѣ русской національности, снова усиленно подчеркивается учебное значеніе Университетовъ, то объ ученомъ ихъ значеніи, о разработкѣ науки—снова нѣтъ ни слова. Эта задача остается попрежнему непонятой. Сообразно же воспитательнымъ мотивамъ въ уставѣ ясно формулированы тѣ нововведенія, которыя со времени Александра составляли предметъ отдѣльныхъ распоряженій. Усиленно подчеркивается роль дисциплины; изъ вѣдѣній профессоровъ изъята инспекція даже въ стѣнахъ Университета. Философія исключена изъ состава юридическаго факультета, получившаго болѣе узкій спеціальный характеръ. Философскія же науки отнесены къ истор.-филологическому факультету, но и здѣсь занимаютъ второстепенное мѣсто, являясь лишь однимъ изъ элементовъ исторіи. Но, соединяя съ такими охранительными мѣрами искреннюю заботу о поднятіи

---

¹⁾ Рождественскій—ibid стр. 244—45.

просвѣщенія, Уваровъ стремился приложить всѣ старанія къ усиленію научныхъ силъ Университета. Съ этой цѣлью были организованы снова заграничныя командировки на льготныхъ условіяхъ, и повышены требованія къ лицамъ, поступающимъ въ Университетъ. Но, къ сожалѣнію, въ 40 годахъ кончилось министерство Уварова. Политическія событія въ Западной Европѣ не замедлили дать о себѣ знать и въ Россіи. Правительство отозвалось на нихъ репрессіями, установленіемъ комплекта студентовъ и усиленіемъ цензуры. Строгости послѣдней доходили до абсурда. Профессоръ Никитенко сообщаетъ, что «цензоръ Елагинъ не пропустилъ въ одной географической статьѣ мѣста, гдѣ говорится, что въ Сибири ѣздятъ на собакахъ. Онъ мотивировалъ свое запрещеніе необходимостью, чтобы это извѣстіе предварительно получило подтвержденіе со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ». (!) ¹⁾ Все это тяжело отзывалось на Уваровѣ, бывшемъ искреннимъ поборникомъ просвѣщенія, въ той субъективной формѣ, которая отвѣчала его національнымъ идеямъ. Съ нимъ сдѣлался нервный ударъ, послѣ чего Уваровъ покинулъ министерскій постъ, оставляя по себѣ память, какъ о человѣкѣ, при которомъ никто не былъ по его волѣ преслѣдуемъ за идеи. ²⁾ Его смѣняетъ рядъ мало извѣстныхъ министровъ; характеристика, данная первому изъ нихъ профессоромъ Никитенко, достаточно обрисовываетъ назрѣвшія правительственныя тенденціи. «Князь Ширинскій-Шихматовъ», говоритъ Никитенко, «былъ добръ и по природѣ, и по убѣжденіямъ христіанина, справедливъ, простъ и добродушенъ». Роль его заключалась въ точномъ исполненіи предписаній свыше; а послѣдними

¹⁾ Никитенко—ibid т. I, стр. 596.

²⁾ Ibid.—стр. 447—48.

было указано: новое сокращеніе выборнаго начала, контроль профессорскихъ программъ ректорами и деканами, передача философскаго преподаванія профессору богословія и запрещеніе приглашать иностранныхъ ученыхъ. Такъ, къ концу царствованія Николая I оказался почти совершенно разрушеннымъ столь недавно введенный уставъ 35 г.

Но министерство Уварова сыграло свою роль. Германія, къ которой въ эти годы Россія снова вынуждена была обратиться за помощью своему просвѣщенію, опять внесла въ русскій Университетъ обновляющую струю, и, на ряду съ упоминавшимися выше частными кружками, въ университетѣ ярче заговорила умственная жизнь. Возвращавшіеся изъ заграницы молодые профессора привозили съ собой новыя научныя требованія и результаты, завѣтныя мечты, вѣру въ людей и науку, и отношеніе къ кафедрамъ, какъ ко «святымъ наоямъ съ которыхъ они были призваны благовѣстить истину». 1) Многіе начинаютъ читать не хуже берлинскихъ профессоровъ. И вотъ, прекращается беззастѣнчивое кочеваніе съ одной кафедры на другую, такъ какъ происходитъ сосредоточеніе на избранномъ предметѣ. 2)

Вмѣстѣ съ подъемомъ знанія, мы видимъ, какъ, среди молодыхъ профессоровъ, завоевываетъ себѣ мѣсто тотъ идеаль научнаго творчества, чистой науки, съ ея философскимъ обобщающимъ элементомъ, котораго до сихъ поръ мы не встрѣчали столь ясно выраженнымъ въ русскомъ Университетѣ. Размѣръ нашего обзора не позволяетъ намъ дать полную характеристику тогдашнихъ профессоровъ и ихъ дѣятельности.

---

1) Герценъ—Былое и думы—ч. III стр. 255—256.

2) Иконниковъ—ibid—стр. 93.

А потому, мы ограничимся двумя-тремя болѣе яркими примѣрами. Вотъ передъ нами Надеждинъ, своими философскими лекціями объ эстетикѣ, производившій такое глубокое впечатлѣніе на студенчество, что, по словамъ Станкевича, если онъ будетъ когда либо въ раю, то лишь благодаря Надеждину.

Вотъ Никитенко, всю жизнь горѣвшій служеніемъ идеалу, стремленіемъ воплотить его въ жизнь, горячо отзывавшійся и пробуждавшій высшіе запросы человеческого духа.

Вотъ, наконецъ, Грановскій, котораго боготворила и русская публика, и русская молодежь. Образъ его, его взгляды особенно для насъ интересны и поучительны въ виду этого.

Наука должна находиться въ связи съ жизнью, съ обществомъ, не быть мертвой и изолированной, говорилъ неоднократно Грановскій. Но тѣмъ не менѣе, она не была для него никогда орудіемъ для посторонней цѣли. Ко всѣмъ историческимъ явленіямъ и дѣятелямъ онъ хранилъ одинаково правдивое отношеніе ¹⁾. «Дерзкая мысль поправлять царственное теченіе жизни человѣчества была далека отъ его наукообразнаго взгляда». ²⁾ Попытка вліять на общество никогда не принимала у него формы угожденія его вкусамъ въ ущербъ интересамъ науки, а тѣмъ болѣе популярничанія. Рукоплещетъ ему молодежь—онъ останавливаетъ слишкомъ бурное проявленіе ея восторга ³⁾. Основывается имъ журналъ—онъ говоритъ: «Наука строгая, но въ формѣ доступной каждому истинно образованному человѣку... Дрянной публикѣ мы угождать не станемъ—лучше имѣть шестьсотъ подпи-

¹⁾ Станкевичъ—Біографія Грановскаго—стр. 304.

²⁾ Москвитянинъ 1844 г. № 7.

³⁾ Пассекъ—Изъ дальнихъ лѣтъ II ч. стр. 371—372.

счиковъ». 1) Читаетъ онъ публичныя лекціи, и общество впервые слышитъ искреннюю, независимую, но *строго научную* мысль, облеченную лишь въ понятныя и высоко художественныя формы. По словамъ Чаадаева, лекціи эти имѣли историческое значеніе. 2) Въ чемъ же заключалось оно?

Оно заключалось въ томъ культѣ свободной живой науки, которой не знало до него русское общество. И Грановскаго, не оставившаго даже крупныхъ научныхъ трудовъ, хотя всю жизнь отдавашаго одной наукѣ — называли общественнымъ дѣятелемъ. И велико было его вліяніе. Изъ его рѣчей молодое поколѣніе училось видѣть въ наукѣ не средство, а цѣль. Училось бережному обращенію съ человѣкомъ, независимо отъ взглядовъ и идей, ибо «идеи не суть индійскія божества, которыхъ возятъ въ торжественныхъ процессіяхъ, и которыя даютъ поклонниковъ своихъ, суевѣрно бросающихся подъ ихъ колесницы». 3) Отсутствіе предвзятыхъ тенденцій, новые, чисто-научные, взгляды не отвѣчали видамъ правительства, но они благотворно отразились на обществѣ и молодежи.

Характеризуя общество и молодежь Николаевского времени, современники какъ бы противорѣчатъ другъ другу, описывая ихъ то свѣтлыми, то крайне мрачными красками 4). Намъ кажется, что противорѣчія эти вполнѣ примиримы. Безспорно, что масса общества безучастно относилась ко всему, кромѣ положительныхъ интересовъ. Что масса студенчества была мало развита,

1) Станкевичъ—*ibid* стр. 129.

2) *Idib*—стр. 140.

3) Станкевичъ—*ibid*, стр. 161.

4) См. Барсуковъ—Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 15 стр. 201. Невѣдѣнскій—Катковъ и его время. Станкевичъ—*ibid*.

не отличалась ни начитанностью, ни особымъ интересомъ къ предметамъ университетскаго преподаванія ¹⁾. Но не подлежитъ сомнѣнiю, что то же общество и студенчество, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, больше чѣмъ когда бы то ни было постигло великое объективное значенiе науки, цѣнность тѣхъ отвлеченныхъ началъ, съ которыми послѣдняя ихъ знакомила въ формѣ философіи. Въ этой молодежи «стремленiе къ умственному и эстетическому развитiю составляло дѣйствительный интересъ... Это было время искренняго увлеченiя наукой и искусствомъ, господства идейныхъ интересовъ. Изученiе философіи превратилось въ настоящiй культъ. Философскія системы не только передумывались, но, такъ сказать, переживались». Наука «не понималась тогда сухо и положительно, какъ интересъ одного ума; въ ней видѣли путь къ освѣщенiю всѣхъ задачъ жизни» ²⁾. И въ обществѣ мы видѣли цѣлый рядъ уже отмѣченныхъ выше философскихъ кружковъ ³⁾. Участники этихъ кружковъ, какъ студенческихъ такъ и частныхъ, не замыкались однако въ одну сухую науку. Жизнь, общественность глубоко интересовала и увлекала ихъ ⁴⁾. Но жизненные интересы тогда (и это едва ли не единственный разъ въ русской исторiи) шли объ руку съ научными, не подрывая ни святости послѣднихъ, ни серьезности ихъ. Свидѣтельство Герцена по этому поводу особенно любопытно, какъ свидѣтельство человека, ни въ коемъ случаѣ не могущаго заслужить упрека въ «отвлеченной и мертвой учено-

¹⁾ Станкевичъ—ibid стр. 36.

²⁾ Невѣдѣнскій—ibid стр. 2.

³⁾ См. Введенскій—ibid—стр. 25, 26. Невѣдѣнскій—ibid—стр. 10, 11. Юзефовичъ—Сборн. ст. и зап. по вопр. народн. образованiя—стр. 38.

⁴⁾ Пассекъ Ibid—т. I стр. 325—326, 432—434, 464.

сти» ¹⁾. Правда, у Герцена мы уже встрѣчаемся съ отдѣльными, столь знакомыми уху современнаго чело-вѣка, замѣчаніями о «постныхъ труженникахъ, копающихъ на заднемъ дворѣ науки», о наукѣ, какъ средствѣ, и т. п. ²⁾. Но все это мимоходомъ брошенныя мысли, всей важности которыхъ Герценъ, повидимому, не сознаетъ, такъ какъ тутъ же самъ говоритъ и о высотѣ теоретическихъ стремленій, и о большомъ значеніи науки.

Тогдашнее общество отрицательно относилось къ узкой исключительности, къ преобладанію однихъ политическихъ интересовъ, и Герцену, далеко не теоретику по душѣ, приходилось вооружаться томами Гегеля, чтобы преодолѣть то «почетное снисхожденіе», съ которымъ, по его собственнымъ словамъ, его приняли въ кружокъ Станкевича ³⁾. Такъ, занимаясь вопросами общественными, члены кружка въ эту пору интересовались и отвлеченными философскими положеніями, чтили науку, какъ святыню, и въ окружавшей ихъ дымкѣ идеализма лежитъ разгадка и того уваженія къ личности, къ убѣжденію, которое наблюдается при всемъ различіи взглядовъ. «Оставимъ каждого жить, какъ онъ хочетъ. Не будемъ читать другъ другу поученій, посылать буллы, требовать отчета» — эти слова Бѣлинскаго не мѣшало бы вспомнить нынѣшней молодежи.

Такъ людямъ, впервые поднявшимъ знамя науки и умственнаго творчества, обязаны мы той плеядой первоклассныхъ писателей и публицистовъ, научныхъ работниковъ, безкорыстно, часто даже безымянно, отдавшихъ ученому труду свои силы (разумѣемъ дѣятель-

¹⁾ Герценъ—Ibid—ч. I—стр. 148—156.

²⁾ Ibid—ч. III—стр. 149—241.

³⁾ Пассекъ—ibid.—ч. II стр. 62.

ность знаменитаго Румянцевскаго кружка ¹⁾, выросшихъ какъ это ни странно, въ удушливой атмосферѣ Николаевскаго царствованія. Изъ нея же вышла и большая часть дѣятелей Освободительной эпохи. Кажалось, мы стоимъ на точкѣ, отъ которой неуклонно будетъ расти и развиваться прогрессивное движеніе въ Университетѣ. На дѣлѣ вышло иначе. Многіе видятъ полное объясненіе этого факта въ тѣхъ репрессіяхъ, которыя надолго смѣнили если не научный, то все же и не столь враждебный наукѣ, духъ системы Уварова. Намъ кажется, что причины этого явленія гораздо глубже и, не отличаясь такимъ исключительно внѣшнимъ характеромъ, коренятся въ антинаучной перемѣнѣ общественнаго сознанія.

III.

Со вступленіемъ на престолъ Александра II разсѣялись тучи на русскомъ горизонтѣ, и начало свободы проникло и въ Министерство Народнаго Просвѣщенія. Вначалѣ, въ пятидесятыхъ годахъ, происходитъ лишь постепенная отмѣна исключительныхъ мѣръ и подготовка почвы для всестороннихъ реформъ. Это время министровъ Норова, Ковалевскаго, Путятина. Въ ожиданіи новаго устава, разрѣшены публичныя лекціи, возстановлены кафедры философіи, уничтожено преподаваніе военныхъ наукъ, введенное въ столичные Университеты въ 1854 году. Полиціи предписывается «вѣжливѣй» обходиться со студентами. Но, на ряду съ этимъ, такъ какъ студенчество этихъ лѣтъ, по выраженію Кудрявцева, занималось вмѣсто науки «quasi — политическими демонстраціями», то вопросы дисциплины и мѣръ къ прекращенію

---

¹⁾ Иконниковъ—Опытъ русской исторіографіи.

ихъ — также играютъ видную роль. Вслѣдствіе усиленія безпорядковъ, въ шестидесятомъ году у Государя возникаетъ даже мысль о закрытіи Университетовъ, которое и происходитъ въ слѣдующемъ шестьдесятъ-первомъ году. По этимъ же причинамъ и цензура, несмотря на нѣкоторое послабленіе сравнительно съ предшествующей «эпохой, далеко не находится въ благопріятныхъ условіяхъ. «Государь вообще не расположенъ къ литературѣ», замѣчаетъ въ своемъ дневникѣ Никитенко. А въ 61 году и совсѣмъ натягиваются возжи. Тѣмъ не менѣе, принципы, нашедшіе выраженіе въ уставѣ 63 года, не узкаго утилитарнаго характера, а широкаго образованія. Офіціальная записка Ковалевскаго ясно говоритъ, что Университеты «не воспитательныя, а высшія учебныя заведенія», куда молодежь должна поступать «не для служебныхъ и внѣшнихъ преимуществъ». ¹⁾ Принципъ яснаго отдѣленія науки отъ всякихъ побочныхъ «служебныхъ» цѣлей составляетъ отличительную черту новаго Устава. Сообразно съ этимъ, по уставу въ Университетѣ сосредоточиваются научные вопросы и устраняется мелочная регламентація, обусловливавшаяся всегда нравственными, а не научными соображеніями. Открывается неограниченный доступъ студентовъ. Устанавливается снова Университетскій судъ по дѣламъ дисциплинарнымъ въ стѣнахъ учебнаго заведенія, при чемъ предпочитается, чтобы инспекторъ былъ изъ профессоровъ. Дается автономія Совѣту, хотя и не въ полной формѣ ²⁾. Главные недостатки, которые предполагалось отвратить новымъ уставомъ—это: во-первыхъ, недочетъ въ хорошихъ профессорахъ; во вторыхъ, излишнее раз-

---

¹⁾ Рождественскій—ibid—стр. 356.

²⁾ Ibid—стр. 418.

нообразіе обязательныхъ предметовъ; въ третьихъ, недостаточная подготовка поступающихъ въ университеты; въ четвертыхъ, равнодушіе ученыхъ сословіи къ интересамъ науки и университетовъ (коренившееся, какъ указывалось, въ стѣсненіи автономіи и матеріальной нуждѣ); въ пятыхъ, скудость учебныхъ пособій. Но изложеннымъ принципамъ не суждено было долго руководить дѣятельностью Министерства Народнаго Просвѣщенія. Въ 66 г. происходитъ покушеніе на Государя, и дознаніе Муравьева окончательно раскрываетъ фактъ участія молодежи въ революціонныхъ теченіяхъ. Этотъ моментъ является поворотнымъ пунктомъ въ правительственной тактикѣ, и охранительныя начала христіанской религіи и существующаго государственнаго строя кладутся въ основу дальнѣйшихъ распоряженій.

Особенностью разсмотрѣннаго періода въ жизни Университетовъ былъ совершенно новый способъ выработки ихъ преобразованій. Не въ канцелярской тишинѣ, а гласно, при дружномъ участіи всего общества—формулировался новый уставъ, обсуждались недостатки учебнаго дѣла. Обращаясь къ 2-хъ-томному своду замѣчаній на проектъ Университетскаго устава, мы поражаемся, какъ много вложено туда искренняго чувства и воодушевленія, ясной мысли объ истинныхъ задачахъ науки и Университета. Казалось бы, общество и, особенно, профессоры, съ такой опредѣленностью и полнотой выразившіе правильные взгляды на объективную цѣнность науки и ея роль въ государствѣ—должны были бы высоко держать свое знамя. Казалось бы, общество, болѣе чѣмъ когда бы то ни было находилось на высотѣ пониманія университетскихъ задачъ, а слѣдовательно, и стремленія къ про-

веденію ихъ въ жизнь. Но выводъ этотъ только кажущійся. Несмотря на блестящую теоретическую разработку научнаго вопроса, на практикѣ, именно въ это время, въ профессорской и общественной средѣ появляется новый, чуждый наукѣ, факторъ, и факторъ внутренняго характера, приведшій, поэтому, по нашему мнѣнію, къ несравненно худшимъ послѣдствіямъ, чѣмъ даже внѣшнія репрессіи николаевской эпохи. Факторъ этотъ—внесеніе въ Университетъ политики, при чемъ, на этотъ разъ, не сверху, а такъ сказать, изнутри, и, — какъ результатъ, — исканіе популярности профессорами.

Сущность этой перемѣны лучше всего выяснилась на возбудившейся по поводу университетскаго устава полемикѣ профессора Чичерина съ Костомаровымъ, наглядно иллюстрирующей характеръ нарождавшейся антинаучной тенденціи и непониманія того, чѣмъ долженъ быть Университетъ для выполненія своего назначенія. ¹⁾

Университетъ долженъ представлять собою корпорацію учащихъ и учащихся. Въ немъ молодежь должна находить умственную атмосферу, преданія науки, необходимость труда и товарищества. Нравственная сила Университета заключается въ той особенной атмосферѣ, которая образуется въ немъ живымъ общеніемъ преподавателей и учащихся, занятыхъ однимъ дѣломъ, имѣющихъ общую цѣль—науку. Чѣмъ больше въ него примѣшивается постороннихъ и чуждыхъ стихій; тѣмъ онъ будетъ бесплоднѣе и безсильнѣе. Профессору необходима постоянная студенческая аудиторія, а не публика. Только передъ ней у него можетъ быть постоянное сознаніе святости

---

¹⁾ Чичеринъ.—Что нужно для русскихъ Университетовъ?—I, стр. 6—7. Барсуковъ—ibid кн. I-ая стр. 264—65, 287—91.

своей научной роли. Профессоръ образуетъ аудиторію, но и аудиторія образуетъ профессора. «Превратите Университеты въ публичныя мѣста, и все это разлетится въ прахъ, лучшая пора жизни будетъ втоптана въ общую житейскую пошлость». Таковы основныя положенія Чичерина. Какія чувства соединялись у него съ воспоминаніями объ Университетѣ, мы можемъ видѣть изъ слѣдующихъ строкъ: «Вступая въ первый разъ на кафедру, я, въ силу понятнаго чувства, обратился къ драгоценной для меня и для всего Университета памяти Грановскаго. А говоря о Грановскомъ и объ его значеніи для Университета, я естественно не могъ не упомянуть о томъ, что недавно память его призывалась при разгарѣ страстей, во время волненій. Друзья и почитатели Грановскаго ежегодно, и даже нѣсколько разъ въ годъ, служатъ панихиду на кладбищѣ, гдѣ онъ погребенъ; но до сихъ поръ это совершалось не въ видѣ демонстраціи, не съ политической или общественной цѣлью; имя Грановскаго не служило знаменемъ при раздорахъ и лозунгомъ партій; приходившіе къ его могилѣ, въ тишинѣ и благоговѣніи, вызывали въ себѣ образъ человека, о которомъ воспоминаніе способно возвысить душу. Нынѣшній годъ было не то. Мнѣ было больно это видѣть. Съ чьей бы стороны, по какому бы поводу ни произошла на могилѣ Грановскаго манифестація, которая бы возбуждала страсти и вызывала вмѣшательство полицейской власти,—я бы одинаково нашель ее достойной сожалѣнія, и объ этомъ я счель нужнымъ сказать въ своей вступительной лекціи» ¹⁾. И такія чувства, такія мысли, смогли вызвать противъ Чичерина цѣлую бурю негодованія, рядъ многочислен-

¹⁾ Барсуковъ—ibid кн. 18-ая стр. 264—265.

ныхъ принципиальныхъ возраженій со стороны Костомарова. Вотъ его взгляды: дѣленіе слушателей на публику и студенчество лишено значенія, такъ-какъ въ обоихъ случаяхъ въ ихъ средѣ могутъ находиться люди, серьезно интересующіеся наукой. Съ этой точки зрѣнія составъ аудиторіи долженъ быть для профессора безразличенъ. Товарищество съ людьми родственными по возрасту и роду занятій—явленіе желательное; но оно отнюдь не связано съ узаконенной корпораціей. Знакомство и сближеніе можетъ происходить и въ публикѣ. Въ частности, въ Университетѣ такъ мало этой связи. Въ Университетѣ—по мнѣнію Чичерина—витаеть духъ науки, хранятся научныя преданія и традиціи. Но гдѣ они? «У меня осталось одно тяжелое воспоминаніе о бездарности, недобросовѣстности, корыстолюбіи и грубости наставниковъ, о невѣжествѣ, умственной лѣни и безнравственности большинства товарищей, да вдобавокъ, о той неутѣшительной, нравственно грязной средѣ, въ которой прозябало наше воспитаніе и образованіе» ¹⁾.

Наконецъ, Костомаровъ протестуетъ противъ Университета, какъ корпораціи, и во имя того, что всякая корпорація преслѣдуетъ воспитательныя цѣли, а Университетъ, какъ высшая школа, долженъ чуждаться ихъ. Мнѣніе Костомарова не было единичнымъ.

Такъ, осуждая на уничтоженіе Университеты, новое поколѣніе профессоровъ доказывало этимъ и ихъ паденіе, и свое непониманіе дѣйствительно воспитывающаго значенія того общаго научнаго духа, который такъ важенъ для молодежи и дается цѣлой корпораціей больше, чѣмъ отдѣльными лицами. Профессора играли «воспитаніемъ» подобно тому, какъ правительство играло прежде «просвѣщеніемъ».

¹⁾ Замѣчанія на проектъ общаго Унив. Устава 1862 г. т. II, стр. 19—22.

Но не въ однихъ теоретическихъ разсужденіяхъ сказывалось знаменіе времени. Научные интересы и традиціи и на дѣлѣ отступили на задній планъ. Профессоръ Ярославскаго лица Духовскій вводитъ во внутреннюю жизнь студентовъ агитатора Ковалька ¹⁾.

Въ дневникѣ Никитенко мы находимъ упоминаніе о соглашеніи нѣкоторыхъ профессоровъ съ цѣлью поставить министерство въ затруднительное положеніе. Они препятствуютъ даже новымъ лицамъ поступать на юридическій факультетъ. Въ примѣръ чему приводится Рѣдкинъ ²⁾.

Барсуковъ въ жизнеописаніи Погодина, сообщаетъ намъ любопытную исторію съ организаціей публичныхъ лекцій, въ которыхъ принималъ участіе Костомаровъ ³⁾. Въ городской Думѣ были открыты публичныя лекціи рядомъ профессоровъ. Но вскорѣ одинъ изъ участвовавшихъ, профессоръ Павловъ, за политическую выходку на одномъ чтеніи (такъ отмѣчаютъ современники характеръ рѣчи Павлова, слышшаго вообще за человѣка ума не блестящаго) былъ высланъ изъ Петербурга. Остальные увидѣли въ этомъ достаточное основаніе для *прекращенія курса научныхъ лекцій, въ знакъ политическаго протеста*. Противъ этого возсталъ Костомаровъ. Публика поддержала его. Въ аудиторіи произошла знакомая картина: сотни голосовъ кричали «читайте», «читайте»; имъ отвѣчали свистки и оскорбленія со стороны тѣхъ, которые хотѣли сдѣлать невозможнымъ продолженіе лекцій. Интересно, что свистуны тогда уже дѣйствовали во имя какого-то комитета, нисколько не участвовавшаго гласно,

---

¹⁾ Паленъ. — Записка объ успѣхахъ революціонной пропаганды въ Россіи, стр. 13.

²⁾ Никитенко—*ibid*, т. II, стр. 297.

³⁾ Барсуковъ—*ibid*, кн. 19, стр. 109—115.

какъ выяснилось изъ объясненій Костомарова, въ первоначальномъ устройствѣ лекцій. «Самостоятельность Костомарова», замѣчаютъ по этому поводу Отечественныя Записки, «тѣмъ болѣе достойна уваженія, что онъ прямо отъ рукоплесканій пошелъ на встрѣчу свисткамъ и не задумался изъ боготворимаго идола публики превратиться мгновенно въ честнаго человѣка, рѣшающагося смѣть свое сужденіе имѣть» ¹⁾.

Но не всѣ обладали благородствомъ Костомарова. Исканіе популярности и потаканіе студенческой распущенности доходятъ до изумительныхъ размѣровъ. Коринѣскій, въ своихъ воспоминаніяхъ ²⁾, показываетъ, что въ Медико-Хирургической Академіи начальство допускало сходки по ночамъ. Въ замѣчаніяхъ на проектъ Университетскаго устава 62 г. мы неоднократно встрѣчаемся съ мыслью о важности полной независимости профессора отъ студенчества — фактъ подтверждающій ея отсутствіе.

Неудивительно, что при такихъ условіяхъ все ниже и ниже падалъ профессорскій авторитетъ. «Честному человѣку съ честными убѣжденіями безчестно принимать кафедру. Положеніе вещей требуетъ, чтобы профессоръ былъ агитаторомъ, и тогда онъ будетъ имѣть вліяніе на студентовъ, но это гадко. Или онъ долженъ быть кимваломъ бряцающимъ, подобно всѣмъ другимъ, и брать жалованіе единственно за упражненіе своихъ легкихъ; но это глупо и также гадко.

Если же бы человѣкъ съ честными убѣжденіями не захотѣлъ оставаться кимваломъ бряцающимъ, а сказалъ энергическое слово; захотѣлъ бы провести свое убѣжденіе:—исходъ понятенъ—онъ, все равно,

---

¹⁾ Барсуковъ—*ibid*, кн. 19-ая, стр. 111.

²⁾ Трубниковъ—*ibid*, стр. 57.

черезъ нѣсколько дней долженъ будетъ выйти» ¹⁾. Таковъ отзывъ современниковъ.

Такъ, наряду со старыми грѣхами — недостаточно серьезнымъ знакомствомъ съ наукой, недобросовѣстнымъ исполненіемъ обязанностей и страстью къ чинамъ (послѣднимъ даже при обсужденіи либеральнаго устава 63 года было удѣлено не малое вниманіе) ²⁾ на ветхомъ рубищѣ русскихъ Университетовъ появляются новыя прорѣхи.

Какъ же относилось общество Освободительной эпохи къ такому упадку науки и Университетовъ?

Параллельно съ указаннымъ раньше яснымъ пониманіемъ значенія науки и отдѣленіемъ въ теоріи ея задачъ отъ всякихъ побочныхъ цѣлей, на практикѣ мы встрѣчаемся съ фактами какъ разъ противоположнаго порядка. Отсутствіе высшихъ интересовъ, любознательности, преобладаніе легкой литературы—вотъ черты, характеризующія въ массѣ общество этихъ десятилѣтій, отмѣченныя и послѣдующими изслѣдователями и современниками, среди которыхъ есть даже студенты ³⁾. «Россія—живая нація въ дѣлѣ развитія, но она холодна къ труду надъ научными подробностями. Русскіе хорошо одарены, но болѣе склонны къ удовольствію пользоваться готовыми плодами, чѣмъ насладиться трудомъ свободнаго и самостоятельнаго изслѣдованія. Многосторонняя, многожаждущая Россія съ напряженнымъ вниманіемъ ловить все, что есть на Западѣ подходящаго къ зачаткамъ ея культуры. Въ толстыхъ журналахъ всевозможные ученые, политическіе и литературные плоды серви-

---

¹⁾ Барсуковъ.—*ibid*, кн. 18-ая, стр. 216.

²⁾ Гиляровъ-Платоновъ.—Университетскій вопросъ стр. 64.

³⁾ Иконниковъ—*ibid* стр. 115. Гиляровъ-Платоновъ—*ibid* стр. 8—9, 92—96.

руются публикѣ въ самомъ пріятномъ общедоступномъ изложеніи. Оттого нѣтъ ни одной страны, гдѣ съ такимъ успѣхомъ процвѣтало бы столько толстыхъ журналовъ, какъ въ Россіи» ¹⁾).

Наука «не вытребована» обществомъ, и въ этой области передъ нами или индифферентизмъ, или дилетантизмъ и склонность къ популяризаціи изумительная. «Я не скрывалъ и не скрываю, и устно, и печатно, моего отвращенія отъ этой ультра-либеральной пустотѣ и умственной распушенности, въ которой тонуть иные изъ нашихъ, такъ называемыхъ передовыхъ, журналовъ», пишетъ Никитенко. «Но это не потому, чтобъ я не признавалъ въ нынѣшнемъ направленіи его историческаго происхожденія и значенія, а потому, что, по моему мнѣнію, никакое направленіе не должно сдѣлаться исключительнымъ и господствующимъ.... Я врагъ всякаго абсолютизма, будь онъ политическій, умственный, абсолютизмъ системы или мнѣнія» ²⁾).

И дѣйствительно, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ дилетантизма, здѣсь, какъ и всегда, является крайняя нетерпимость. Къ концу 60 гг., наряду съ тайными изданіями, и въ нѣкоторыхъ повременныхъ замѣчается послѣдовательное проведеніе революціонныхъ тенденцій ³⁾. Вся же литература вообще ударяется въ огульное отрицаніе, стремясь этой безшабашной ломкой всего, что не носитъ на себѣ исключительной печати даннаго момента, «будить русскую мысль». Все что было «вчера», уже по одному этому теряетъ право на существованіе «сегодня».

---

¹⁾ Deutsche Kundschau—1876, März.

²⁾ Никитенко—ibid, т. III, стр. 33—285.

³⁾ Паленъ—ibid, стр. 6. Невѣдѣнскій—ibid, стр. 145.

«Вы говорите, что надо разрушить все старое, все, все, чтобы потомъ создалось новое», пишетъ тотъ же Никитенко. «Но развѣ это возможно?

Старое въ человѣчествѣ: и наука, и искусство, и всякіе опыты, и открытія вѣковъ. Старое все то, откуда вытекаетъ новое. Разрушить все старое, значитъ уничтожить исторію, образованіе»... ¹⁾.

Но вѣдь наука — скажемъ мы — это уже такое «жалкое» слово! Имъ никого не убѣдишь. Если ей раньше не интересовались и равнодушно игнорировали, то теперь высокомерно презираютъ ²⁾.

«Многіе представляютъ себѣ прогрессъ», мѣтко характеризуетъ Чичеринъ, — «въ видѣ безконечнаго движенія впередъ. Точно люди взапуски бѣгутъ къ скрывающейся вдали цѣли. Первенство принадлежитъ тому, кто бѣжитъ, скорѣе, кто, скинувъ съ себя все ненужное бремя, даже самую одежду, налегкѣ пускается въ путь и перегоняетъ соперниковъ ³⁾.

Это отрицаніе и пропаганда усердно и сознательно (а впрочемъ — можетъ быть вполне и нельзя здѣсь примѣнить этого слова?) — вносятся обществомъ въ учащуюся среду. Въ запискѣ Палена приводится цѣлый рядъ фактовъ приготовленія родителями своихъ, еще не окончившихъ гимназій, дѣтей — «для народа» ⁴⁾. Въ семьѣ, съ каѳедры, въ обществѣ учится молодежь презирать науку и видѣть свою задачу въ служеніи инымъ «высшимъ» цѣлямъ. «Къ вамъ, молодые люди, къ вамъ, сидящимъ еще на скамейкахъ и въ аудиторіяхъ, обращаюсь я теперь. Вамъ выпадаетъ на долю великое, небывалое дѣло. Вы будете призваны

¹⁾ Никитенко — *ibid*, т. II, стр. 287.

²⁾ Невѣдѣнскій — *ibid*, стр. 485.

³⁾ Барсуковъ — *ibid*, кн. 19-ая, стр. 160.

⁴⁾ Паленъ — *ibid*, стр. 12—13.

спасти міръ и осуществить истинное Царство Христова. Начните съ того, что, изучая науки общественнаго устройства, по преимуществу касающіяся экономическихъ отношеній и естественныхъ правъ чело-вѣка—не вѣрьте имъ, какъ бы онѣ, повидимому, ни удовлетворяли; изучайте ихъ глубоко, для того, чтобы убѣдиться, что въ нихъ забыто сердце; изучайте для того, чтобъ предать ихъ проклятію; изучайте для того, чтобы разрушить ихъ и создать новое зданіе... Умрите, если будетъ нужно... Умрите за сохраненіе равнаго права cadaго крестьянина на землю, умрите за общинное начало»...—Вотъ о чемъ изъ туманной лондонской дали протяжно звонитъ Герценовскій *Колоколъ*.

Станкевича, Грановскаго,—ихъ больше нѣтъ и дорогія тѣни не смущаютъ *Колокола*.

Протестуетъ Чичеринъ, протестуетъ громко, смѣло и горячо. Но это одинокій протестъ, которому стремятся навязать чисто-политическое толкованіе.

Уже среди умственнаго цвѣта общества, среди людей, блиставшихъ образованіемъ, вынесеннымъ изъ школы 40-хъ годовъ, мы видимъ постепенную утрату того идеала науки и научнаго творчества, который свято хранили ихъ учителя.

Славянофилы находятъ возможнымъ отрицать общественное значеніе Грановскаго, ибо въ немъ «не было ничего такого, что бы отвѣчало требованіямъ Россіи, особенно современной» ¹⁾.

Общественное и вѣчное значеніе науки очевидно игнорируется. Революціонеры, въ лучшемъ случаѣ, требуютъ отъ науки революціонныхъ идей, подтвержденія теоретическими положеніями желательныхъ взглядовъ. Славянофилы требуютъ отъ нея «народно-

---

¹⁾ Барсуковъ—ibid книга 14-я стр. 194.

сти», т. е. тоже «направленія», хотя бы и нѣсколько иного. Только въ этомъ случаѣ готовы они признать за наукой цѣну ¹⁾).

Одинъ *Русскій Вѣстникъ* въ лицѣ Чичерина и Каткова настаиваетъ на томъ, что подчиненіе мысли, служащей органомъ науки, какому либо опредѣленному, исторически сложившемуся воззрѣнію на тотъ или другой предметъ знанія—не можетъ быть допустимо. Но какое единодушное негодованіе вызываютъ рѣчи Чичерина къ молодежи о значеніи закона и задачахъ Университета!

«Противъ исполненной гражданскаго мужества лекціи Чичерина»—замѣчаетъ Барсуковъ въ жизнеописаніи Погодина—«возстали и западники, и славянофилы ²⁾». Всѣмъ партіямъ, всѣмъ направленіямъ академизмъ становится одинаково не по душѣ. Вмѣстѣ съ этимъ, въ употребленіе входятъ все болѣе беззащѣтныя, мы готовы сказать грязные, пріемы полемики. Самая грубая шутка и издѣвательство являются показателями «благородной независимости» сужденій. «Бранью полнится русская земля. Всѣ бранятся, отъ малаго до великаго, во всѣхъ сферахъ, на всѣхъ ступеняхъ общества, вездѣ слышишь одно и то же—критику безцѣльную, бесплодную, безтолковую. Тошно становится отъ этого хора... Этой пищей мы всегда готовы пользоваться, она дается и принимается такъ легко, и остроуміе у насъ въ такомъ почетѣ». ³⁾).

Нечего и говорить, что среди подобной «оргии идей» наблюдается постепенный упадокъ философскихъ интересовъ и самостоятельнаго отвлеченнаго исканія.

¹⁾ Барсуковъ—ibid книга 15-ая стр. 158.

²⁾ Барсуковъ—ibid книга 18-ая стр. 262.

³⁾ Барсуковъ—ibid книга 15-ая стр. 255.

«На очереди были слишком жгучіе практическіе вопросы, чтобы еще оставалось время для бесплодныхъ, повидимому, умозрѣній» ¹⁾ Но такъ какъ въ ту пору уже обойтись совершенно безъ философіи было какъ будто неудобно, по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ, то у насъ и распространяются материалистическія воззрѣнія, требовавшія наименьшей затраты мысли и оказавшіяся намъ болѣе по плечу. Конечно, даже они были по привычкѣ заимствованы изъ Германіи. Но тамъ, хотя время господства матеріализма и совпадаетъ съ упадкомъ философскаго мышленія, все же закваска послѣдняго была слишкомъ сильна, чтобы матеріализмъ могъ принять ту форму философской догматики и фанатизма, въ которую его немедленно облекла русская публика ²⁾.

«Чернышевскій, Антоновичъ и Писаревъ — вотъ приверженцы этого ученія, сильные не столько основательностью, сколько тѣмъ значеніемъ, которое они тогда имѣли» ³⁾. Нѣсколько позже, и какъ бы параллельно, къ намъ проникаетъ и позитивизмъ. Но «при полномъ отсутствіи у него маломальски разработанной теоріи познанія, при неизбѣжно вытекающемъ отсюда чисто догматическомъ отношеніи къ исторически установившимся принципамъ точныхъ наукъ, и при его ограниченіи состава философіи одной лишь систематизаціей ихъ общихъ выводовъ—господство Канта неизбѣжно (тоже) должно было содѣйствовать у насъ упадку не только философскаго мышленія, но даже и интереса къ философіи» ⁴⁾.

---

¹⁾ Колубовскій—Очеркъ философіи у славянъ стр. 547.

²⁾ Введенскій—*ibid* стр. 32—33.

³⁾ Колубовскій—*ibid* стр. 529.

⁴⁾ Введенскій—*ibid* стр. 34.

«Философія въ полномъ упадкѣ»—пишетъ и Кавелинъ. Ею пренебрегаютъ, надъ нею глумятся. Она рѣшительно никому не нужна... не опровергнута,—а, просто, отброшена, какъ ненужная вещь.

Упадокъ ея не есть научный выводъ, а признакъ глубокой переменны въ направленіи и строѣ мыслей. Въ такой же опалѣ, какъ философія, находится и единственное ея орудіе—умозрѣніе.

Умозрѣніе въ наши дни чуть не бранное слово. Чтобы лишить какойнибудь выводъ всякаго довѣрія . . . . . стоитъ только назвать его умозрительнымъ,—и дѣло сдѣлано, цѣль достигнута»¹⁾.

Такъ мы видимъ полную пріостановку серьезной работы мысли, утрату пониманія общей связи между отдѣльными науками, господство умственной черни, съ ея высокомеріемъ, отсутствіемъ творчества и непогрѣшимостью сужденій. Это, по истинѣ, столь знакомая теперь, но новая еще тогда — «тиранія свободы». «Возымѣйте въ вашу очередь желаніе быть свободными» читаемъ у Никитенко. «Начните со свободы самой великой, самой законной, самой вожделѣнной для человѣка, безъ которой всякая другая не имѣетъ смысла—со свободы мнѣній. Посмотрите, какой ужасъ изъ этого произойдетъ, какъ они на васъ накинута за малѣйшее разногласіе, какой анаѳемѣ предадутъ, доказывая, что вся свобода въ безусловномъ и слѣпомъ повиновеніи имъ и ихъ доктринѣ. Благодарю за такую свободу! Я могу еще стерпѣть, если квартальный станетъ слѣдить за мной на улицѣ, надоѣдать мнѣ напоминаніями, что тутъ нельзя ступить, или надо ступить такъ, а не такъ, но рѣшительно не могу допустить, чтобы кто либо вторгнулся въ мою внутреннюю

---

¹⁾ Кавелинъ—Задачи психологіи—стр. 3.

жизнь и распоряжался тамъ по своему... Самая ужасная и несносная тиранія та, которая посягаетъ на вашу сокровенную мысль, на святыню вашихъ вѣрованій. По либеральному кодексу нынѣшнихъ крайнихъ либераловъ надо быть съ ними за одно до того, что у васъ, наконецъ, не останется своего—ни мысли, ни чувства за душой» ¹⁾).

Нечего и говорить, что университетская молодежь вполне отразила на себѣ духъ общаго неуваженія къ личности и наукѣ, и съ жаромъ кинулась въ общественную дѣятельность. Общественные вопросы переносились изъ общества въ учащуюся среду или самой молодежью, бессознательно, или уже обществомъ самими отцами—сознательно» ²⁾).

Въ области же умственной наблюдается лѣнь и отсталость, о которой единодушно свидѣтельствуютъ люди самыхъ разныхъ лагерей и направленій. «Между молодежью встрѣчались въ послѣднее время и такія личности, которыя никакъ не хотѣли и настолько закабалить мысль, чтобы остановиться на дважды-два—четыре. Мысль моя свободна, утверждали они, я хочу—приму, хочу—нѣтъ, какую ни на есть математическую аксіому».—Эти ядовитыя слова принадлежатъ популярному профессору Пирогову ³⁾).

«Грамота для насъ ни почему, намъ нужно развитіе, и, не имѣя грамотныхъ учителей, мы хотимъ имѣть учителей развитыхъ... Важное обстоятельство, которое вредитъ нормальности всѣхъ проявленій нашей жизни—это наше неуваженіе къ факту... У насъ кромѣ лекцій нѣтъ другой оцѣнки достоинству профессора. Учасъ мы не интересуемся изучать скучный процессъ

¹⁾ Никитенко—ibid—т. II, стр. 104.

²⁾ Пироговъ.—Университетскій вопросъ, стр. 76.

³⁾ Пироговъ.—Вопросы жизни, стр. 16.

фактическаго дознанія и не заботимся прослѣдить тотъ механизмъ, которымъ дошелъ нашъ наставникъ до убѣжденія... Между тѣмъ, вся связь общества, все вліяніе одного поколѣнія на другое, основано на уваженіи къ фактической сторонѣ жизни.

Взгляды и воззрѣнія раздѣляетъ общество; фактъ соединяетъ» ¹⁾.

Холодное равнодушіе къ серьезному знанію, школьная зубрячка, погоня за баллами... Нескоро найдешь товарища, который бы искренно относился къ наукѣ, съ которымъ жарко можно-бы поспорить, не рискуя черезъ нѣсколько минутъ съѣхать на легонькіе разговорцы...

А было говорятъ, время, когда студенты не прозябали, а кипѣли молодой и здоровою жизнью. Когда, собравшись въ сырой конурѣ съ пробитымъ диваномъ и стуломъ о трехъ ножкахъ, они, разгоряченные споромъ, напимѣрь объ идеяхъ Гегеля, не замѣчали никакихъ неудобствъ и воображали себя счастливейшими изъ смертныхъ. То дѣйствительно была заря новой жизни, и жаль, что она не была предвѣстницей полнаго разсвѣта, но по волѣ невѣдомой силы потухла, исчезла. ²⁾ Это воспоминанія студента 70 гг.

«Молодежь мечтаетъ о возможности жить, ни надъ чѣмъ усиленно не трудясь, ничего не изучая, ни во что не вдумываясь»—отзывъ Русской Рѣчи 61 г. ³⁾.

«Даже ходитъ мимо Университета противно...

Я пришелъ къ холодному убѣжденію въ бесполезности, вредѣ русскихъ Университетовъ, Лицеевъ, даже гимназій. Отсюда выходятъ чиновники съ большими правами, по образованію-же своему ниже крестьян-

¹⁾ Пироговъ.—Университетскій вопросъ, стр. 81—83.

²⁾ Гиляровъ-Платоновъ—*ibid*, стр. 91—93.

³⁾ Замѣчанія на проектъ общаго Унив. Устав. 1862 г. т. II, стр. 511.

скаго мальчика; профессора и учителя, ничему не учившіеся основательно; лекаря ниже любого фельдшера заграничнаго»... Это письмо профессора Ордынскаго къ Погодину ¹⁾).

«Послѣ Севастопольской войны»—повѣствуетъ В. В. Григорьевъ— «неожиданно разрушившей разные призраки, въ которые вѣровало русское общество, наступилъ для него періодъ новыхъ заблужденій, еще болѣе обманчивыхъ, нежели прежнія. Одно изъ этихъ заблужденій заключалось въ томъ, что родившійся позже, тѣмъ самымъ умнѣе родившагося ранѣе, что знанія можно и должно достигать безъ усилій»... ²⁾).

Неудивительно, если при такомъ настроеніи изъ жизни учащихся исчезаютъ проявленія научной академической дѣятельности. Кружки для самообразовація замѣняются кружками революціонными.

Изданія, вродѣ ученыхъ записокъ, въ которыхъ бы принимали участіе студенты, какъ это было при Александрѣ I—отсутствуютъ ³⁾).

Правда, въ 57 году мы встрѣчаемся съ двумя даже чисто студенческими журналами, но они наполняются всяческими ругательствами, при чемъ одинъ зовется *Колоколъ*, другой—*Вѣстникъ свободныхъ мнѣній* ⁴⁾).

Студенты не принимаютъ, какъ въ старину ⁵⁾, участія въ научныхъ диспутахъ или, пожалуй, принимаютъ, но участіе это иного порядка. Мы позволимъ себѣ для характеристики нравовъ студенчества 60 г. вспомнить диспутъ Погодина съ Костомаровымъ.

«Не желаю скрыть»—писалъ Погодину К. Н. Ле-

---

¹⁾ Барсуковъ—*ibid.* Книга 15, стр. 30.

²⁾ *Ibid.* Книга 18-ая, стр. 210.

³⁾ Замѣчанія на проектъ общ. Унив. Устав. 62 г., т. II, стр. 121.

⁴⁾ Никитенко, т. II, стр. 68.

⁵⁾ Барсуковъ, книга 15, стр. 428.

бедевь «искренняго сожалѣнія, что безтолочь, безпорядки, гамъ и отсутствіе даже молодого приличія заставили меня, непривычнаго къ такимъ суетамъ научнаго раута, оставить залу до полнаго развитія и окончанія Вашего состязанія».

И. И. Панаевъ въ своихъ замѣткахъ Новаго Поэта отмѣчаетъ: «Мы сейчасъ вернулись съ диспута Погодина и Костомарова о началѣ Руси.

Мы только замѣтимъ, что во время диспута, въ залѣ раздавались громы рукоплесканій, не всегда, впрочемъ, кстати. Эти громы заглушали слова профессоровъ и мѣшали слушать... Такой энтузіазмъ приличнѣе, кажется, въ залѣ театра, чѣмъ Университета». «Для людей серьезныхъ, для людей, которымъ дорога русская наука и русская мысль, диспутъ былъ явленіемъ прискорбнымъ». Пишуть *Отечественныя Записки* ¹⁾.

Костомаровъ пытается выступить защитникомъ восторженныхъ неистовствъ, (выпадавшихъ преимущественно, конечно, на его долю)—предположеніемъ, что его Жмудская теорія показалась студентамъ «убѣдительно» Погодинской.

Намъ остается только, даже принимая это объясненіе, пожалѣть, что научная убѣжденность молодежи уже тогда бывала такъ легковѣсна и такъ сливалась съ личностью убѣждавшаго. Это блистательно подтвердилось и на данномъ примѣрѣ, когда теорія Костомарова подверглась самой жестокой научной критикѣ, о чемъ онъ, со свойственной ему искренностью, откровенно писалъ Погодину.

На ряду съ этимъ происходитъ увлеченіе концертами, вечеринками и другими затѣями общественно-

¹⁾ Барсуковъ, книга 18, стр. 291—293.

благотворительнаго характера, отнимающими массу времени, а вмѣстѣ и использованіе ихъ, равно какъ и кассы, бібліотеки и проч. обычныхъ учрежденій студенческой жизни—въ цѣляхъ политическихъ ¹⁾. Тѣмъ не менѣе, до 80 г.г. волненію обыкновенно стараются придать академическую внѣшность.

«Студенческая среда наиболѣе благопріятна революціонной пропагандѣ. Но и въ ней пропаганда только тогда будетъ имѣть успѣхъ, когда скроется на первыхъ порахъ подъ какимъ нибудь лично-студенческимъ дѣломъ»—такъ разсуждали еще въ то время даже такіе люди, какъ Нечаевъ ²⁾.

Такой скрытой пружиной «чисто академическихъ» волненій, объясняется и замѣченное уже съ 60 годовъ присутствіе постороннихъ на студенческихъ сходкахъ ³⁾.

Ею-же объясняется и расплывчатость, разнообразіе требованій, которыми сопровождалось выраженіе студенческаго недовольства. Э. Дмитріевъ, въ статьѣ о Русскомъ Университетѣ опредѣленно указываетъ на «непрактическій характеръ этихъ неисполнимыхъ притязаній» ⁴⁾.

Ясно, что причина разложенія Университетовъ лежала глубоко въ самой сущности университетской жизни, и, тѣмъ не менѣе, многіе, отмѣчая царившій упадокъ научныхъ интересовъ, думали дарованіемъ широкихъ корпоративныхъ правъ студенчеству, превращеніемъ Университетовъ въ рядъ вольныхъ лекцій и другими косвенными средствами воскресить погибавшую науку.

---

¹⁾ Барсуковъ—іbid ки. 18 стр. 211—213.

Замѣчанія—т. I стр. 398,—466; 478—79.

²⁾ Грубниковъ—Умственная и нравственная анархія—стр. 58.

³⁾ Гиляровъ-Платоновъ—іbid стр. 135.

⁴⁾ Замѣчанія т. II стр. 419.

Разнузданность въ молодежи наблюдается полнѣйшая. Свистъ, шиканія, рукоплесканія въ аудиторіяхъ—явленія самыя обычныя ¹⁾).

«Развѣ свобода есть что либо пошрое и безпорядочное?... Развѣ общая свобода не есть узы каждаго частнаго лица и частной корпораціи?»—спрашиваетъ Г. И. Филипповъ. «Развѣ эта—молодежь... хлопающая каждой пошлой фразѣ... и дерзкая съ другими, немодными профессорами, развѣ это дѣти свободы?» ²⁾).

«Профессоровъ они ругаютъ безъ мѣры»—пишетъ Никитенко ³⁾).

Кромѣ такихъ, не стѣсненныхъ рамками малѣйшаго приличія, выраженій своего мнѣнія, съ конца 50 гг. мы встрѣчаемся уже со случаями отказа отъ лекцій профессоровъ по причинамъ явно-политическаго характера. Въ 1858 году, въ Москвѣ, студенты устраиваютъ скандалъ профессору Варнеку и заявляютъ о нежеланіи слушать его. Слѣдствіе выясняетъ, что рѣзкостью обращенія Варнекъ дѣйствительно могъ подать поводъ къ студенческому неудовольствію. Но любопытно, что мотивируется оно студентами плохимъ научнымъ достоинствомъ и «отсталостью» профессора.

Между тѣмъ, въ дневникѣ профессора Никитенко, находимъ упоминаніе о совершенно иной оцѣнкѣ Варнека специалистами (онъ былъ зоологъ) ³⁾. Въ Казани, въ 61 г., устраивается походъ противъ нѣмцевъ, при чемъ, наряду съ претензіями академическаго характера, ясно наблюдается разгаръ національныхъ страстей ⁴⁾).

¹⁾ Барсуковъ—ibid книг. 18-я стр. 213.

²⁾ Ibid—стр. 215—247.

³⁾ Никитенко—ibid т. II. стр. 115.

⁴⁾ Погодинъ—ibid кн. 18-я, стр. 222.

Въ 1854 г., въ Петербургскомъ университетѣ, устраивается манифестація съ рукоплесканіями въ честь Костомарова, но даже не для изліянія личныхъ симпатій, а какъ протестъ противъ распоряженія попечителя Казанскаго учебнаго округа, исключившаго за подобныя шумныя манифестаціи многихъ студентовъ ¹⁾.

Въ концѣ 60 гг., въ Одессѣ, медики IV курса отказались отъ лекцій профессора Полунина, объяснивъ, что находятъ ихъ для себя не только «бесполезными, но даже вредными» (!)

Забавность объясненія такъ очевидна, что была тогда же указана газетной прессой, отмѣтившей и тотъ фактъ, что, подвергшіеся исключенію, студенты уже были и прежде замѣшаны въ беспорядкахъ, и, такимъ образомъ, Полунинъ являлся только поводомъ, даже вѣрнѣе предлогомъ,—а происшествіе носило (по теперешней терминологіи) «принципіальный» характеръ ²⁾.

Въ 1874 г., въ Петербургской Медико-хирургической академіи, происходитъ стычка въ аудиторіи профессора Ціона, занимавшаго кафедру физиологіи, при чемъ одни свищутъ, другіе аплодируютъ ³⁾.

Волненіе распространяется на Горный и Технологическій институты, и Университетъ. Студенты требуютъ увольненія Ціона, что и достигается подъ видомъ отпуска профессора за-границу. Причины происшествія толкуются различно. Но врядъ-ли мы очень ошибемся, если будемъ искать ихъ въ томъ фактѣ, что профессоръ Ціонъ, бывшій выдающимся физиологомъ и извѣстный своими научными работами, имѣлъ не-

¹⁾ Барсуковъ—*ibid* кн. 16-я, стр. 498.

²⁾ Гиляровъ-Платоновъ—*ibid* стр. 36—40.

³⁾ Никитенко—*ibid* стр. 371—372.

счастіе соединять съ этимъ настолько консервативныя политическія убѣжденія, что занявшись публицистикой послѣ вынужденнаго прекращенія лекцій—поступилъ въ число сотрудниковъ «*Московскихъ Вѣдомостей*».

Профессоръ П. П. Цитовичъ подвергся въ 1878 г. самому ожесточенному преслѣдованію со стороны прессы и учащейся молодежи за свои общественно-политическіе взгляды.

Не входя отнюдь въ оцѣнку послѣднихъ, мы отмѣчаемъ однако это обстоятельство по той причинѣ, что въ этой исторіи тоже произошло полное смѣшеніе личности П. П. Цитовича, какъ человѣка съ извѣстной политической окраской, — и какъ ученаго, хотя въ своей специальности Цитовичъ представлялъ вполне определенную величину.

Впрочемъ, это не должно насъ удивлять, такъ какъ къ этому времени устанавливается уже совершенно определенный критерій для оцѣнки профессора, съ наукой, разумѣется, ничего общаго не имѣющій. «Студенты не хотятъ теперь слушать профессора, о которомъ знаютъ, что (онъ) ходитъ къ обѣднѣ, хотя бы онъ въ астрономіи хваталъ звѣзды, а въ физиологіи ловилъ малѣйшія измѣненія въ организмѣ», пишетъ Погодинъ ¹⁾.

Печальная участь не минуетъ даже популярныхъ профессоровъ, если имъ доведется навлечь неудовольствіе суровыхъ стражей общественной совѣсти. Въ примѣръ достаточно взять Костомарова, глубокая искренность котораго и благородная независимость характера скоро поставило его въ невозможное положеніе среди той самой молодежи, горячимъ защитникомъ которой онъ являлся во всевозможныхъ случаяхъ

---

¹⁾ Барсуковъ—ibid кн. 18-я, стр. 227.

и по всевозможнымъ поводамъ. «Я получилъ болѣе двадцати ругательныхъ писемъ», передаетъ Никитенко слова Костомарова по поводу выхода послѣдняго въ отставку: «Мнѣ угрожаютъ побить меня, если я останусь въ университетѣ: что же мнѣ дѣлать?»— «Мнѣ было и жалко, и стыдно», добавляетъ уже отъ себя Никитенко. ¹⁾

Какъ будто странно слышать такое признаніе отъ недавняго любимца молодежи, но ея настроенія капризны и своенравны, и, рассказанная нами выше, исторія съ лекціями въ Думѣ не прошла Костомарову даромъ.

Во всѣхъ указанныхъ случаяхъ протестъ проявляется въ вполнѣ беззастѣнчивыхъ, трудно поддающихся описанію, формахъ. Хотя слово бойкотъ—не произнесено, но онъ практикуется въ самой категорической и рѣшительной формѣ; бойкотъ физическій, съ изгнаніемъ профессора изъ аудиторіи, съ общественно-политической подкладкой; для полного тождества съ современнымъ недостаетъ лишь обычнаго теперь ярлыка—«приговора большинства». Вожди тогдашней «передовой» молодежи почему то упустили изъ виду эту столь удобную и, какъ показало будущее, легкодостижимую формальность.

Какъ одинъ изъ образчиковъ отношенія студентовъ къ профессорамъ мы позволимъ себѣ привести любопытный эпизодъ, сохранившійся въ «Воспоминаніи о Московскомъ Университетѣ» профессора Е. В. Ешевскаго. Эпизодъ имѣетъ отношеніе къ приготовлявшейся на могилѣ Грановскаго демонстранціи 4 октября 1861 года, демонстранціи, въ которой, кромѣ университетской молодежи, должно было участвовать и общество.

---

¹⁾ Никитенко—ibid т. II стр. 325.

Къ Ешевскому явился студентъ съ просьбой принять въ ней участіе, и на его отказъ указывалъ, что «имя Грановскаго такое знамя, подъ которымъ можетъ стать каждый либеральный дѣятель». Объясненія Ешевскаго, что Грановскій «не знамя, а человѣкъ, память котораго драгоцѣнна людямъ имѣвшимъ счастье знать его близко, что для этихъ людей одна изъ первыхъ обязанностей не допускать, чтобы имя Грановскаго становилось знаменемъ»—не нашло сочувственнаго отвѣта у студента. Послѣдній даже употребилъ оригинальный и довольно смѣлый аргументъ, сказавши: «На кладбищѣ будутъ жандармы и полиція, и сочувствуете (вы) или нѣтъ демонстраціи, Вашего присутствія довольно для того, чтобы отнести Васъ къ числу участниковъ демонстраціи».—«Это меня взбѣсило», замѣчаетъ Ешевскій. «Я сказалъ ему, что одинаково не боюсь ни жандармовъ, ни тѣхъ, кто его послалъ, и что ни полиція, ни демонстрація не помѣшаютъ мнѣ быть на кладбищѣ». ¹⁾

Юные жрецы Немезиды не ограничивали своего вниманія профессорами и, съ высоты своей, по истинѣ, безпристрастной справедливости, находили время и возможность обратить свое попеченіе и на товарищей.

Воспитательныя мѣры по отношенію къ послѣднимъ носили столь бурный характеръ, что въ 1861 г., вслѣдствіе негодованія, вызваннаго медиками старшихъ курсовъ за неучастіе въ беспорядкахъ, директорамъ трехъ клиникъ—хирургической, терапевтической и Родильнаго Института пришлось просить генералъ-губернатора объ охранѣ безопасности больныхъ, за жизнь которыхъ, въ случаѣ шумныхъ сборищъ, профессора не ручались, въ виду сдѣланныхъ наканунѣ

¹⁾ Барсуковъ—ibid кн. 18-ая стр. 249—250.

серьезныхъ операций, о чемъ и заявляли предварительно самимъ студентамъ. ¹⁾

Профессоръ Спасовичъ, при всей ясно выраженной тенденціи объяснить и оправдать студенческія движенія недостаткомъ корпоративной свободы, также дѣлаетъ однако два цѣнныхъ указанія. Именно: что во время волненія 61 года многіе являлись въ Университетъ специально для запугиванія товарищей и совѣтовъ имъ не посѣщать лекцій, ²⁾—и что «сговорившихся, какъ дѣйствовать, была, быть можетъ, неполная сотня, но она то и давала цѣлому движенію токъ и направленіе ³⁾!

Всѣ эти безобразія не только терпѣлись, но даже поощрялись обществомъ. «Въ обществѣ Петербургскомъ начала 60 гг. было сильное расположеніе къ студентамъ и ко всякому, вообще, движенію, въ какихъ бы формахъ оно ни проявлялось» ⁴⁾. «Въ средѣ его тогда» (прибавимъ, какъ и теперь) «неизвѣстно почему, очень долго держалось убѣжденіе, что свобода слова и печати примѣнима ко всему, за исключеніемъ сужденій о поступкахъ и поведеніи учащейся молодежи» ⁵⁾.

Обращеніе же къ содѣйствію профессоровъ—имѣло мало успѣха. Однихъ не слушали; другіе избѣгали щекотливыхъ объясненій. Такъ, Барсуковъ сообщаетъ намъ случай, когда къ популярному профессору Ешевскому обращались студенты и профессора (Чичеринъ и Дмитріевъ, уже говорившіе со студентами) съ просьбой употребить свое вліяніе для смягченія хотя бы крайнихъ проявленій протеста и насилія; но про-

---

¹⁾ Барсуковъ—ibid—кн. 18 стр. 248.

²⁾ Спасовичъ—Пятидесятилѣтіе Петербургскаго Университета—стр. 55.

³⁾ Ibid—стр. 38.

⁴⁾ Ibid—стр. 38.

⁵⁾ Юзефовичъ—ibid—стр. 37.

фессоръ Ешевскій отказался испытать это средство на томъ основаніи, «что дѣло уже зашло слишкомъ далеко» ¹⁾ *).

Жажда популярности и страхъ передъ студенческимъ приговоромъ становятся характеристичными свойствами большинства профессоровъ.

Нужно было имѣть всю смѣлость и горячность Костомарова, чтобы послѣ исторіи съ Думскими лекціями, въ отвѣтъ на обвиненіе о невыясненномъ количествѣ голосовъ, протестовавшихъ противъ продолженія лекцій—еще воскликнуть: «Странный вопросъ! Для чего мнѣ нужно собирать голоса? Довольно было услышать, что есть желающіе. Неужели . . . . такое дѣло можно рѣшать голосами? Неужели, если бы девяносто девять сказали, что они слушать лекцій не хотятъ, то это обязывало бы сотаго не слушать ихъ, а профессора не читать ему одному? Вы, господа, начинаете свое поприще Репетиловыми, а окончите Расплюевыми» ²⁾.

Это сказалъ Костомаровъ. То же говорилъ Чичеринъ, не смотря на всю разницу характеровъ и политическихъ симпатій и убѣжденій. Но такихъ мнѣній и людей тогда, какъ и теперь, уже было не много.

Такъ, если Герценъ въ своихъ воспоминаніяхъ хвалился съ гордостью, что русскіе не способны къ увлеченію «нѣмецкимъ отвлеченнымъ доктринерствомъ»,—то уже съ значительно меньшей гордостью намъ остается указать, что, повидимому, мы оказыва-

---

¹⁾ Барсуковъ—ibid—кн. 18 стр. 248—249.

*.) Интересно, что есть вещи очевидно не поддающіеся измѣненіямъ времени, ибо подобный же эпизодъ, даже съ сохраненіемъ подробностей, повторился этой осенью въ Петербургскомъ Университетѣ съ однимъ изъ популярныхъ профессоровъ при бойкотѣ профессора Введенскаго.

²⁾ Барсуковъ—ibid кн. 19-ая стр. 106—109.

лись не болѣе способными и къ уваженію къ самой наукѣ, не говоря уже объ увлеченіи ею.

Политиканство профессоровъ и студенчества, утрата обществомъ серьезнаго отношенія къ наукѣ и ея задачамъ, вотъ наслѣдіе, которое оставила Университетамъ эпоха, названная «Освободительной».

Но это былъ тотъ даръ Данайцевъ, который привелъ ихъ въ наши дни къ окончательной гибели. Если наука въ Средніе вѣка была служанкой религіи, то теперь это послушная слуга политики, которая одна является достойнымъ занятіемъ для всякаго, кто не желаетъ прослыть «консерваторомъ». И если раньше политика вносилась въ Университетъ сверху, то теперь она входитъ въ него съ двухъ сторонъ: и сверху, и снизу.

Общество и люди науки соперничаютъ съ правительствомъ въ дѣлѣ разрушенія Университетовъ. Это идетъ тѣмъ успешнѣе, что, какъ мы сказали, съ 66 г. и правительство, въ лицѣ министра Толстого, высказывается за необходимость совмѣстить, «единство управленія» съ единствомъ «направленія» ¹⁾.

IV.

Катастрофа 1-го марта и вступленіе на престолъ императора Александра III, имѣвшія столь рѣшающее значеніе въ жизни русскаго общества, не отразились непосредственно на судьбахъ русскихъ университетовъ. Дѣло въ томъ, что почти 15-ти лѣтнее управленіе министерствомъ Народнаго Просвѣщенія графомъ Толстымъ гораздо болѣе подходило по своему направленію къ новому царствованію, чѣмъ къ царствованію Александра II.

Въ рескриптѣ, данномъ на имя кн. Гагарина въ

¹⁾ Рождественскій—ibid стр. 180.

1866 году вновь обращалось вниманіе на воспитаніе юношества, которое должно было быть направляемо «въ духѣ истинъ религіи, уваженія къ правамъ собственности и соблюденія коренныхъ началъ общественнаго порядка». Для достиженія такихъ результатовъ Толстой, а черезъ два года послѣ его отставки — Деляновъ добивались усиленія правительственнаго вліянія въ дѣлахъ управленія университетами, учрежденія контроля надъ преподаваніемъ въ нихъ и установленія среди учащихся порядка и строгой дисциплины, чего они и думали достигнуть введеніемъ новаго устава. Впрочемъ воспитаніе студентовъ не ставилось, какъ при Николаѣ I, главною задачею университетовъ, и министерство обѣщалось при проведеніи реформы «руководствоваться единственно соображеніями возможно-большаго развитія науки во всѣхъ ея отрасляхъ и пользой многочисленныхъ университетскихъ слушателей, которые должны пріобрѣтать въ университетахъ дѣйствительно научное образованіе»¹⁾.

Сильной помѣхой для министерства явились чрезвычайно участившіеся къ концѣ 60-хъ годовъ студенческіе беспорядки и участіе большого числа студентовъ въ политической агитаціи.

Уже вскорѣ по введенію устава 1863 года, подъ вліяніемъ крупныхъ политическихъ осложненій внутри страны, правительство стало отступать отъ либеральныхъ основъ, на которыхъ этотъ уставъ былъ построенъ. Такъ въ 1866 г. послѣдовало ограниченіе 20⁰/0 числа студентовъ-поляковъ, вслѣдствіе ихъ виднаго участія въ противоправительственной агитаціи, открытаго слѣдственной комиссіей гр. Муравьева по

---

¹⁾ Георгіевскій. „Краткій историческій очеркъ правительственныхъ мѣропріятій противъ студенческихъ беспорядковъ“ СПб. 1890 г.

дѣлу Каракозова. Начиная со слѣдующаго года особой комиссіей вырабатывается рядъ мѣръ для надзора за студентами внѣ стѣнъ университета, затѣмъ слѣдуетъ рядъ стѣсненій, болѣе строгія правила пріема, затрудненіе перехода изъ одного заведенія въ другое и пр. и пр.

Параллельно съ этими стѣсненіями принимаются мѣры для усиленія научныхъ занятій студентовъ, такъ какъ «усердныя занятія всего лучше могутъ отвлечь молодыхъ людей отъ политическихъ увлеченій». Такъ какъ беспорядки не прекращаются, то начинаютъ искать ихъ причины въ недостаткахъ дѣйствующаго устава; консерваторы видѣли всю бѣду въ «республиканскомъ устройствѣ университетовъ» какъ называлъ Катковъ автономію профессорскихъ коллегій, встрѣчавшихъ пассивной, но упорной оппозиціей всѣ попытки правительства усилить свое вліяніе на ходъ университетской жизни.

Не довольствуясь усиленіемъ инспекціи, подчиненной съ 1879 г. непосредственно попечителямъ, къ которой перешла вся судебная и административно-дисциплинарная власть, изъятая изъ рукъ профессоровъ, равно какъ и самый бдительный надзоръ за студентами,—министерство подняло вопросъ о коренномъ измѣненіи устава на основахъ, выработанныхъ въ 1874 г. комиссіей гр. Валюева. Къ началу 1880 г. выработка новаго устава была закончена, и онъ былъ внесенъ въ Государственный Совѣтъ. Но проведеніе его въ жизнь было задержано отставкой гр. Толстого, которая послѣдовала вскорѣ послѣ водворенія во внутренней политикѣ Россіи «диктатуры сердца» гр. Лорисъ-Меликова.

Управленіе въ теченіе одного года Мин. Нар. Просв. ст. секр. Сабуровымъ ознаменовалось отмѣной

изданнаго при его предшественникѣ положенія объ инспекціи, а смѣнившій Сабурова баронъ Николаи добился отмѣны всѣхъ изданныхъ за послѣднія 17 лѣтъ временныхъ правилъ и возстановленія во всей силѣ и полнотѣ дѣйствующаго устава. Однако упорно продолжавшіеся весь 1881 годъ безпорядки привели сначала къ созванію по докладу мин. внутр. дѣлъ Игнатъева особаго совѣщанія, а въ началѣ 1882 года къ замѣнѣ барона Никлаи ст.-секр. Деляновымъ, который на совѣщаніи у Игнатъева въ особомъ мнѣніи излагалъ: «что только коренными, а не палліативными средствами возможно привести наши университеты въ нормальное положеніе и обратить ихъ изъ разсадниковъ политической агитаціи въ разсадники науки». Проведеніе коренныхъ реформъ ст.-секр. Деляновъ считалъ не терпящимъ отлагательства. Такимъ непалліативнымъ средствомъ министръ считалъ новый уставъ, при условіи его строгаго и послѣдовательнаго проведенія въ жизнь. Въ виду этого уставъ снова былъ внесенъ на разсмотрѣніе и въ 1884 г. былъ утвержденъ Государемъ Императоромъ, вопреки мнѣнію значительнаго большинства членовъ Государственнаго Совѣта ¹⁾).

Въ цѣляхъ подчиненія университета сильной правительственной власти уставъ 1884 года прежде всего расширялъ средства надзора за ними со стороны министра, который получалъ права назначать ректора изъ состава ординарныхъ профессоровъ, а также назначать профессоровъ на каѳедры, причемъ за университетскими Совѣтами оставлялось лишь право рекомендаціи. Соотвѣтственно увеличивалась власть попечителя округа, который получалъ возможность влі-

¹⁾ Рождественскій *ibid.*

ять на всѣ области университетской жизни. На немъ же лежала обязанность наблюдать за сохраненіемъ порядка и дисциплины среди студентовъ. Ему подчинена была инспекція. Значительная часть функцій совѣта профессоровъ перешла къ ректору, подчиненному непосредственно попечителю и министру. Наконецъ правительство получало возможность слѣдить за результатами преподаванія черезъ посредство испытательныхъ комиссій, назначаемыхъ министромъ, въ которыхъ производились окончательные (государственные) экзамены, отдѣленные такимъ образомъ отъ курсового преподаванія. Въ цѣляхъ усиленія дисциплины инспекція была поставлена совершенно независимо отъ совѣта профессоровъ, а особая инструкция ей была утверждена въ слѣдующемъ 1885 году. Новый уставъ не признавалъ за студентами права на какія бы то ни было дѣйствія, носящія корпоративный характеръ, считая ихъ отдѣльными посѣтителями университета.

Кромѣ этихъ мѣръ, клонящихся главнымъ образомъ къ уничтоженію въ университетахъ политической агитаціи, уставъ 1884 года ввелъ рядъ мѣръ весьма благотворныхъ для процвѣтанія науки. Такъ, было увеличено содержаніе профессорамъ, дано широкое развитіе институту приватъ-доцентовъ, увеличены штаты университета, обращено вниманіе на усиленіе учебно-вспомогательныхъ учрежденій и на развитіе практическихъ занятій по наукамъ опытнымъ. Таковъ былъ уставъ, которому лишь съ частными измѣненіями суждено было просуществовать болѣе 20 лѣтъ—до нашихъ дней.

Встрѣченный враждебно какъ профессорами, такъ и студентами, новый уставъ не нашелъ себѣ сочувствія и въ общественномъ мнѣніи, поскольку его вы-

разителемъ можно считать русскую печать того времени. Впрочемъ его инициаторы не особенно добивались сочувствія общества. Графъ Толстой, человекъ чрезвычайно сильнаго и энергичнаго характера, по собственному выраженію «популярности не искалъ и популярничанія гнушался». Отсюда рѣзкая разница въ способахъ разработки проектовъ реформъ имъ и его предшественниками. Говоря объ уставѣ 63 года мы указывали на широкое участіе общества въ его разработкѣ. Каждое свое предназначеніе составители отдавали на судъ гласности. Въ противоположность тому всѣ проекты графа Толстого разрабатывались лишь въ тѣсномъ кругу специалистовъ. Такъ къ дѣлу университетской реформы было привлечено лишь 3—4 профессора, изъ которыхъ наиболѣе видное мѣсто занималъ профессоръ московскаго университета Любимовъ, еще раньше поднявшій о ней вопросъ въ печати ¹⁾ и указывавшій для этой реформы тѣ основы, на которыхъ она и была произведена. Нѣсколько органовъ печати тогда же выступили противъ Любимова съ горячими возраженіями. Союзникомъ его явился лишь Катковъ, энергично поддерживавшій Толстого во всѣхъ его начинаніяхъ (особенно по вопросу о классическомъ образованіи). Впрочемъ полемика велась большею частью профессорами и широкіе круги общества мало ею интересовались.

Въ русской духовной жизни восьмидесятые годы могутъ быть названы эпохой апатіи и исканія новыхъ идеаловъ. «Мыслящій реализмъ» шестидесятыхъ годовъ и народничество 70-хъ перестали удовлетворять умы, но не смѣнились еще никакимъ опредѣленнымъ и цѣльнымъ міровоззрѣніемъ. Наоборотъ можно

---

¹⁾ Въ „Рускомъ Вѣстникѣ“.

только поражаться, кратковременности и разнообразію увлеченій со стороны общества, то однимъ, то другимъ. Въ поэзіи замѣчается поворотъ въ сторону теоріи чистаго искусства; является увлеченіе Апухтинымъ; выступаетъ на сцену плеяда малыхъ поэтовъ пушкинской школы ¹⁾. Къ этому же направленію временно примыкають такіе поэты, какъ Минскій, получившій въ предшествующую эпоху, по выраженію С. Венгерова, «широкую извѣстность, какъ пѣвецъ общественныхъ порывовъ и настроеній». Въ беллетристикѣ главенствуетъ творчество Чехова. Изъ иностранныхъ писателей наибольшимъ успѣхомъ пользуется Ибсенъ съ его рѣзкой критикой западно-европейскаго демократизма. Къ концу 90-хъ годовъ къ намъ переносится убогое декаденство.

Въ живописи—это эпоха упадка «передвижного» жанра «съ направленіемъ», не замѣненного никакой опредѣленной эстетической теоріей.

Не менѣе знаменателенъ полный упадокъ философскаго настроенія. Трудно въ этомъ обществѣ узнать дѣтей тѣхъ тонкихъ знатоковъ и цѣнителей нѣмецкой философіи, которыми мы могли гордиться въ 30-хъ и 40-хъ годахъ. Временами увлекаются ницшианствомъ, потомъ толстовскимъ «непротивленіемъ», а наиболѣе крупный изъ всѣхъ русскихъ философскій умъ Владиміра Соловьева проходитъ незамѣченнымъ и извѣстнымъ публикѣ лишь по его публицистической полемикѣ съ нео-славянофилами.

Но въ этомъ хаосѣ идей мы можемъ замѣтить, что увлеченіе политикой въ обществѣ ослабѣло и воскресаетъ оно съ новой силой лишь въ концѣ 90-хъ годовъ. Казалось бы въ это время, скорѣй чѣмъ когда либо,

---

¹⁾ Фофановъ, Случевскій, Голенищевъ-Кутузовъ и др.

могло появиться въ обществѣ стремленіе и жажда науки. Но послѣ угара 70-хъ годовъ оно впало въ полную апатію и, несмотря на отсутствіе сильныхъ отвлекающихъ интересовъ, научное настроеніе не только не возростаетъ, но скорѣе падаетъ. «Самый интересъ къ наукѣ,—говоритъ Соловьевъ,—то научное увлеченіе, которое одушевляло прежде лучшую часть русскаго общества ¹⁾ совершенно исчезаетъ. Только отсутствіемъ всякаго научнаго интереса можно объяснить себѣ полное равнодушіе, съ которымъ наше общество встрѣтило новый университетскій уставъ 1884 года» ²⁾. Въ этой же статьѣ Соловьевъ съ грустью отмѣчаетъ фактъ, что и самая наука въ Россіи начинаетъ вступать въ эпоху упадка. «Правда, благодаря непрерывному накопленію научнаго матеріала, наши молодые ученые знаютъ больше, чѣмъ ихъ предшественники, но они хуже ихъ умѣютъ пользоваться своими обильнѣйшими знаніями. вмѣсто цѣльныхъ научныхъ созданій мы видимъ лишь разросшуюся во всѣ стороны груды строительнаго матеріала и трудъ ученаго все болѣе и болѣе превращается въ черную работу ремесленника» ³⁾.

Какъ же должно было отразиться это паденіе научнаго интереса въ обществѣ и отсутствіе философски-обобщающаго элемента въ наукѣ на университетѣ, особенно на университетѣ русскомъ, который, по замѣчанію Пирогова, служитъ болѣе чуткимъ барометромъ общественнаго настроенія, чѣмъ западные, такъ какъ въ немъ мало сословнаго и вовсе нѣтъ научной традиціи, которая могла бы устоять противъ натиска постороннихъ идей и настроеній? Отсутствіе этой тра-

---

¹⁾ Въ полной мѣрѣ эти слова могутъ быть отнесены лишь къ эпохѣ до 60-хъ годовъ.

²⁾ Вл. С. Соловьевъ.—Національный вопросъ въ Россіи, стр. 87.

³⁾ Ibid — стр. 88.

диці могло бы возмѣститъ лишь сильное вліяніе на студентовъ профессорской корпораціи. Но мы уже указывали на замѣтное паденіе авторитета этой коллегіи среди студентовъ, паденіе обнаружившееся еще въ концѣ 50-хъ годовъ и усиленно продолжавшееся, какъ это на первый взглядъ ни странно, въ эпоху дѣйствія автономнаго устава 1863 года. Кромѣ указанныхъ уже выше причинъ этого упадка, можно указать еще на то, что, принявъ на себя въ 1863 году нравственную отвѣтственность за университеты, профессора проявили весьма мало энергіи въ дѣлѣ приведенія ихъ въ порядокъ, предпочитая добиваться среди студентовъ популярности. Совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ Валугева въ числѣ другихъ причинъ студенческихъ безпорядковъ прямо указываетъ на то, что «коллегіи профессорскія пренебрегаютъ нравственными способами вліянія на учащихся, и наиболѣе вліятельные члены ихъ, какъ только возникаютъ волненіе и безпорядки, обыкновенно устраняютъ себя отъ участія въ ихъ прекращеніи». Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда поведеніе студентовъ заслуживало безусловнаго порицанія, профессора избѣгаютъ его высказывать. Такъ, на примѣръ, по свѣдѣніямъ попечителя учебнаго округа за десять лѣтъ (до 1880 года) въ Петербургскомъ университетѣ профессорскій судъ, которому принадлежала вся дисциплинарная власть, не собирався ни одного раза, что вызывало усиленное примѣненіе къ студентамъ административныхъ взысканій со стороны обще-гражданской полиціи. Единодушны студенты и профессора лишь въ случаяхъ противодѣйствія правительственному вмѣшательству. Такъ, въ 1879 году совѣтомъ петербургскаго университета была представлена министру записка «о причинахъ студенческихъ безпорядковъ», въ которой про-

фессора оправдываютъ свою бездѣятельность довольно общей фразой, что «учебное начальство нерѣдко остается безсильнымъ противъ движенія, характеръ котораго зависитъ не отъ него», слагая всю вину на неправильность и предвзятость отношенія къ студентамъ полиціи, съ которой имѣ, внѣ стѣнъ университета, приходится имѣть дѣло преимущественно передъ другими органами государственной власти. Въ дополнительномъ поясненіи профессора прибавляли, что въ этомъ отношеніи они винятъ не отдѣльныхъ чиновъ полиціи, но всю правительственную систему.

Эта записка, вызвавшая рядъ возраженій со стороны министра графа Толстого, не имѣла практическихъ результатовъ. «Между тѣмъ, пишетъ одинъ изъ главныхъ сотрудниковъ Толстого А. И. Георгіевскій, подпольная типографія напечатала ее съ весьма хвалебнымъ предисловіемъ отъ революціонеровъ-агитаторовъ и актъ 8 февраля 1880 года начался необычайнымъ возгласомъ «студенты привѣтствуютъ Совѣтъ»¹⁾.

Столь же дружнымъ несочувствіемъ студенты и профессора отозвались на введеніе устава 1884 года, который лишалъ профессорскую корпорацію правъ самоуправленія и подрывалъ, какъ жаловались, профессорскій авторитетъ²⁾. Въ Московскомъ университетѣ не только студенты, демонстративно покинули аудиторію во время лекціи пр. Любимова, но и профессоръ, въ числѣ 35, на чрезвычайномъ засѣданіи Совѣта высказали ему рѣшительное порицаніе за его

---

¹⁾ Дѣйствительно, едва-ли не единственный случай въ исторіи русскихъ университетовъ.

²⁾ Мы имѣли случай указать, что профессорскія коллегіи еще до введенія устава 1884 года не пользовались среди студентовъ большимъ авторитетомъ, что очевидно зависитъ отъ болѣе глубокихъ причинъ.

дѣятельность, къ которому присоединились затѣмъ и профессоръ Казанскаго университета. Въ день введенія новаго устава студенты устроили передъ домомъ Каткова шумную демонстрацію и разбили въ его квартирѣ окна.

Впрочемъ уже одни разногласія, возникшія по поводу его введенія, недовольство имъ профессоровъ и всей «передовой печати», сопротивленіе, какимъ онъ былъ встрѣченъ даже въ высшихъ правительственныхъ сферахъ и утвержденіе его, вопреки мнѣнію большинства въ Государственномъ Совѣтѣ, вселяли, по выраженію министра гр. Делянова, мысль о его непрочности и лишали его возможности внести въ жизнь университетовъ то успокоеніе, на которое рассчитывали его инициаторы.

Беспорядки не только не прекратились, но наоборотъ участились, захватывая все болѣе широкій районъ. Впрочемъ, въ 80-хъ и 90-хъ годахъ они выливались чаще всего въ форму протеста противъ строя университетской жизни и имѣли какъ бы чисто академическую форму. Лейдъ-мотивомъ студенческихъ требованій является возвращеніе къ автономному уставу, разрѣшеніе корпоративныхъ организацій и уничтоженіе всѣхъ изданныхъ ограничительныхъ законовъ (какъ-то: ограничительнаго процента для евреевъ), допущеніе въ университеты реалистовъ, семинаристовъ и женщинъ и т. п. Ближе всего эти беспорядки были направлены противъ инспекціи, только что реформированной на новыхъ началахъ. «Васъ, представителей молодой интеллигентной мысли, гласило воззваніе къ казанскимъ студентамъ, онъ (уставъ 1884 г.) отдалъ во власть шпіонствующей инспекціи» ¹⁾.

---

¹⁾ Георгіевскій *ibid.*

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ раздраженіе студентовъ казалось направлено было непосредственно противъ личности инспекторовъ: въ 1887 году въ Москвѣ одинъ студентъ нанесъ инспектору Брызгалову ударъ по лицу; подобный же случай повторился въ Казанскомъ университетѣ съ инспекторомъ Потаповымъ. Въ Одессѣ былъ изорванъ висѣвшій въ залѣ портретъ министра Толстого. Всѣ подобные факты, сопровождавшіе всякіе студенческіе беспорядки и, къ величайшему нашему стыду, повторяющіеся иногда и въ наши дни, свидѣтельствуютъ о невысокомъ культурномъ уровнѣ русскихъ студентовъ того времени, тѣмъ болѣе, что студентъ, ударившій Потапова, въ своемъ письмѣ къ нему (уже послѣ приговора) писалъ, что ничего лично противъ него не имѣлъ и вполнѣ уважалъ его, какъ человека честно исполняющаго свои обязанности, а свой поступокъ объяснялъ вліяніемъ «стаднаго влеченія» ¹⁾.

Другой отличительной чертой беспорядковъ этого періода является участіе въ нихъ тайныхъ студенческихъ организацій, которымъ, путемъ сношенія одной съ другой, удается начинать волненія одновременно въ разныхъ городахъ и разныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Этимъ организаціямъ суждено было сыграть въ исторіи русскаго студенчества за послѣдніе годы столь видную роль, что мы считаемъ необходимымъ, хоть вкратцѣ, остановиться на исторіи ихъ возникновенія, развитія, усиленія и, наконецъ, захвата ими преобладающаго вліянія въ университетахъ ²⁾.

Всякій, кто сколько-нибудь знакомъ съ бытомъ

---

¹⁾ Георгіевскій.—ibid.

²⁾ Данныя о тайныхъ студ. организаціяхъ кромѣ правительственныхъ сообщеній, почерпнуты нами изъ статьи кн. Е. Трубецкого „Къ вопросу о причинахъ безпрестанно возникающихъ въ нашихъ Университетахъ студенческихъ беспорядковъ“. СПБ. 1902 г.

русскихъ студентовъ, знаетъ, что такое землячество. Возникновеніе первыхъ землячествъ относится еще къ 60-мъ годамъ и вызвано было потребностью значительной части студентовъ опираться другъ на друга въ устройствѣ своей матеріальной жизни. Исключительное преслѣдованіе первоначальными землячествами задачъ матеріальной взаимопомощи отмѣчается въ Прав. Сообщеніи отъ 5 декабря 1896 года¹⁾. Изъ писемъ «союзнаго совѣта» землячествъ въ Москвѣ видно кромѣ того, что они задавались цѣлью способствовать и умственному развитію своихъ членовъ, путемъ напр., устройства общихъ бібліотекъ. Несмотря на столь благія задачи, поставленныя себѣ землячествами, правительство не хотѣло признавать ихъ и грозило за участіе въ нихъ исключеніемъ. Нельзя не указать на то печальное вліяніе, которое имѣло это гоненіе, толкавшее землячества на путь нелегальнаго существованія и подпольной борьбы, такъ какъ отрицательное отношеніе устава къ корпоративному началу неизбежно вызывало со стороны всякой студенческой корпораціи враждебное отношеніе ко всему университетскому строю. Министерство забывало,

« . . . . . что даже злая ложь
«Облекается въ сіяніе добра,
«Если ей грозитъ насилья острый ножъ,
«А не сила неподкупнаго пера.»...

Такою «злою ложью», облекшейся въ сіяніе добра, явилась идея о долгѣ студенчества, какъ корпораціи, реагировать на политическія событія... Протесты и возраженія противъ этой идеи отдѣльныхъ профессоровъ не имѣли почти никакого вліянія и приписывались ихъ карьеризму и реакціонерству.

---

¹⁾ „Правит. Вѣстникъ“.

Въ теченіе 90-ыхъ годовъ, параллельно возроста-
нію силы, тайныя студенческія организаціи измѣняютъ
свой характеръ и доходятъ до того вида, въ кото-
ромъ онѣ существуютъ теперь, и въ которомъ явля-
ются уже безусловно анти-академическими, т. е. ги-
бельными для академической и научной жизни уни-
верситетовъ.

Особенно быстро земляческая организація разви-
валась въ Москвѣ. Еще съ 1884—5 гг. появляется здѣсь
Соединенный Союзъ землячествъ, дѣйствующій въ на-
чалѣ тоже исключительно на поприщѣ взаимопомощи.
Когда же къ 1894—5 г. число студентовъ, принадле-
жащихъ къ этому союзу, достигаетъ трети всего числа
студентовъ, то онѣ почувствовалъ въ своихъ рукахъ
силу вліять на ходъ дѣлъ въ Университетѣ и заста-
вить подчиняться своей волѣ «неорганизованное боль-
шинство».

До этого времени С.—С. ставилъ себѣ цѣлью не
допускать беспорядковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ по от-
дѣльнымъ вопросамъ онѣ вмѣшивается въ дѣла упра-
вленія и часто, путемъ угрозы произвести беспорядки,
заставляетъ администрацію исполнять свои требованія.
Такимъ образомъ были удалены профессора Владимі-
ровъ и Кузьминъ, которыхъ студенты считали «реак-
ціонерами». Это удаленіе совершилось по приговору
студенческой «судебной комиссіи». По списку дѣлъ
этой комиссіи видно, что С.—С. стремится устано-
вить за поведеніемъ профессоровъ и администраціи
бдительный контроль студенчества ¹⁾.

Превращеніе земляческихъ организацій въ органи-
заціи чисто-политическія совершается тоже постепенно.

Нѣкоторыя попытки принять участіе въ полити-

---

¹⁾ Такъ попадаетъ между прочимъ дѣло одного профессора, яко бы не-
правильно получившаго отъ Ф.—мат. факультета степень магистра химіи.

ческой жизни страны мы видимъ еще во время Тулонскихъ празднествъ, когда С.—С. высказалъ свое негодованіе французскимъ студентамъ по поводу «раболѣпства свободной націи передъ представителями самодержавнаго режима ¹⁾. Оппозиціонныя политическія тенденціи окончательно складываются въ С.—С., судя по его воззваніямъ, къ 1896-му году. Съ этого времени начинаютъ возникать беспорядки и открыто политическаго характера: въ Москвѣ въ полу-годовой день Ходынской катастрофы и такъ наз. «вѣтровскіе беспорядки» въ Петербургѣ и Кіевѣ.

Въ прокламаціяхъ 1896 и 99-го года совершенно опредѣленно цѣлью движенія выставляется стремленіе добиться правъ личности и другія обще-гражданскія требованія. Впрочемъ даже въ 99-омъ г. большинство студенчества еще не считаетъ политической борьбы своею главной задачей. Поводомъ къ беспорядкамъ послужило столкновеніе съ полиціей и общестуденческая сходка требовала лишь наказанія виновныхъ чиновъ ея, что и дало поводъ министру финансовъ С. Ю. Витте въ совѣщаніи Комитета Министровъ отмѣчать тотъ «отрадный съ его точки зрѣнія фактъ», что беспорядки эти лишены повидимому всякой политической окраски и возникли исключительно на почвѣ недоразумѣній между студентами и ихъ начальствомъ.

За эти слова на С. Ю. Витте обрушился нѣкто Сибирякъ, выпустившій въ томъ-же году въ Женевѣ брошюру «О студенческихъ беспорядкахъ», и объяснявшій «заступничество» Витте за студентовъ лишь желаніемъ «подставить ножку» министру внутр. дѣлъ Горемыкину ²⁾.

---

¹⁾ Правительственное Сообщеніе 5 дек. 1896 г.

²⁾ Сибирякъ. О студенческихъ беспорядкахъ. Женева 1899 г.

Волненія 1899 г. впервые выдвинули два новых фактора, которымъ суждено было сыграть самую видную и самую позорную роль въ жизни русскихъ университетовъ и привести ихъ къ тому окончательному разложенію, печальную картину котораго можно наблюдать въ наши дни. Мы говоримъ о «забастовкѣ» и «обструкціи», какъ вспомогательномъ средствѣ для достиженія той-же забастовки, даже противъ воли большинства.

«Намъ говорятъ, пишетъ проф. Зѣлинскій, «Мы стремимся къ свободѣ; ради нея мы приносимъ въ жертву полгода—а понадобится такъ и больше—своего научнаго развитія». Допустимъ, что расчетъ правиленъ (т. е. что эта жертва можетъ, дѣйствительно, содѣйствовать достиженію той цѣли) и спросимъ дальше: если такъ, то почему же Западъ никогда подобной жертвы не приносилъ? Менѣе нашего дорожить онъ свободой? Исторія достаточно доказала противное. Нѣтъ, конечно, если стать на вашу точку зрѣнія, то можно отвѣтить только одно: потому что эта жертва показалась бы ему чрезмѣрной» ¹⁾.

Но чрезмѣрной не показалась она русскимъ студентамъ и отказъ молодой интеллигенціи отъ просвѣщенія и науки сдѣлался самымъ обычнымъ явленіемъ.

Въ правительственной политикѣ къ началу XX вѣка происходитъ замѣтная переменна, связанная съ именемъ министра генерала Ванновскаго. Его предшественникъ Боголѣповъ, придерживаясь политики строгости и надзора еще разъ попытался уничтожить студенческія волненія путемъ репрессій, издавъ 29 іюня 1899 года «Временныя правила» объ отбываніи воин-

---

¹⁾ Зѣлинскій. *Vivat universitas!* „Русская школа“. 1905 г. №№ 7—8.

ской повинности въ видѣ наказанія студентамъ за участіе въ беспорядкахъ. Опять былъ поднятъ вопросъ объ усиленіи инспекціи и параллельно приняты мѣры къ усиленію практическихъ занятій, что доказываетъ, что министерство еще не создало своего безсилія какими бы то ни было внѣшними мѣрами поднять въ студентахъ утраченный ими интересъ къ наукѣ.

Призванному на постъ министра народнаго просвѣщенія г.-а. Ванновскому было указано въ данномъ ему рескриптѣ безотлагательно приступить къ коренному пересмотру и исправленію дѣйствующаго устава. Въ специально созванной для этой цѣли комиссіи подъ предсѣдательствомъ сначала товарища министра, а потомъ управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія Г. Э. Зенгера, было предположено совершить эту реформу на основахъ автономіи. Впрочемъ эти предначертанія до 26 августа нынѣшняго года остались лишь предначертаніями, и единственно чѣмъ ознаменовалось министерство г.-а. Ванновскаго— была неудачная попытка ввести студенческую курсовую и факультетскую организацію. Попытка эта не имѣла успѣха по двумъ причинамъ: во-первыхъ имъ противодѣйствовали уже существующія нелегальныя организаціи, развитіе которыхъ мы только что указали, а во-вторыхъ, въ силу распространившагося къ этому времени какъ въ студенчествѣ, такъ и въ обществѣ «культы протеста».

Во второй половинѣ 90-хъ годовъ, а особенно въ первые годы новаго столѣтія настроеніе общества замѣтно перемѣнилось. Мало по малу политическіе интересы и стремленія становятся на первый планъ. Переломъ въ настроеніи, или, какъ его называютъ публицисты, «пробужденіе общества отъ апатіи», начался увлеченіемъ теоріей экономическаго матеріализма,

создавшимъ т. наз. нео-марксизмъ. Въ области литературы успѣхъ выпадаетъ преимущественно на долю «марксистской» беллетристики: Максима Горькаго, Леонида Андреева, Чирикова, Вересаева и др.

Въ области науки, по чудному выраженію пр. Зѣлинскаго «въ общественномъ сознаніи проводится принципъ классификаціи наукъ, никогда не снившійся ни Аристотелю, ни Конту, ни Спенсеру ихъ дѣленіе на «передовыя» и «ретроградныя»¹⁾. Вѣра, что наука, какъ таковая, какъ отраженіе истины въ человѣческомъ умѣ, возвышаетъ и освобождаетъ человѣка (принципъ, на почвѣ котораго только и можетъ существовать Университетъ) слабо держится въ обществѣ: прежде, чѣмъ довѣриться какой-нибудь наукѣ оно хочетъ знать, куда она его приведетъ, направо или налѣво²⁾.

Такое настроеніе общества не замедлило во всей полнотѣ отразиться на жизни университетовъ. Среди студентовъ къ усиленію политическихъ стремленій примѣшивается отрицаніе чистой науки, какъ говоритъ пр. Зѣлинскій «науки въ европейскомъ смыслѣ этого слова». Объ этомъ свидѣтельствуетъ успѣхъ книги Гегидзе «Въ университетѣ», проповѣдующей эту идею.

Отрицаніемъ чистой науки студенты совершенно лишили себя возможности правильно понимать задачу университетовъ, превращая ихъ изъ храмовъ вѣчной науки въ мѣсто проповѣди своихъ временныхъ политическихъ программъ (никто не станетъ

---

¹⁾ Зѣлинскій—*ibid.*

²⁾ Въ этомъ отношеніи характерно заявленіе одного оратора на сходкѣ въ этомъ году, что „для насъ существуетъ лишь одна наука, великая наука революціи“, очевидно, какъ приводящая безусловно налѣво.

отрицать, что всякая политическая программа имѣетъ лишь временное, скоропреходящее значеніе). Поэтому все, что дѣлаютъ студенты за послѣдніе годы всегда имѣетъ цѣлью выгоды политической партіи, къ которой примкнуло большинство, или, вѣрнѣе, организованная часть студенчества, а не выгоды Университета. Этимъ только можно объяснить ту бурю протестовъ, которую вызвала попытка министерства Ванновскаго устроить легальную студенческую организацію путемъ учрежденія института старостъ, курсовыхъ и факультетскихъ сходокъ. Надо предполагать, что такая легализація студенческой организаціи не входила въ интересы тѣхъ кружковъ, которые, какъ мы уже указывали, руководили массой студенчества ¹⁾.

Поводомъ къ недовольству изданными министерствомъ правилами явилось неразрѣшеніе общестуденческихъ сходокъ и нѣкоторыя формальности, которыми былъ обставленъ созывъ сходокъ курсовыхъ: напр., обязательное присутствіе профессоровъ. Обильныя прокламаціи указывали на то, что новая организація студенчества явится по отношенію къ прежней (нелегальной) регрессомъ и подорветъ ея силу.

Впрочемъ нѣкоторые пункты временныхъ правилъ вызвали рядъ возраженій также и со стороны профессоровъ. Такъ, одинъ изъ профессоровъ петербургскаго университета въ особой запискѣ возражалъ противъ обязательнаго ихъ присутствія на сходкѣ ²⁾.

Во-первыхъ, онъ опасается, что наблюденіе про-

---

¹⁾ Очевидно въ 1901 году „Организаціонный комитетъ“ не могъ рассчитывать на то большинство, которымъ „Коалиціонный совѣтъ“ располагаетъ въ нынѣшнемъ, по его предложенію избранномъ, совѣтѣ старостъ.

²⁾ Записка эта напечатана въ Женевѣ.

фессоровъ за правильнымъ теченіемъ сходовъ вызвать враждебное отношеніе къ нимъ студентовъ. Вторыхъ, оно отнимаетъ у половины профессоровъ возможность заниматься научной работой. (Изъ этого видно, что и въ 1901—2 году сходы были очень многочисленны и продолжительны). Въ третьихъ, авторъ записки находитъ правильное теченіе такихъ сходовъ возможнымъ лишь при условіи, что студенты будутъ вести себя смирно, какъ бараны, обреченные на закланіе, или какъ сербы и босняки, привыкшіе безропотно подставлять свою голову турецкому начальству.

Дѣло кончилось тѣмъ, что выборные старосты in corpore вышли въ отставку, что и было одобрено общей сходкой. Послѣдовавшія затѣмъ сильныя волненія весьма характерны тѣмъ, что, начавшись, повидимому, на чисто академической почвѣ, при дальнѣйшемъ теченіи принимаютъ характеръ политической борьбы съ правительствомъ за права гражданской свободы. Главнымъ орудіемъ борьбы опять является забастовка и обструкція, которая вылилась въ отвратительную форму «обструкціи химической».

Возможно ли безъ отвращенія читать описаніе нижеслѣдующей сцены: «28 февраля въ X ауд. шла лекція профессора Жижиленки. Весь наличный составъ обструкціи (около 40 чел.) сталъ ломиться въ двери, но, встрѣтивъ энергичный отпоръ, не могъ ворваться; тогда одинъ изъ нихъ черезъ головы товарищей швырнулъ въ аудиторію склянку съ жидкостью, ударившуюся въ стѣну, причемъ брызгами повредило глазъ одному изъ слушателей. Лекція прервалась. Кинувшій склянку былъ уличенъ и окруженъ студентами-слушателями. Его соумышленники, желая его

выручить, произвели свалку, причемъ одинъ не по-
стѣснился даже колоть сзади державшаго булавкой¹⁾).

Подобныя же попытки срыванія за время отъ
28 февраля до 2 марта дѣлались и на лекціяхъ про-
фессоровъ Георгіевскаго, Дювернуа, Ивановскаго, Ада-
мовича, Пташицкаго, Петражицкаго, приватъ-доцента
Пиленки и др.

Безпорядки 1899—1902 годовъ и, наконецъ, сходки
1904 года, на которыхъ выставялись требованія за-
ключенія мира съ Японіей, отозванія эскадры Рожде-
ственскаго и т. п.—уже совершенно опредѣленно до-
казываютъ, что среди студентовъ утвердилась мысль,
что студенчество, какъ корпорація, должно принимать
участіе въ политической жизни страны.

Въ такомъ положеніи дѣло оставаться долго не
могло. Только что указанное нами развитіе нелегаль-
наго университета (университета для политики), въ
ущербъ легальному, быстрыми шагами, у всѣхъ на
глазахъ вело этотъ послѣдній къ тому роковому кри-
зису, который онъ переживаетъ въ настоящее время.
Признаніе задачей университета активное участіе въ
политической борьбѣ, въ качествѣ представителя одной
изъ партій, неминуемо въ самомъ скоромъ времени
должно было поставить передъ каждымъ студентомъ
диллему, какимъ изъ двухъ назначеній университета
онъ долженъ пожертвовать другому, ибо, не говоря
даже о теоріи, сама жизнь тотчасъ же доказала не-
возможность соединить политическую борьбу съ пра-
вильнымъ теченіемъ научныхъ занятій. Первая же
политическая забастовка въ 1899 году показала, что
русское студенчество съ легкимъ сердцемъ готово от-

---

¹⁾ Прокламація группы студентовъ подъ девизомъ „Университетъ
для Науки“. 2 марта 1902 года.

казаться отъ науки, абсолютной цѣнности которой оно не успѣло себѣ усвоить за болѣе чѣмъ столѣтнее существованіе нашихъ университетовъ.

Послѣ этого, вырожденіе университета въ политическій клубъ того же названія сдѣлалось лишь вопросомъ болѣе или менѣ непродолжительнаго времени.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

7-го февраля 1905 года состоялась историческая въ жизни С.-Петербургскаго университета сходка студентовъ, постановившая забастовать по политическимъ причинамъ до 1-го ссентября. Этой сходкѣ предшествовали два событія въ ученомъ мірѣ: записка 342-хъ «о нуждехъ просвѣщенія», опубликованная еще въ январѣ ¹⁾, и постановленіе «младшихъ преподавателей» СПб. университета, вынесенное 3-го февраля. Мы отнюдь не станемъ поддерживать мнѣнія, будто бы *все* ученые, подписавшіе записку «342-хъ» были сторонниками забастовки въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Эта записка лишь объединила лицъ, полагающихъ, что для оздоровленія высшей школы необходимы опредѣленныя обще - государственныя реформы; по вопросу же о забастовкѣ — подписавшіе эту записку не были солидарны между собой, что можно заключить хотя бы изъ сопоставленія статей проф. Савича ²⁾ и проф. Гревса ³⁾. Проф. Савичъ, вся статья котораго безусловно порицаетъ забастовку, какъ средство

¹⁾ Газета „Наша Жизнь“ отъ 20 янв. 1905 г. № 65.

²⁾ Журн. „Право“ №№ 11—12.

³⁾ „Право“ № 9.

политической борьбы,— такъ объясняетъ взглядъ 342-хъ ученыхъ на это ненормальное явленіе: «Болѣзненное состояніе всего общества неизбежно влечетъ развитіе тяжелыхъ недуговъ въ организмѣ нашей высшей школы, и полное ихъ исцѣленіе невозможно безъ устраненія причинъ общаго разложенія — вотъ что говоритъ записка. Отсюда, однако, очень далеко до заключенія, что нужно прекратить до того или другого срока всѣ занятія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Болѣе того, дѣятели, настаивающіе на передачѣ общественнымъ силамъ внутренняго устройства студенчества, должны признавать дѣломъ особой важности все, что можетъ духовно укрѣпить и усилить общество; напротивъ, для нихъ должно представляться тяжкимъ бѣдствіемъ пониженіе уровня общественной мысли и ослабленіе ея мощи»... Проф. Гревсъ признавая такъ же принципиально забастовку учебную зломъ, говоритъ, однако: «Во всякомъ случаѣ немедленное открытіе ихъ (т. е. учебн. завед.) для занятій не можетъ быть допущено, какъ первый опытъ очищенія зараженнаго въ нихъ силою вещей воздуха. Профессора, пришедшіе къ тяжелому заключенію о невозможности продолжать теперь при наличныхъ условіяхъ преподавательскую работу, находятъ, какъ сказано, причины такого безвыходнаго положенія въ фактахъ, лежащихъ за стѣнами школы. Они и заявляютъ, что лишь успокоеніе общества отъ перенесенныхъ ударовъ и исправленіе пережитыхъ разочарованій волеетъ и въ души юношества, чутко отражающаго его состояніе,— миръ, [нужный для плодотворнаго возвращенія къ образовательному труду]»...

Мысль пр. Савича въ двухъ словахъ такова: *забастовка* есть зло, и она *есть* зло даже при современныхъ

условіяхъ;—мысль пр. Гревса иная: забастовка есть зло, но при современныхъ *условіяхъ* изъ двухъ золъ меньшее, и потому зло *пріемлемое*.

Но такъ какъ протесты противъ учебной забастовки *вообще* со стороны указанной группы ученыхъ были единичны (пр. Савичъ, и затѣмъ пр. Зѣлинскій), а большинство группы молчало, то общество, естественно пришло къ заключенію, что группа 342-хъ сочувствуетъ забастовкѣ, тѣмъ болѣе, что такой популярный ученый изъ ея среды, какъ пр. Гревсъ, высказался весьма недвусмысленно. Младшіе же преподаватели Спб. университета 3-го феврала постановили: «Въ виду теперешняго положенія академическаго дѣла прекратить чтеніе лекцій до 1-го сентября».

Не смотря на поразительную ясность и точность формулировки этого постановленія, вотированнаго большинствомъ 102-хъ голосовъ противъ 3-хъ—оно также нашло себѣ различныя толкованія. Приватъ-доцентъ Пиленко на страницахъ газеты «Новое Время»¹⁾ такъ объясняетъ мотивы постановленія: «На понедѣльникъ 7-го феврала назначена, какъ всѣмъ извѣстно, общая сходка студентовъ. Допустите, что она вотируетъ забастовку. Имѣете ли вы точное представленіе о томъ, что представляетъ собою на практикѣ университетъ во время стачки»?.. и далѣе рисуетъ яркую и отвратительную картину насилій бастующихъ студентовъ противъ ихъ не бастующихъ товарищей и правительственныхъ репрессій по отношенію къ забастовщикамъ. И вотъ, по мнѣнію пр.-доц. Пиленко, — желаніемъ предотвратить подобныя сцены въ университетѣ, не допустить студентовъ до междоусобной брани—было вызвано упомянутое постановленіе младшихъ преподавателей. Для оздоровленія же высшей школы не-

¹⁾ № 10389.

обходимы мѣры «казуальные» академическаго характера. Далѣе, по словамъ А. А. Пиленко — собраніе удивительно «дѣловито, спокойно, *умно* ¹⁾ и *красиво* ²⁾ обсуждало свои дѣла», причемъ техника дебатовъ была безукоризненной, что и послужило къ вынесенію столь искренняго и недвусмысленнаго рѣшенія съ полной отвѣтственностью за него. Приватъ-же доцентъ Вальденбергъ въ той же газетѣ ³⁾ нѣсколько иначе толкуетъ указанное постановленіе: онъ прежде всего заявляетъ, что вотировалъ за принятую формулу потому, что предполагалъ въ ней элементъ субъективности и личной свободы, на которомъ онъ и настаивалъ. Но такъ какъ въ послѣдствіи оказалось, что эта формула не соответствуетъ мысли, влагавшейся въ нее присоединившимся къ большинству меньшинствомъ (34 голоса), то общее большинство (102) отнюдь не слѣдуетъ считать единомышленнымъ. Изъ письма прив.-доц. Вальденберга явствуетъ, что техника дебатовъ была весьма несовершенна: вопросъ о *мнѣніи* и *воли* былъ соединенъ въ общій вопросъ «возобновлять ли занятія, или не возобновлять», и что окончательное рѣшеніе было не искреннимъ и двусмысленнымъ, т. к. многія изъ большинства *желали* читать лекціи тѣмъ, кто захочетъ ихъ слушать, и были противъ политической забастовки.

Не останавливаясь далѣе на постановленіи младшихъ преподавателей, отмѣтимъ лишь одно обстоятельство: допустимъ на минуту, что «младшіе преподаватели» дѣйствительно руководились соображеніями гуманнаго свойства, постановляя не читать лекцій;— но причемъ же тогда «1-е сентября»? Вѣдь студенты

¹⁾ и ²⁾ курсивъ А. Пиленко.

³⁾ № 10391.

должны были рѣшить вопросъ о забастовкѣ *черезъ четыре дня*, а пока — онъ оставался открытымъ; если бы студенческая сходка «провалила» забастовку — съ этой точки зрѣнія постановленіе младшихъ преподавателей тѣмъ самымъ теряло бы свою силу, и тогда выставленіе столь опредѣленнаго срока «1-е сентября» представлялось бы очевидно нелѣпымъ. Почему въ такомъ случаѣ не до 7-го или иного числа февраля и т. д.? Но не будемъ разбираться въ этихъ вопросахъ, а перейдемъ къ студенческой сходкѣ, оправдавшей надежды младшихъ преподавателей.

Инициативу и веденіе сходки, какъ то было указано на расклеенныхъ по всѣмъ колоннамъ актовaго зала объявленіямъ — принялъ на себя «Коалиціонный Совѣтъ» — учрежденіе дотолѣ совершенно невѣдомое большинству студентовъ. Впрочемъ на этихъ же объявленіяхъ давалось соотвѣтствующее поясненіе состава этой организаціи: всѣ крайнія политическія партіи студентовъ объединялись въ этомъ Совѣтѣ, и, такимъ образомъ, лидеромъ студенчества по его предполагаемому молчаливому согласію оказывался институтъ не выборный, и академическій, а конспиративный и политическій. Такая «неожиданность» вызвала сначала громкіе протесты со стороны отдѣльныхъ студентовъ, но эти заявленія потонули въ общей массѣ голосовъ, вотировавшихъ довѣріе Коалиціонному Совѣту и выставленному имъ предсѣдателю. Этимъ само студенчество санкціонировало характеръ новой эпохи университетской жизни. Главный, казалось бы, вопросъ — о продолженіи занятій, по предложенной предсѣдателемъ и принятой сходкой программѣ дня былъ поставленъ послѣднимъ, т. к., по заявленію ораторовъ онъ не могъ быть рѣшенъ и мотивированъ безъ пред-

варительнаго заслушанія и обсужденія «современнаго политическаго положенія страны», вопроса о земскомъ соборѣ или учредительномъ собраніи и нѣкоторыхъ другихъ—весьма опредѣленнаго политическаго характера. Поскольку раньше, въ теченіе послѣднихъ 5—6 лѣтъ можно было спорить о той или иной подкладкѣ студенческихъ движеній, постольку на сходкѣ 7 февраля настроеніе студенчества выяснилось до очевидности: открыто и рѣзко все студенчество объявлялось единой политической корпораціей со всѣми присущими политическимъ образованіямъ отличительными свойствами, но лишь съ разницей той, что вступленіе и участіе въ этой корпораціи обуславливалось элементомъ принудительности: студенты, всей душой сочувствовавшіе освободительному движенію въ Россіи, но такъ-же расходящіеся со своими товарищами по вопросу о средствахъ и путяхъ къ желанной цѣли—всѣ объявлялись членами политической корпораціи *единой*, и въ силу этого должны были подчинить свою совѣсть и убѣжденія «правленію» корпораціи—коалиціонному совѣту.

Большинствомъ 2398 голосовъ противъ 66 и при 42 «воздержавшихся» — политическая корпорація постановила бастовать впредь до исполненія ея требованій—примѣрно до 1 сентября 1905 г.

Не говоря уже о кой-какихъ «недочетахъ» по веденію сходки, сама обязательность чисто-политическаго постановленія не была для всѣхъ очевидной, и, когда сходка явно пошла по этому пути—(т. е. въ самомъ началѣ),—отъ нея отдѣлилась часть студентовъ, составившихъ въ одной изъ аудиторій свою собственную сходку. Ихъ разсужденія вскорѣ были прерваны свистомъ и насиліемъ ворвавшихся сюда членовъ вновь образованной политической корпораціи,

что можетъ служить краснорѣчивымъ отвѣтомъ, на обвиненіе, брошенное пр. Гревсомъ ¹⁾ меньшинству, поднявшему, *будто-бы, впервые знамя междоусобія, собираясь противодѣйствовать всякимъ попыткамъ обструкціи, тогда какъ въ постановленіи общестуденческой сходки объ ней нѣтъ и рѣчи... Смѣемъ указать на то, что обструкція часто примѣняется и безъ постановленія, доказательствомъ чего служатъ и дальнѣйшіе факты...

Тѣмъ не менѣе 88 студентамъ, представителямъ меньшинства, удалось составить группу и печатно ²⁾ заявить свой протестъ противъ постановленія сходки, указавъ въ немъ на политическую партійность ея, исключаящую разумность и возможность подчиненія.

Академическое положеніе дѣль въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ было аналогично: вездѣ «прошла» политическая забастовка и меньшинство—бесильное повліять на стадное убѣжденіе своихъ товарищей — должно было молчать... Но молчать было не подъ силу: слишкомъ рѣзко и грубо были нарушены элементарныя права личности. И вотъ, это меньшинство обратилось къ печатной гласности, взывая къ здравому смыслу общества, требуя открытія аудиторій для научныхъ занятій. На страницы газетъ «Новое Время» и «Слово» полились безчисленныя письма студентовъ протестантовъ. По этому поводу проф. Гревсъ ³⁾ нашелъ нужнымъ сказать въ своей статьѣ: «Неужели они (авторы писемъ) не чувствуютъ, что слова ихъ, запечатлѣнныя на листахъ подобныхъ органовъ неминуемо окрашиваются въ глазахъ чита-

---

¹⁾ „Право“ № 9.

²⁾ „Слово“ № 61.

³⁾ Ibid.

телей цвѣтами идей и аргументовъ, составляющихъ обычное оружіе руководителей такихъ изданій?» т. е. по просту говоря — дѣлаются пособниками «реакціи»...

Но, во-первыхъ *только* эти два органа повседневной петербургской прессы принимали указанные протесты, а остальные ¹⁾ злобствовали и инсинуировали на «меньшинство», а во-вторыхъ авторы писемъ, очевидно рассчитывали, на тотъ интеллигентный кругъ читателей, который смотритъ на человека независимо отъ платья, въ которое послѣдній одѣтъ.

Просматривая февральскіе номера упомянутыхъ двухъ органовъ можно вполне уяснить себѣ настроеніе и точку зрѣнія протестующей молодежи.

Исходный пунктъ протеста — превращеніе университетской сходки въ органъ разрѣшенія политическихъ вопросовъ и обращеніе науки въ средство политической борьбы. Не имѣя возможности утилизировать всѣ письма—(свыше пятисотъ),—приведемъ лишь наиболѣе характерныя выдержки: «Такъ какъ *настоящая сходка и ея результатъ являются слѣдствіемъ вопросовъ не академической жизни, а политической*, и все, что въ нихъ есть академическаго, это только способъ протеста (забастовка),—то само собой отпадаетъ вопросъ о нравственной этикѣ, который еще смущаетъ многихъ, а именно—вопросъ о подчиненіи меньшинства большинству въ его рѣшеніяхъ» ²⁾... «*Я глубоко вѣрю, я хочу вѣрить, что профессора университетовъ примутъ, наконецъ, активное участіе въ жизни родныхъ*

---

¹⁾ Редакція, напр. „Руси“, съ благодарностью принявъ заявленіе „88“, и обѣщавъ помѣстить его вмѣстѣ съ соответствующей статьей—не напечатала ничего, а всѣ статьи были направлены противъ „меньшинства“.

²⁾ Студ. Ун. Б. Н. Богдановъ, Нов. Вр. 10394.

имъ учреждений, — что силой воли, ума, они отдѣляютъ политику отъ академической жизни университетовъ и зажгутъ свои яркіе свѣтильники вдохновенной мысли въ храмахъ науки» ¹⁾. «Я позволю себѣ спросить: можно ли назвать бывшую сходку — сходкой по вопросу «о продолженіи учебныхъ занятій»? Для этого нѣтъ надобности рѣшать вопросъ, созывать ли Земскій Соборъ или Учредительное собраніе, и почему вопросъ о необходимости что-нибудь созвать здѣсь предрѣшенъ?» ²⁾ «Школы, какъ носительницы истины, какъ учрежденія общенароднаго значенія, стоящаго, выше временныхъ, преходящихъ общественныхъ движеній у насъ нѣтъ; это доказывается 7 лѣтъ самой молодежью, а въ нынѣшнемъ году ярко показали профессора, которые, будучи увлечены сочувствіемъ къ пострадавшимъ, позабыли свою святую обязанность — охранять храмы просвѣщенія и позволили низвести школу на степень арены политической борьбы» ³⁾...

Изъ превращенія высшихъ учебныхъ заведеній въ арену политической борьбы вытекали, какъ слѣдствія — насиліе надъ личностью и возмущеніе такимъ насиліемъ:—вотъ второй мотивъ, постоянно звучащій въ письмахъ студентовъ «протестантовъ»: «...постановленіе о потерѣ года, санкціонированное совѣтомъ учебнаго заведенія нарушаетъ академическую свободу занятій. Такимъ образомъ признается грубое насиліе надъ совѣстью, мнѣніемъ и планами жизни тѣхъ лицъ, которыя способны въ данный моментъ работать, или нуждаются въ скорѣйшемъ окончаніи учебнаго заведенія»... ⁴⁾ «Въ вопросахъ политической жизни каждый во-

¹⁾ Студ. Ун. Вячеславъ Веножинскій, Нов. Вр. 10394.

²⁾ Студ. Ун. В. Ермоловъ, Нов. Вр. 10392.

³⁾ „Слушательница II курса жен. Мед. Инст.“ Слово № 52.

⁴⁾ Студ. Горн. Инст. А. Кузмицкій, Нов. Вр. 10389.

ленъ въ своихъ убѣжденіяхъ, взглядахъ и вѣрованіяхъ, и меньшинство можетъ бороться за нихъ, погибать, но отнюдь не должно поступаться ими въ угоду хотя бы подавляющаго большинства 2800 противъ 11»... ¹⁾

И дѣйствительно: чѣмъ могла бы быть оправдана обязательность постановленія новой политической корпорации, для студентовъ, сознательно не пожелавшихъ вступить въ нее, и остававшихся студентами!...

Есть еще третій мотивъ въ этихъ «нововременскихъ» письмахъ. Забота о народномъ благѣ — вотъ идеальная цѣль, которую выставляютъ обѣ воюющія стороны: и бастующая и небастующая, и, такъ какъ первая приноситъ науку въ жертву народному благу, какъ она его понимаетъ, — то вторая и стремится доказать, что эта жертва бессмысленна и не достигаетъ своей цѣли.

Особенно ярко выражаетъ это студентъ Горнаго института А. Кузмицкій, встрѣтившій много сочувственныхъ откликовъ на свое письмо. Онъ говоритъ: «...по моему, прекращеніе занятій, ведущее къ потерѣ года, есть бессмысленная, насильственная и вредная форма протеста... Спросъ на высшее образованіе предъявляется студентами, народомъ, а не правительствомъ... Если даже забыть, что забастовка, въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ уже 10 лѣтъ готовитъ отечеству невращенниковъ съ дипломами, то, лишеніе Россіи на годъ болѣе или менѣе активныхъ работниковъ считаю непоправимымъ зломъ» ²⁾ и т. д. и т. д.

«Считаю непоправимымъ зломъ насильственное прекращеніе занятій въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ...

---

¹⁾ Студ. Унив. Б. Н. Богдановъ, Нов. Вр. 10394.

²⁾ Нов. Вр. 10389.

Вредъ обществу и всему русскому народу — лишая его на цѣлый годъ врачей, учителей, техникувъ — всего, безъ чего ни одно государство существовать не можетъ,—и далѣе—почему не принимается во вниманіе нашъ народъ, на средства котораго содержатся наши университеты и институты?»¹⁾

«Лишая страну притока интеллигентныхъ, свѣжихъ, образованныхъ силъ, студенчество наноситъ тѣмъ самымъ вредъ себѣ, нарождающемуся поколѣнію интеллигенціи, своему непросвѣщенному народу и общему прогрессу родной культуры»²⁾.

Такъ писали и думали студенты — «протестанты». Но въ отвѣтъ на эти письма, кромѣ самой неизысканной брани и клеветы со стороны прессы, поддерживавшей большинство,—³⁾ не было ни одного яснаго и доказательнаго опроверженія.

Отчего такъ? Напрасно «Русь»⁴⁾ дѣлаетъ «прозрачный» намекъ на цензурныя условія—последнія не могли помѣшать разбить положенія, что 1) университетъ не есть парламентъ, что 2) въ университетѣ происходитъ насиліе надъ личностью и 3) что забастовка—явленіе вредное для народа. Тѣмъ болѣе возможны были фактическія опроверженія того, что

---

¹⁾ Слушат. В. Ж. К. Евгенія Братолюбова.

²⁾ Студ. Унив. И. А. Громовъ, Нов. Вр. 10392.

³⁾ Такъ г. М. Энгельгардтъ въ „Новостяхъ“ объявляетъ письма „анонимами“, „смѣсю ябеды съ клеветничествомъ и т. д.; въ „Нов. Вр.“ было прислано письмо, сочувственное протестантами съ подписями, при чтеніи которыхъ съ права на лѣво выходили грубыя бранныя слова; даже въ такомъ научномъ журналѣ, какъ „Знаніе и Жизнь“ появилась въ отдѣлѣ смѣси замѣтка, прямо ругательнаго свойства. (Правда, редакторъ—академикъ князь Тархановъ дважды извинился въ печати за подобный недосмотръ). Примѣровъ такого отношенія къ меньшинству слишкомъ много, чтобъ можно было охарактеризовать ихъ подробно.

⁴⁾ № 34.

сходки въ Университетѣ ведутся партійно и рѣшенія ихъ подтасовываются. Отвѣтовъ не было потому, что одни положенія протестантовъ были основаны на дѣйствительности, другія — были неопровержимы логически; что только «мистическій коллективизмъ» — по мѣткому выраженію пр. Зѣлинскаго, толкаетъ большинство студенчества на путь, для защиты котораго аргументовъ не находится. Но почему же профессора, составлявшіе большинство въ «Совѣтахъ» хранили такъ-же гробовое молчаніе? Вѣдь не могли же они не знать, что ихъ молчаніе будетъ понято «обществомъ» какъ сочувствіе забастовкѣ! Или имъ тяжело было итти противъ студентовъ, съ которыми они были солидарны по вопросамъ политическимъ? Но вѣдь нашли же возможнымъ профессора Савичъ и Зѣлинскій, такъ-же солидарные съ ними, равно и съ очень многими «протестантами» — разъяснить свою точку зрѣнія! Быть можетъ они опасались навлечь административную кару на бастующихъ студентовъ? — Но здѣсь шла борьба за идею Университета, и, кромѣ того — никто изъ «протестантовъ» не желалъ исключенія своихъ бастующихъ товарищей изъ учебныхъ заведеній и такимъ образомъ кара могла бы быть направлена лишь противъ тѣхъ, кто въ своемъ политическомъ рвеніи сталъ бы употреблять насиліе надъ личностью желавшихъ работать... А «меньшинство», заброшенное бранными кличками вмѣсто доказательствъ его неправоты — во вниманіе не принималось...

Со стороны профессуры громко и ясно заговорили только тѣ, кто, какъ и «протестанты», оказались въ меньшинствѣ — и заговорили противъ забастовки: «Считая, что остановка учебныхъ занятій въ

высшихъ учебныхъ заведенійхъ,» говорили они ¹⁾— «во всякомъ случаѣ и при ~~ва~~невозможныхъ обстоятельствахъ пагубно отражается на просвѣщеніи нашей родины, —мы, несмотря на разнообразіе нашихъ политическихъ убѣжденій, выражаемъ горячее желаніе возобновенія учебныхъ занятій въ ближайшемъ будущемъ»... Эти немногіе голоса профессоровъ и говорившихъ подобно имъ «старыхъ студентовъ» (Нов. Вр. 10392) —оказали сильную нравственную поддержку меньшинству, осмѣлившемуся пойти «противъ теченія», и счастливы были тѣ изъ нихъ, кто между этими голосами находили голоса своихъ любимыхъ преподавателей!

Всѣ студенческія письма носили характеръ исключительно идейный, и врядъ-ли кто-либо изъ ихъ авторовъ рассчитывалъ на какой-либо практической результатъ: по установившемуся порядку вещей — до сихъ поръ меньшинство въ университетахъ не только не принималось во вниманіе, но и не смѣло возвышать свой голосъ. Теперь же, рѣшивъ высказаться, оно представляло лишь рядъ отдѣльныхъ мнѣній, и, не организованное, силы имѣть не могло. Въ защиту правъ этого меньшинства, но уже съ цѣлью вывести его на путь болѣе реальный, выступилъ приватъ-доцентъ СПб. университета М. М. Боровитиновъ. Въ открытомъ письмѣ по этому поводу ²⁾,

¹⁾ Нов. Вр. 10395. Подписали. Н. Булгаковъ, В. Вальденбергъ, В. Васенко, А. Введенскій, Н. Веселовскій, Н. Гельвихъ, С. Глазенапъ, С. Глинка, М. Горчаковъ, М. Демьяновъ, Н. Дювернуа, А. Ждановъ, В. Жуковскій, Н. Кондаковъ, Б. Кояловичъ, В. Лермантовъ, В. Лебедевъ, В. Меліоранскій, П. Меліоранскій, Д. Менделѣевъ, Н. Мѣдниковъ, П. Никитинъ, А. Петровъ, Д. Петровъ, С. Платоновъ, В. Регель, С. Рождественскій, бар. В. Розенъ, А. Соболевскій, Ѳ. Соколовъ, Н. Тачаловъ, Е. Тураева, В. П. Тураевъ, Фридолинъ, И. Холоднякъ, Г. Церетели, Н. Чечулинъ, И. Шляпкинъ и впослѣдствіи нѣкоторые другіе.

²⁾ „Нов. Вр.“ № 10397.

привать-доцентъ Боровитиновъ указывалъ на необходимость объединенія студентовъ желающихъ продолжать прерванныя занятія, т. к. вся сила забастовавшихъ въ крѣпкой организаціи, и предлагалъ свое содѣйствіе въ этомъ направленіи. На такой призывъ горячо откликнулись «протестанты» и уже 18 февраля состоялось совѣщаніе ихъ по вопросу о продолженіи занятій. На этомъ первомъ совѣщаніи девяносто студентовъ подписали слѣдующія резолюціи: «Собравшіеся въ настоящемъ совѣщаніи, безъ различія партій и политическихъ воззрѣній, объединеные убѣжденіемъ, что единственная задача Университета—служить цѣлямъ науки, и, что продолжать занятія въ университетѣ есть законное право студента, полагаютъ, что непреодолимыхъ препятствій въ настоящее время къ открытію университета не существуетъ, и выражаютъ желаніе возможно скорѣе приступить къ учебнымъ занятіямъ, твердо надѣясь, что имъ будетъ оказана совѣтомъ и профессорами поддержка въ этомъ направленіи». Затѣмъ—по вопросу о мѣрахъ, которыя могли бы обезпечить спокойный ходъ занятій въ университетѣ, буде таковыя откроются, — было рѣшено: «Совѣщаніе, считая, что охраненіе порядка въ стѣнахъ университета вообще лежитъ на обязанности университетской администраціи,—признаютъ однако за каждымъ студентомъ право противодѣйствовать всякимъ попыткамъ обструкціи въ аудиторіяхъ и кабинетахъ въ часы учебныхъ занятій»,— и, наконецъ, было постановлено представить ректору университета первую резолюцію въ видѣ петиціи. Вопросъ же объ организаціи за позднимъ временемъ въ этомъ совѣщаніи разсмотрѣнъ не былъ. Приведенныя постановленія навлекли на себя такой гнѣвъ «большинства», что мы вынуждены остановиться на этомъ фактѣ съ осо-

беннымъ вниманіемъ. Рѣзко обрушивается на постановленія совѣщанія и вообще на «меньшинство» проф. Гревсъ въ уже отчасти цитированной нами статьѣ «Возродится ли у насъ подорванное научное просвѣщеніе» ¹⁾? Указавъ, мимоходомъ, что девизъ совѣщанія «университетъ для науки» (а не для политики)—представляетъ собою принципъ слишкомъ сухой и голый, и что научно мыслящіе люди ограничиться такимъ девизомъ не могутъ, профессоръ иронизируетъ надъ выдержками резолюцій: «единственная задача университета — служить цѣлямъ науки» и «непреодолимыхъ препятствій въ настоящее время къ открытію университета не существуетъ». Въ самомъ дѣлѣ: неужели-же студенты, подписавшіеся подъ первой выдержкой были настолько ограничены, какъ то полагаетъ пр. Гревсъ, что не признавали великаго общественнаго значенія университета? Странно слышать *такую* придирку изъ устъ высоко развитого профессора, но приходится считаться съ фактомъ и указать на *смыслъ* этой формулы: подписавшіе резолюцію считали, что университетъ можетъ, какъ таковой, служить обществу не иначе, какъ при условіи сохраненія присущаго ему *единственнаго* назначенія—быть разсадникомъ чистаго знанія. Внесеніе же политики въ стѣны университета, силою вещей отодвигаетъ интересы научные на задній планъ, и логически такимъ образомъ, упраздняетъ самый смыслъ существованія университета. 7-го февраля, волею большинства студентовъ, университетъ былъ объявленъ политическимъ цѣлымъ, и въ вышеприведенной формулѣ выражается лишь мысль о невозможности сосуществованія въ одномъ учрежденіи науки и политики,—какъ прак-

---

¹⁾ „Право“ 1905, № 9.

тический выводъ изъ случившагося: развѣ можетъ университетъ продолжать быть общественной школой, когда научный его авторитетъ уступилъ мѣсто авторитету политическому? Когда основанія авторитета научнаго были сведены на ничто? Поскольку ошибались студенты—меньшинство, и поскольку, стало быть, былъ правъ профессоръ Гревсъ, доказывающій не только возможность, но и необходимость политики въ университетѣ—покажетъ дальнѣйшая исторія Петербургскаго университета, хотя, казалось бы, и вся культурная жизнь Запада достаточно ясно говорить не въ пользу послѣдняго мнѣнія.

«Непреодолимыхъ препятствій къ открытію Университета не существуетъ»—вторая выдержка, раздражающая пр. Гревса. И дѣйствительно: «чувствуя свою отвѣтственность передъ обществомъ» пишетъ профессоръ, «страшась причинить ему новое потрясеніе,—профессорскія collegii рѣшились сказать трезвое слово: нѣкоторыя единогласно, многія при поддержкѣ подавляющаго числа своихъ членовъ,—лишь рѣдкія незначительнымъ большинствомъ, признали невозможной, вредной, во всякомъ случаѣ безцѣльной всякую попытку возобновить теперь же правильныя научныя и учебныя занятія»... И вдругъ—«непреодолимыхъ препятствій нѣтъ»—осмѣлились сказать девяносто студентовъ: явленіе безпримѣрное по дерзости! Въдѣ основной мотивъ рѣшенія профессоровъ заключался въ **о**бращеніи «насилловать науку, вгоняя ее въ роль дисциплинарнаго средства для укрощенія взволнованныхъ темпераментовъ», равно какъ и въ тѣхъ соображеніяхъ гуманнаго свойства, какими руководились, между прочимъ, по словамъ пр-д. Пиленко и младшіе преподаватели,—а малая часть студентовъ, на перекоръ всему, хочетъ заниматься!... Пояснимъ смыслъ

и второй выдержки: непреодолимыхъ препятствій къ открытію Университета не было, нѣтъ, и быть не можетъ уже потому, что политическое настроеніе большинства профессоровъ и студентовъ не можетъ служить основаніемъ къ прекращенію просвѣтительныхъ функций университета. Болѣе: студенчество, а тѣмъ паче профессора, являясь «барометромъ общественнаго настроенія» могутъ служить такимъ барометромъ лишь до тѣхъ поръ, пока общественное настроеніе не враждебно самой идеѣ университета; въ послѣднемъ случаѣ слѣдуетъ имѣть гражданское мужество объявить Университетъ «въ опасности» и всѣми силами отстаивать его назначеніе. Иначе—въ какое положеніе попадаетъ русское просвѣщеніе и русская наука? Впрочемъ отвѣтъ на это даетъ проф. Зѣлинскій въ статьѣ «Vivat Universitas» ¹⁾: «мы видѣли, какъ хорошо служила наука Западу, и взяли ее, какъ наемницу, отказывая ей въ каждомъ удобномъ случаѣ»...

Что же касается постановленія Совѣщанія меньшинства о пріемлемыхъ для обезпеченія спокойнаго хода занятій мѣрахъ, въ случаѣ открытія Университета, то пр. Гревсъ прямо называетъ подписавшихъ это рѣшеніе пособниками ожидаемой административной репрессіи по отношенію къ забастовщикамъ и толкуетъ это постановленіе въ смыслѣ чуть ли не вооруженнаго возстанія. Меньшинство-де поднимаетъ знамя междоусобія, угрожая принудительнымъ воздѣйствіемъ на товарищей не желающихъ заниматься; кстати профессоръ указываетъ и на диссонансъ звучащій въ призывѣ къ наукѣ ^{кажду} съ вышеуказанными обстоятельствами. Тѣмъ яснѣе какое бы то ни было положеніе, тѣмъ труднѣе и опаснѣе его превратное

¹⁾ Рус. Школа №№ 7--8.

толкованіе: этимъ и объясняется слабость толкованія пр. Гревса въ данномъ случаѣ. Смысль резолюціи таковъ: указывая, во избѣжаніе нареканій на то, что члены совѣщанія отнюдь не намѣрены прибѣгать къ помощи администраціи, она въ то же время заключаетъ въ себѣ упоминаніе о правѣ необходимой обороны, понятіе же этого юридическаго института излагается въ элементарныхъ учебникахъ уголовного права такъ: подъ именемъ необходимой обороны разумѣются тѣ случаи, когда лицо, защищаясь отъ противозаконнаго нападенія на свои права и блага, нарушаетъ права и блага нападающаго. Признанный всѣми странами цивилизованнаго міра этотъ юридическій институтъ нашель себѣ мѣсто во всѣхъ кодексахъ какъ стараго, такъ и новаго свѣта, и пользованіе, а тѣмъ болѣе упоминаніе объ этомъ правѣ нигдѣ позорнымъ не считается. Кромѣ того понятіе «необходимой обороны» *исключаетъ* понятіе объ угрозахъ принудительнаго воздѣйствія со стороны обороняющагося, почему и называется необходимой *обороной*, а ^{не} *необходимымъ нападеніемъ*, такъ что трудно говорить объ обструкціонномъ тонѣ членовъ совѣщанія; развѣ ужъ отрицать вообще законное право студента на полученіе знаній въ университетѣ, или не признавать такъ-же вообще права необходимой обороны, но врядъ ли кто-либо принципиально станетъ говорить противъ этихъ положеній: что касается послѣдняго, чисто-юридическаго института, то даже теоретическихъ противниковъ его трудно найти въ литературѣ.

И потому, послѣдняя нападка пр. Гревса на меньшинство со всѣми ея выводами намъ не представляется серьезной.

Такъ были истолкованы постановленія перваго со-

вѣщанія студентовъ, желавшихъ продолжать учебныя занятія, и какъ оказывалось, дѣйствительно навивно рассчитывавшихъ на поддержку профессоровъ. 25-го Февраля временно уполномоченные «Совѣщанія» представили Ректору университета петицію съ 294 подписями студентовъ. Но что значили 294 студента, когда чуть не три тысячи ихъ товарищей, 102 изъ 105-ти младшихъ преподавателей и большинство профессоровъ съ одной стороны, а видные дѣятели полицейской власти съ другой—всѣ не желали открытія университета: студенты, выражая этимъ политическій протестъ;— младшіе преподаватели,—руководясь гуманными соображеніями; профессора,—не желая стѣснять науку, плюсь гуманныя соображенія; представители администраціи желая устранить изъ обихода очень чуткій барометръ общественнаго настроенія и пр. въ этомъ родѣ ¹⁾.— И вотъ столь разнообразныя элементы, не умышленно, правда, объединившись «въ цѣляхъ тактическихъ» — университетъ закрыли...

А неугомонныя протестанты—меньшинство,—помощники ожидаемымъ дѣйствіямъ администраціи (?!), собрались все же на 2-е Совѣщаніе и выработали уставъ новой, академической организаціи. Первый и основной пунктъ этого устава гласитъ: *Союзъ студентовъ С.-Петербургскаго Университета имѣетъ назначеніемъ объединеніе студентовъ, безъ различія партій и политическихъ воззрѣній на почвѣ признанія единственной задачей Университета служеніе цѣлямъ науки, и проведенія этого принципа въ академическую жизнь*».

II.

Такъ реализировалась въ лицѣ «Союза Студентовъ

---

¹⁾ См. Ст. пр. Савича „Право“ № 11 стр. 805.

С.-Петербургскаго Университета» идея несомѣстимости въ одномъ учрежденіи науки и политики; на Высшихъ женскихъ курсахъ эта идея чувствовалась въ отдѣльныхъ кружкахъ слушательницъ уже давно и выражалась въ противодѣйствіи политическимъ забастовкамъ. Не будучи, однако, ясно формулирована, она не могла объединить исповѣдующихъ ее слушательницъ въ отдѣльную группу; болѣе же или менѣе организованное противодѣйствіе забастовкѣ обыкновенно имѣло мѣсто лишь во время и на время безпорядковъ и также быстро распадалось, когда безпорядки прекращались.

Болѣе прочное объединеніе одна изъ этихъ группъ получила въ 1904—5 учебномъ году, но и тогда она, въ сущности, не достаточно ясно формулировала свою главную задачу и потому, такъ же, какъ и прежнія— была обречена на распаденіе. Члены этой группы, противодѣйствуя политическимъ забастовкамъ, исходили не изъ признанія несомѣстимости политики и науки въ одномъ учрежденіи, а изъ принципа свободы личности и политическихъ убѣжденій. Признавалось даже желательной группировка политически-единомыслящихъ лицъ и борьба политическихъ партій считалось совмѣстимой съ научными занятіями. Такимъ образомъ, изъ лицъ, противодѣйствовавшихъ забастовкѣ выдѣлилась группа съ опредѣленными политическими принципами, что мѣшало лицамъ другихъ политическихъ взглядовъ, но такихъ же противницъ забастовки тѣсно сплотиться въ такъ называемой «Средней Партіи». Когда въ 1905 году всеобщая политическая забастовка тѣмъ не менѣе осуществилась, и сходки на курсахъ собрать не было возможности, то протестъ противъ забастовки выражался лишь частнымъ образомъ отдѣльными слушательницами, писав-

шими въ «Новое Время», и лишь однажды «Средняя Партія» высказалась, какъ таковая, тоже заявленіемъ протеста въ «Новомъ Времени», основываясь на своемъ принципѣ свободы политическихъ убѣжденій.

Впервые идея несомѣстимости науки и политики въ одномъ учрежденіи—была ясно формулирована лишь осенью 1905 года.

Къ изложенію событій осенняго семестра мы и переходимъ, указавъ лишь на то что лѣтомъ (3-го іюня и 3 іюля) газета, «Наша Жизнь» въ своихъ замѣткахъ о «88 свобододѣйствующихъ» всячески старалась дискредитировать группу студентовъ-протестантовъ, завѣдомо ложно приписывая имъ безнравственные поступки и тѣмъ самымъ стараясь внушить вновь поступающимъ въ Университетъ студентамъ отвращеніе къ академическому движенію. На эти замѣтки съ указаніемъ ихъ истиннаго смысла и значенія отвѣтили въ статьѣ «Подготовка студенческой забастовки» остававшіеся въ Петербургѣ двое изъ членовъ Союза ¹⁾... Свою превосходную статью «Yivat Universitas» ²⁾, написанную также лѣтомъ, проф. Зѣлинскій заканчиваетъ такъ: «въ первыхъ же дняхъ Сентября студенчеству придется высказаться о томъ желаетъ ли оно быть таковымъ въ наступающемъ 1905 — 6 академическомъ году, или хочетъ нанести русскому просвѣщенію и русскому народу новое, еще болѣе тяжелое пораженіе. Рѣшеніе студенчества будетъ сочтено, по справедливости, отголоскомъ общества и, стало быть, показателемъ политической зрѣлости этого послѣдняго».

И вотъ, 13 Сентября, первая общая сходка студентовъ Спб. Университета постановила: «1) отложить объявленіе забастовки впредь до того момента, когда

¹⁾ Нов. Вр. 10546.

²⁾ Русс. Школа №№ 1—8 1905 г.

это будетъ выгодно по соображеніямъ революціонной тактики. 2) *Исключительно въ этихъ цѣляхъ* открыть университетъ для развитія *въ его стѣнахъ* и внѣ ихъ широкой работы по подготовкѣ надвигающейся рѣшительной борьбы, 3) использовать всѣ средства къ усиленію революціонной дѣятельности студенчества путемъ устройства всенародныхъ митинговъ и организациі академическаго легіона, какъ одного изъ отрядовъ, примыкающихъ къ великой арміи борющагося за народную свободу рабочаго класса. *И пусть нашъ открытый Университетъ станетъ для Самодержавнаго правительства еще болѣе опасенъ чѣмъ былъ для него опасенъ Университетъ бастующій»*. Результатъ голосованія: за резолюціи 1702 голоса, противъ 243, воздержались отъ голосованія 77 ¹⁾).

Образовавшемуся весной «Союзу студентовъ» — осенью предстояло, согласно второй части перваго пункта устава, проводить принципъ «Университетъ для науки» въ академическую жизнь, при только что указанныхъ условіяхъ! Не будучи въ состояніи въ силу недостаточной въ то время сплоченности противопоставить свою резолюцію, «Союзъ студентовъ» вовсе отказался отъ присутствія при окончательной баллотировкѣ двухъ предложенныхъ резолюцій, какъ одинаково унижающихъ достоинство Университета, и потому не вошелъ своими голосами въ общее указанное число баллотировавшихъ и воздержавшихся—2022 ч. Странно и дико было слышать на сходкахъ въ Университетѣ слова и выраженія о презрѣніи къ наукѣ. Больно было узнать постановленіе сходки, въ которомъ профессора приглашались читать лекціи для отвода глазъ правительству, потому что открытый

---

¹⁾ Данные изъ „изд. Соц.-демократической организациі студенчества“.

Университетъ для революціонной тактики выгоднѣе закрытаго. Впрочемъ въ этой части резолюціи студенты оказались правы: закрытый Университетъ былъ не только не опасенъ, но даже желателенъ Правительству ¹⁾. 13-же сентября состоялась сходка и на В. Ж. К., гдѣ было проведено аналогичное постановленіе. Еще передъ этой сходкой на Высшихъ Курсахъ образовался «Союзъ Слушательницъ», на слѣдующихъ началахъ:

1) Организациа Союза имѣеть цѣлью способствовать своимъ членамъ въ стремленіи получить въ высшей школѣ возможно полное и правильное образованіе. Допуская полное различіе политическихъ убѣжденій, мы объединяемся на чисто академическихъ началахъ и интересахъ.

2) Считая свободу личности и убѣжденій принципомъ, неприкосновенность котораго признается лицами всѣхъ партій и убѣжденій, мы видимъ за собою нравственное право продолжать наши научныя занятія, даже если бы наши товарищи были объ этомъ иного мнѣнія и вынесли резолюцію о забастовкѣ (Уставъ).

Такъ какъ всѣмъ, сознававшимъ необходимость научной работы, стало ясно, что не только забастовка вредить дѣлу науки, но и что постоянное разрѣшеніе политическихъ вопросовъ, обостряя партійныя страсти, нарушаетъ правильный ходъ занятій,—то организациа, ставящая своей цѣлью возвращеніе курсовъ цѣлямъ просвѣщенія и служеніе послѣднимъ, возникла безъ всякаго труда, объединивъ въ «Союзѣ Слушательницъ», лицъ самыхъ разнообразныхъ политическихъ убѣжденій. Уполномоченныя отъ Союза на этой сходкѣ за-

---

¹⁾ См. выше.

явили, что члены его не признают возможности самой постановки вопроса о политической роли курсовъ, какъ таковыхъ, и будутъ посѣщать ихъ независимо отъ того, въ какую бы сторону ни былъ разрѣшенъ этотъ вопросъ, считая курсы открытыми для науки.

Итакъ, соотвѣтствующими резолюціями высшія учебныя заведенія окончательно, и не безъ мотивировки, обращались въ исключительно политическіе клубы,—студенты и слушательницы—въ политическія, единыя корпораціи. То, что можно было весной считать недоразумѣніемъ—осенью санкціонировалось сознательно и окончательно. *Политическая корпорація*, вполне правильно признавая менѣе цѣлесообразной борьбу каждаго своего члена—гражданина въ отдѣльности, постановила, во всѣхъ къ тому направленныхъ дѣйствіяхъ, выступать, какъ таковая всей своей внутренней силой. Поголовный отказъ отъ работы, которая служила смысломъ и основаніемъ бывшей *академической* корпораціи, отказъ, мотивированный раньше совершенно неправильно, какъ уже не разъ указывалось выше,—желаніемъ насолить ненавистному правительству и заставить его, такимъ образомъ, пойти на уступки,—этотъ отказъ, по существу вообще являющійся интеллектуальнымъ «харакири», но только въ иной, уже не пассивной, формѣ—представляла собой и резолюція объ открытіи Университета. «Студенческая забастовка кончилась»—съ облегченіемъ говорили всѣ, непростительно смѣшивая, *открытие Университета* съ *началомъ научныхъ занятій* и не анализируя самого понятія, «студенческая забастовка». Въ самомъ дѣлѣ: понятіе студенческой забастовки отнюдь не могло быть примѣнено къ тому акту студенчества, который имѣлъ мѣсто въ февралѣ 1905 года. Объявивъ себя

корпораціей политической, студенчество тѣмъ самымъ упразднило и свои Университеты, какъ образованія научныя, и самое себя, какъ таковое. Новая политическая корпорація «Университетъ» и всѣ члены ея получили совершенно иное назначеніе, объединились совершенно новой идеей, т. к. *наука не можетъ быть въ тоже время политикой*. Студентъ со дня сходки 7 февраля являлся прежде всего членомъ политической корпораціи, а о забастовкѣ *такихъ* корпорацій, само собой разумѣется, не было и рѣчи. Сознательно вступая въ новую политическую корпорацію, бывшіе члены корпораціи научной лишь по недоразумѣнію сохранили за собой и за своей корпораціей старыя названія. Вѣдь забастовка означаетъ пріостановленіе работъ извѣстнаго характера для побужденія хозяина производства пойти на тѣ или иныя уступки, но совсѣмъ не предполагаетъ перемѣну профессій и потому, въ примѣненіи къ Университету, какъ это вообще ни абсурдно, можно было бы говорить о забастовкѣ «студентовъ» лишь тогда, когда студенчество отказалось бы отъ занятій, не объявляя себя корпораціей политической. Одно понятіе исключаетъ другое: званіе «студентъ», (подъ которымъ подразумѣвается принадлежность его къ академической корпораціи), не совмѣстимо съ именемъ *политическаго* борца той же *академической* корпораціи. Студентъ упразднившій старый храмъ и воздвигшій на его развалинахъ новый, не можетъ быть уже жрецомъ разрушеннаго храма, въ силу особыхъ и глубоко противоположныхъ свойствъ объединяющихъ идей—науки и политики.

Резолюція сходки 13 сентября лишь подтверждаетъ сказанное. Въ ней политическая корпорація «студенты» детально разработала свою программу и приступила къ ея осуществленію, открывъ Университетъ для ре-

волюціонной борьбы. Отнюдь не откладывалась студенческая забастовка, какъ говорилось въ резолюціи, а логично проводилось въ жизнь постановленіе сходки 7 февраля, т. е. сжегши старые *корабли*, студенты приступили къ фабрикаціи *пушекъ*. Отсюда столь же естественно и логично, что студенты и слушательницы бывшихъ «учебныхъ», а нынѣ «политическихъ» высшихъ заведеній и въ частности «Союзы», какъ не вступившіе въ ново-образованныя учрежденія «упорствовали», горячо защищая главную цѣль и основной смыслъ своей «*alma mater*», не находя въ себѣ силы примириться съ мыслью, что родной Университетъ погибъ окончательно. Они еще не теряли надежды, рассчитывая на не упраздненную пока профессорскую коллегію... Положеніе дѣлъ было крайне тяжело и неопредѣленно: съ одной стороны Совѣтъ профессоровъ, какъ бы игнорировалъ коренное измѣненіе самой сущности студенческой корпораціи и началъ чтеніе лекцій, какъ будто ничего и не случилось, — съ другой до очевидности было ясно, что чтеніе лекцій и научныя занятія суть лишь формальныя основанія для того, чтобы Университетъ всетаки продолжалъ называться Университетомъ. Совѣтъ профессоровъ сдѣлалъ больше: онъ предоставлялъ студенчеству самому управляться въ Университетѣ, очевидно основываясь *только* на положеніяхъ объ автономіи, и не считаясь съ дѣйствительностью. Чтеніе научныхъ лекцій шло какъ-бы украдкой, въ сознаніи неумѣстности ихъ въ политическомъ клубѣ. Тогда какъ аудиторіи профессоровъ «направленски-благонадежныхъ», — какъ мѣтко ихъ охарактеризовалъ въ уже указанной статьѣ пр. Зѣлинскій — ломились отъ количества слушателей обоихъ половъ и всевозможныхъ профессій, лекціи профессоровъ, съ точки зрѣнія по-

литической корпораціи «неблагонадежныхъ», т. е. тѣхъ, кто не проводилъ или въ силу своей специальности не могъ проводить «сredo» этой корпораціи—пустовали за немногими исключеніями. Постоянныя сходки, часто въ часы учебныхъ занятій, митинги по вечерамъ и все болѣе и болѣе приподнятое настроеніе «корпорацій» съ ея отличительными свойствами: боязнью раскола и рѣдкой нетерпимостью къ «не членамъ», дѣлало положеніе вещей положительно непереносимымъ. Это сплошное «недоразумѣніе» въ смыслѣ пассивнаго отношенія профессоровъ къ совершающемуся заставило общее собраніе членовъ Союза СПб. Университета подать 19-го сентября въ Совѣтъ профессоровъ, призванныхъ управлять автономнымъ Университетомъ, записку слѣдующаго содержанія:

«Принимая во вниманіе, что въ настоящее время Университетъ сдѣлался ареной борьбы политическихъ партій и что при такихъ условіяхъ правильная академическая жизнь невозможна, Союзъ студентовъ позволяетъ себѣ обратиться къ совѣту профессоровъ съ просьбой сообщить: каковы гарантіи правильнаго теченія академической жизни, и не грозитъ ли теперешнее положеніе закрытіемъ Университета.

«Сопоставляя рѣшеніе Совѣта профессоровъ, гдѣ высказывается увѣренность, что интересы Университета дороги студентамъ, почему имъ и предоставлено лично поддерживать порядокъ на сходкахъ, съ резолюціями общихъ сходокъ, диктуемыми коалиціоннымъ совѣтомъ, по которымъ Университетъ объявляется мѣстомъ политическихъ митинговъ по преимуществу, мы сомнѣваемся, что ^{sic} это постановленіе являлось достаточной гарантіей правильнаго теченія академической жизни.

«Вышеуказанное служить основаніемъ тому, что Союзъ студентовъ, видящихъ въ Университетѣ храмъ науки, а не «храмъ революціи», какъ то выражено было на сходкѣ 12 сентября, обращается къ Совѣту профессоровъ съ слѣдующимъ заявленіемъ:

I. Посторонняя публика безусловно не имѣетъ права присутствовать на общестуденческихъ сходкахъ, долженствующихъ носить академическій характеръ.

II. Руководство сходками должно быть поручено представителямъ всѣхъ партій студенчества съ представительствомъ отъ профессоровъ.

III. Предсѣдатель сходки долженъ быть предлагаемъ собранію вышеупомянутыми представителями и избираемъ общей всѣхъ присутствующихъ студентовъ и тайной подачей голосовъ.

IV. Кромѣ того для выясненія академическихъ нуждъ студенчества, крайне необходимы курсовыя собранія, которыя, путемъ подготовки, упорядочили бы обще-студенческія сходки и рѣшали бы частные курсовыя вопросы.

V. Всѣ собранія, какъ курсовыя, такъ и общестуденческія должны происходить во внѣ-учебное время.

«Представляя настоящее заявленіе союзъ студентовъ выражаетъ надежду, что совѣтъ профессоровъ не откажетъ въ скорѣйшемъ разсмотрѣніи и отвѣтѣ».

Еще раньше, въ началѣ сентября въ Совѣтъ же былъ и внесенъ на утвержденіе уставъ Союза, выработанный, какъ указывалось выше еще 18 марта.

19-го же сентября состоялась не менѣе чреватая послѣдствіями новая обще-студенческая сходка. На ней было рѣшено бойкотировать семь «неблагонадежныхъ» профессоровъ, подъ общей рубрикой «реакціонеровъ». Забравъ власть въ свои руки, «политическая корпорація» естественно, не могла потерпѣть хотя бы

научнаго касательства къ ней лицъ, общественная дѣятельность, или политическія убѣжденія которыхъ, не соотвѣтствовали ея направленію. Одновременно съ этимъ, «бойкотомъ ученыхъ», логически вытекавшимъ, впрочемъ, изъ истиннаго положенія вещей, сходка столь же логично потребовала возвращенія къ кафедрамъ тѣхъ профессоровъ, которые за политическія убѣжденія должны были оставить Университетъ.

Обвиненія бойкотируемымъ профессорамъ, конечно, не формулировались точно: одни обвинители указывали на интимную жизнь, другіе на дѣятельность общественную, третьи—самые серьезные (въ числѣ ихъ былъ одинъ изъ членовъ «президіума» — учрежденіе таинственнаго происхожденія, всегда руководившее сходками) указывали на приблизительное количество написанныхъ доносовъ. Критика «научности» была крайне слаба, да и не могло быть иначе: большинство бойкотируемыхъ профессоровъ были крупными величинами въ этой области. Съ точки зрѣнія членовъ «Союза студентовъ» такое постановленіе сходки о бойкотѣ профессоровъ являлось, во-первыхъ, принесеніемъ науки въ жертву соображеніямъ посторонняго порядка, совершенно несомѣстимымъ съ принципомъ свободы науки; во-вторыхъ—насиліемъ надъ личностью профессоровъ, какъ людей, имѣющихъ право на личныя политическія убѣжденія; въ третьихъ — нарушеніемъ правъ тѣхъ студентовъ, которые хотѣли означенныхъ профессоровъ слушать. Кромѣ того, насильственное удаленіе одного или нѣсколькихъ профессоровъ, члены союза считали оскорбленіемъ всей профессорской корпораціи, отъ кого бы это насильственное удаленіе ни исходило. Итакъ, видя въ постановленіи сходки 19 сентября тройное насилье: надъ наукой, профессорами и студентами. Комитетъ уполномоченныхъ «Со-

юза» выразилъ сочувствіе оскорбленнымъ профессорамъ столь же публично, какъ публично имъ было нанесено оскорбленіе, прибѣгнувъ къ помощи печатной гласности, которая всегда такъ высоко цѣнилась студентами.

Быть можетъ покажется страннымъ читателю, что «Союзъ студентовъ» въ лицѣ своихъ членовъ не выступалъ на сходкахъ..., но всякая попытка думающимъ нѣсколько иначе, чѣмъ руководящая политическая корпорація, выступить публично передъ товарищами влекла за собой рядъ оскорбленій, обвиненій и протестовъ, выражавшихся часто и въ весьма некультурной формѣ, что физически препятствовало продолжать означенныя попытки. Поставленные въ необходимость обращаться лишь въ извѣстные органы печати, такъ какъ остальные прямо не принимали ничего, гдѣ фигурировалъ бы не въ извращенномъ видѣ «Союзъ студентовъ», члены комитета помѣстили 20-го сентября въ «Новомъ Времени» письмо слѣдующаго содержанія: «Сходка студентовъ съ множествомъ постороннихъ лицъ 19-го сего сентября постановила, между прочимъ, бойкотировать 7 профессоровъ и приватъ-доцентовъ петербургскаго университета, причемъ къ нимъ предъявлены обвиненія завѣдомо-тенденціозныя. Поэтому комитетъ «Союза студентовъ с.-петербургскаго университета», имѣющаго цѣлью объединеніе студентовъ на почвѣ признанія единственной задачей университета служенія цѣлямъ науки, выражаетъ свое глубокое негодованіе по поводу того посягательства на свободу науки, которое допустила обще-студенческая сходка 19-го сентября. Семи же профессорамъ и приватъ-доцентамъ, противъ которыхъ и предпринятъ бойкотъ, выражаетъ свое искреннее сочувствіе и увѣренность, что мѣры, принятыя

противъ нихъ—вовсе не одобряются большинствомъ студенчества».

На слѣдующій день, т. е. 21-го сентября, послѣ первой блестящей лекціи приватъ-доцента Тарле, въ переполненномъ, конечно, актовомъ залѣ, студентъ, спеціально слѣдящій за замѣтками и письмами, появляющимися въ «Новомъ Времени» прочелъ упомянутое письмо комитета «Союза», эффектно дѣлая удареніе на каждой буквѣ фамилій его подписавшихъ. Усмотрѣвъ въ указаніи на присутствіе постороннихъ лицъ *политическій доносъ* съ цѣлью вызвать вмѣшательство административной власти, ораторъ обратилъ вниманіе аудиторіи на нанесенное всему студенчеству оскорбленіе упоминаніемъ въ письмѣ о завѣдомой тенденціозности представлявшихся обвиненій. Далѣе въ видѣ логическаго довода союзъ студентовъ былъ обруганъ «Денницей» ¹⁾, указано на безнравственность и тупость лицъ, признающихъ за университетомъ *единственно* научное назначеніе и на непорядочность студентовъ, заступающихъ за «непорядочныхъ» людей, каковыми ораторъ счелъ удобнымъ назвать бойкотируемыхъ профессоровъ. Въ заключеніе было заявлено, что лица, написавшія это письмо и ихъ единомышленники терпимы въ университетѣ быть не могутъ и должны уйти изъ него... «Сходка, отнесясь чрезвычайно сочувственно къ оратору, покрыла его рѣчь бурными аплодисментами»..., а вопросъ объ окончательномъ исключеніи былъ отложенъ до слѣдующей сходки. Комитетъ «Союза» ошибочно, какъ оказалось, рассчитывалъ, что письмо его будетъ понято такъ же принципиально, какъ оно было напи-

---

¹⁾ Покончившая свое существованіе студенческая корпорація, члены которой активно противодѣйствовали химической и иной обструкціи въ 1901 году. Цѣль корпораціи—„товарищеское общеніе“.

сано. Упомянув о присутствіи на сходкѣ постороннихъ лицъ, онъ, конечно, имѣлъ въ виду указать на нежелательность этого явленія, придающаго собранію студентовъ фізіономію политическаго митинга и физически препятствующаго многимъ студентамъ на нихъ присутствовать, но писавшіе письмо не предполагали, что ихъ *открытое*, за полными подписями, заявленіе въ газетѣ будетъ признано *тайнымъ* по существу *политическимъ доносомъ*, тѣмъ болѣе, что рѣшительно всѣмъ было извѣстно объ «открытыхъ дверяхъ Университета», — принципѣ громко заявленномъ студентами и уже вошедшимъ въ норму. Затѣмъ Комитетъ не думалъ, что члены политической корпораціи будутъ отказываться отъ логично ими проводимой программы, и тѣмъ менѣе предвидѣлъ, что «Союзу» будетъ приписано желаніе заступаться за личности бойкотируемыхъ профессоровъ, а не за идею свободной науки въ свободномъ Университетѣ, т. к. ни интимной жизни, ни личныхъ свойствъ означенныхъ лицъ члены комитета не знали, а если бы и знали, то отнюдь не стали бы говорить объ этомъ публично. Лишь названіе Союза «Денницей» никого не удивило, т. к. это обыкновенно носило характеръ бездоказательнаго и оскорбительнаго аргумента въ минуты нервнаго возбужденія ораторовъ. Требованіе же удаленія изъ Университета товарищей, несогласныхъ съ мнѣніемъ политической корпораціи, убѣдило «Союзъ» еще болѣе въ нѣкоторыхъ отличительныхъ ея свойствахъ... Однако, предсѣдатель Комитета былъ вынужденъ въ силу новаго «недоразумѣнія» разъяснить превратно понятое письмо, что и было сдѣлано въ газетахъ «Новое Время», «Слово» (принципіальное обоснованіе протеста) и «Сынъ Отечества» (по поводу

завѣдомо неправильнаго отождествленія въ повседневной прессѣ «Союза Студентовъ» съ корпораціей «Денница»).

Бойкотированные профессора печатно требовали открытаго предъявленія имъ тѣхъ обвиненій, которыя послужили основаніемъ бойкота. Обвинители не отвѣчали, молчала и профессорская коллегія... Въ это время изъ *единой политической* корпораціи выдѣлилась группа студентовъ «*академистовъ*». Эти студенты такъ же какъ и члены «Союза» ужасались происходящему, видя, что Университетъ дѣйствительно и исключительно превратился въ политическій клубъ, гдѣ наука играетъ жалкую и недостойную роль, но, въ то же время полагали возможнымъ сосуществованіе въ Университетѣ серьезной науки и политики, раздѣленное лишь во времени. «Союзъ Студентовъ» провозглашая принципъ „Университетъ для науки“ этимъ отнюдь не исключалъ, въ чемъ его неправильно укоряли, возможности обмѣна мнѣній между студентами въ стѣнахъ Университета по вопросамъ политическимъ, т. к., признавалъ священнымъ правомъ každого развитого чело-вѣка имѣть и высказывать свои политическіе взгляды— свои идеалы. Союзъ лишь считалъ и настаивалъ, что не въ разрѣшеніи политическихъ вопросовъ, не въ бурныхъ сходкахъ, не въ служеніи политическому развитію страны главная цѣль и основной смыслъ Университета. Университетъ имѣетъ свою великую миссію, болѣе великую, чѣмъ всѣ политическія стремленія и реформы: онъ созданъ для науки и научные интересы не отдѣлимы отъ него. Университетъ подчиняющій интересы науки постороннимъ, хотя бы и высокимъ соображеніямъ унижаетъ науку, унижаетъ себя. И потому обмѣнъ мнѣній студентовъ по вопро-

самъ политическимъ возможенъ въ стѣнахъ Университета лишь въ той формѣ, которая бы гарантировала Университету сохраненіе его назначенія въ неприкосновенности т. е. при условіи отсутствія специально организованныхъ *политическихъ — университетскихъ* партій. Отрицаніемъ такихъ политическихъ партій Союзъ студентовъ отнюдь не указываетъ на то, что Университетъ не долженъ служить общественной школой; но онъ можетъ выполнить свою общественную миссію только оставаясь тѣмъ, что соотвѣтствуетъ его природѣ ¹⁾. „Credo“ же петербургской партіи академистовъ логически предполагало дифференцированіе студенчества на *политическія университетскія* партіи, что съ точки зрѣнія «Союза Студентовъ» столь же неминуемо привело бы Университетъ къ партійной борьбѣ и сгубило бы его какъ академію. Политика лишь разрозняетъ студенчество и объединить его, какъ цѣлое, никогда и ни при какихъ условіяхъ не можетъ. Поэтому *только* наука и *одна* наука, примиривъ всѣ остальные интересы, можетъ создать могущественную силу въ общественномъ значеніи.

Еще въ началѣ Сентября Союзъ Студентовъ, чрезъ посредство своего комитета, вошелъ въ письменныя сношенія съ академическими организаціями Московскаго Университета. Тамъ Студенчество рѣзко раздѣлилось на двѣ почти равныя половины: политическую и академическую, причемъ вторая, насчитывающая до 3600 человѣкъ, въ свою очередь дифференцировалась на группы: чисто академическую, подъ именемъ академистовъ—прогрессистовъ и политико-академическія—академистовъ-демократовъ, конституціоналистовъ и академистовъ-революціонеровъ. Результатомъз авязав-

¹⁾ Какъ говорилъ пр. Мануиловъ (Рус. Вѣд. № 259).

шихся переговоровъ явился съѣздъ делегатовъ отъ академическихъ организацій Студенчества столичныхъ Университетовъ. На этомъ съѣздѣ, состоявшемся 24 Сентября въ Москвѣ и имѣвшемъ цѣлью выясненіе положенія дѣлъ въ обоихъ Университетахъ участвовали делегаты отъ всѣхъ вышеуказанныхъ академическихъ организацій Московскихъ и отъ Петербургскаго Университета—отъ «Союза Студентовъ» и партіи академистовъ.

Разница въ положеніи дѣлъ оказалась весьма существенною. Передъ окончательнымъ рѣшеніемъ вопроса о возобновленіи занятій въ Московскомъ Университетѣ состоялся цѣлый рядъ предварительныхъ совѣщаній студентовъ для выясненія, наконецъ, того «сredo» большинства, которое опредѣлило-бы будущій ходъ университетской жизни. На этихъ совѣщаніяхъ опредѣленно выяснились направленія различныхъ партій и выработались разновидности трехъ главныхъ платформъ, имѣвшихъ своихъ многочисленныхъ сторонниковъ. Первая платформа носила чисто академическій характеръ и обуславливала немедленное начало занятій въ Университетѣ, безъ непосредственнаго участія студенчества въ политической жизни страны. Вторая—политико-академическая—ставила своей задачей не препятствовать правильнымъ занятіямъ тѣхъ студентовъ которые найдутъ въ себѣ силы и способности заниматься чистой наукой въ то время, когда всѣ помыслы должны направляться въ сторону общественной дѣятельности, но главную роль учащейся молодежи видѣла въ полномъ поглощеніи ея освободительной работой, и, наконецъ—третья платформа (крайней лѣвой):—ставящая себѣ девизомъ «не идти ни на какія компромиссы и добиваться своихъ цѣлей забастовкой съ примѣненіемъ обструкціи для несоглас-

ныхъ». Окончательная же резолюція всего Московскаго студенчества гласила, что «не прекращая участія студентовъ въ освободительномъ движеніи, но и не дѣлая этого участія обязательнымъ,—рѣшено открыть университетъ и вести правильныя занятія, если только не послѣдуетъ особыхъ обстоятельствъ, которыя заставятъ отказаться отъ этого рѣшенія». Въ послѣдующіе же дни въ Московскомъ университетѣ все болѣе и болѣе обнаруживался партійный расколъ студенчества, приведшій сначала къ закрытію университета, а затѣмъ къ курсовымъ собраніямъ для новаго такимъ путемъ обсужденія преемлемой резолюціи. Несмотря, однако, на весьма обостренное партійное отношеніе и постоянную борьбу—Московскіе студенты не прибѣгали къ такимъ пріемамъ ея, которые практиковались въ университетѣ Петербургскомъ. Въ частности—представители Московскаго революціоннаго академизма выражали свое крайнее недоумѣніе по поводу бойкота профессоровъ за ихъ политическіе взгляды и общественную дѣятельность,—оглашенія съ трибуны на общихъ сходкахъ фамилій товарищей съ явнымъ намѣреніемъ оскорблять ихъ, опираясь на поддержку подогрѣтой соотвѣтствующими рѣчами толпы,—насилія надъ этими товарищами въ формѣ требованія удаленія ихъ изъ университета. Столь-же непреемлемой и рѣзкой представилась Московскимъ студентамъ Петербургская резолюція 13 Сентября. Перейдя къ текущимъ дѣламъ, съѣздъ формулировалъ свои работы такъ:

«Съѣздъ делегатовъ отъ организацій: союза студентовъ с.-петербургскаго университета, партіи академистовъ с.-петербургскаго университета, партій академистовъ-прогрессистовъ и академистовъ-демократовъ-конституціоналистовъ московскаго университета, происхо-

дившій въ Москвѣ 24-го сентября 1905 г., вынесъ единогласно слѣдующую резолюцію, какъ принципъ объединенія въ цѣляхъ тактическихъ:

«Независимо отъ того или иного разрѣшенія вопроса, какимъ цѣлямъ долженъ и можетъ служить университетъ, съѣздъ полагаетъ, что академическая жизнь въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ въ настоящее время можетъ и должна протекать совершенно свободно и безпрепятственно».

И постановилъ обратиться ко всѣмъ товарищамъ всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній Россіи съ слѣдующимъ воззваніемъ:

Товарищи!

Переживаемое тяжелое время требуетъ отъ студенчества, отъ студентовъ-гражданъ серьезнаго и сознательнаго отношенія къ дѣйствительности. Страна нуждается въ кадрахъ самоотверженныхъ интеллигентныхъ силъ. Чтобы притокъ этихъ силъ не прекращался, высшія учебныя заведенія—разсадники просвѣщенія—должны быть открыты. Служить интересамъ страны, отдать себя политико-общественной дѣятельности можно только имѣя солидную научную базу. Академическая жизнь должна протекать совершенно безпрепятственно. Иначе открытый университетъ немислимъ, немислима, слѣдовательно, и концентрація силъ и возможность проявленія и обсужденія студенческихъ своихъ интересовъ, каковы бы они ни были. Неустойчивое расшатанное положеніе, которое въ настоящее время царитъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, должно неминуемо привести къ закрытію ихъ. Въ интересахъ страны, во имя свободы, товарищи, это недопустимо. Мы призываемъ васъ, товарищи, независимо отъ вашихъ политическихъ «сredo», независимо отъ партійныхъ разногласій, сор-

ганизоваться и сплотиться на принципѣ, провозглашенномъ вышеприведенной резолюціей нашего съѣзда.

На нашихъ сходкахъ царить односторонняя, однобокая свобода. Всякое проявленіе оппозиціонной мысли глушится и попирается. Требуйте и добивайтесь полной и истинной свободы для всѣхъ мнѣній, для всѣхъ убѣжденій, — полной свободы убѣжденій. Взамѣнъ узурпированной диктатуры требуйте и добивайтесь истинно парламентарной организациі сходокъ. Товарищи! Принимаясь за дѣло отстаиванія принципа свободы убѣжденій въ университетѣ, провозгласите своимъ объединяющимъ девизомъ:

«Наука и борьба за свободу».

Представители академистовъ-революціонеровъ московскаго университета, какъ не имѣвшіе достаточныхъ полномочій, — въ окончательной работѣ съѣзда участія не принимали, пожелавъ лишь петербургскимъ товарищамъ успѣха въ борьбѣ при столь тяжелыхъ условіяхъ. Делегаты отъ «Союза студентовъ» и партіи «Академистовъ» были приняты въ Москвѣ покойнымъ ректоромъ московскаго университета княземъ С. Н. Трубецкимъ и его помощникомъ—проф. Мануиловымъ. Князь Трубецкой выразилъ полное сочувствіе идеѣ объединенія академическихъ организацій, и въ короткихъ словахъ повторилъ то, что говорилъ студентамъ московскаго университета по поводу его закрытія 22-го сентября ¹⁾).

Столь же привѣтливо отнесся къ делегатамъ и проф. Мануиловъ, указавшій, между прочимъ, на то, что взглядъ политиковъ-академистовъ, признающихъ воз-

---

¹⁾ Рѣчи кн. Трубецкого и проф. Мануилова, по ихъ словамъ, переданы вполнѣ точно лишь въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 259). Рѣчь кн. Трубецкого см. ниже.

возможность сосуществования науки и политики в университете-утопии, и что слѣдуетъ стать на болѣе реальную почву, принявъ во вниманіе дѣйствительныя условія въ которыхъ мы находимся: «...и вы убѣдитесь въ томъ, что университетъ можетъ существовать лишь тогда, когда онъ будетъ отвѣчать своему прямому и *единственному* назначенію...».

25-го сентября комитетъ «Союза студентовъ» получилъ слѣдующую телеграмму изъ Москвы, какъ слѣдствіе обмѣна мнѣній на съѣздѣ по вопросамъ текущей академической жизни: «Признавая полную свободу убѣжденій въ университетѣ, соединенный совѣтъ московскихъ академическихъ партій протестуетъ противъ всякаго насилія надъ профессорами и студентами».

27-го сентября въ петербургскомъ университетѣ состоялась общестуденческая сходка, посвященная разсмотрѣнію отчетовъ комиссій «Коалиціоннаго совѣта» по составленію проектовъ организаціи студенчества и по проскрипціонному списку профессоровъ. Передъ началомъ сходки одинъ изъ делегатовъ московскаго съѣзда просилъ включить въ программу дѣль и отчетъ о съѣздѣ, причемъ апеллировалъ къ сходкѣ о разрѣшеніи «Союзу» и «Академистамъ» изложить свое «credo», безъ чего самый смыслъ съѣзда былъ бы неясенъ. Сходка отвергла просьбу делегата, а председатель ея въ «утѣшеніе» сказалъ, что для изложенія своихъ взглядовъ академистамъ представляется созывать свои сходки, *на сходкахъ же, созванныхъ коалиціоннымъ совѣтомъ это неумѣстно*. Лишенные слова члены «Союза» и «Академисты» вынуждены были ограничиться распространеніемъ вышеприведенныхъ постановленій съѣзда. Во время этого распространенія раздавались негодующіе голоса: «не читай-

те, это—академисты!!...», и *политическая корпорація* охарактеризовалась съ этого момента новымъ признакомъ: она считала позорнымъ даже *читать* что-либо, не нравящееся ей, не говоря уже о слушаніи. По вопросу о студенческой организаціи случайно удалось говорить и «академистамъ», хотя и прерываемымъ рѣзкими свистками. «Академисты» предлагали полное разграниченіе интересовъ партій политической и академической: «резолюціи должны быть выносимы отдѣльно и обязательны лишь для тѣхъ, кто участвуетъ въ баллотировкѣ. Этимъ будетъ обезпечена свобода убѣжденій»... По объективнымъ на сей разъ словамъ газеты «Русь» ¹⁾—благодаря тому, что часть наиболѣе радикальнаго студенчества въ это время удалилась изъ актовaго зала—«перевѣсь, какъ будто переходитъ на сторону академистовъ»; но, по словамъ той же газеты — «слѣдующіе ораторы обезпечиваютъ своими рѣчами большинство руководящей партіи»: «университетская организація необходима для того, чтобы сознательное студенчество, какъ цементомъ скрѣпило бы несознательныхъ студентовъ въ одно политическое цѣлое... Академисты говорятъ о возможности науки... ея не было десятки лѣтъ. Неужели миражъ автономіи дастъ ее намъ? И если мы боролись за университетскую автономію, то только потому, что видѣли въ ней политическій козырь»... ²⁾. Рѣчь оратора, какъ водится,—восторженно принимается аудиторіей... Затѣмъ на сходкѣ съ одобреніемъ принимается проектъ комиссіи коалиц. совѣта о студенческой организаціи, долженствующей выразиться въ чисто академическомъ институтѣ выборныхъ факультетскихъ старостъ, чуждомъ ка-

¹⁾ № 233.

²⁾ Курсивъ нашъ.

кимъ бы то ни было политическимъ тенденціямъ. Послѣ принятія такой резолюціи, сходка обратилась къ разсмотрѣнію доклада «комиссіи» о проскрипціонномъ спискѣ. Двумъ изъ 7-ми профессоровъ комиссія полагала объявить бойкотъ физическій, категорическій и немедленный въ виду доказанности обвиненія (болѣе подробно не формулировалось), а остальнымъ пятерымъ временно бойкота не объявлять по недостаточной доказанности ихъ проступковъ. По заключеніи комиссіи происходитъ инцидентъ: играющій видную роль въ политической корпораціи студентъ, о которомъ говорилось выше, какъ о «серьезномъ» обвинителѣ одного профессора,—теперь, когда этотъ профессоръ оказался въ спискѣ «подъ подозрѣніемъ только», на запросъ о причинахъ этого «только» отвѣтилъ, что онъ лишь «слышалъ» о доносахъ, и нынѣ подтвердить этотъ слухъ не въ состояніи...

По обсужденіи заключенія «комиссіи», сходка приняла слѣдующую резолюцію: «на сходкѣ 19 сент. не были соблюдены принципы процессуальной справедливости: а) обвиняемыхъ судили заочно б) судили многихъ сразу и за разнообразные поступки в) обвинения противъ нѣкоторыхъ лицъ не были формулированы достаточно ясно и опредѣленно. Въ виду этого сходка полагаетъ, что вопросъ о бойкотѣ лицъ, внесенныхъ въ проскрипціонный списокъ нельзя считать рѣшеннымъ окончательно, и потому вновь цѣликомъ вносить списокъ въ комиссію. До окончательнаго-же разсмотрѣнія комиссіи—сходка предоставляетъ каждому слушать или не слушать означенныхъ профессоровъ (всѣхъ семи), руководясь своею совѣстью».

Объ исключеніи же членовъ союза вопросъ почему то не поднимался. Сходкой 27 сентября закончился циклъ сходокъ, созываемыхъ коалиціоннымъ совѣтомъ,

о чемъ и было заявлено предсѣдателемъ сходки. Трогательно было безкорыстіе этого «правленія» или, выражаясь иначе—«президіума», политической корпораціи: оно, выработавъ цѣлый рядъ академическихъ мѣръ весьма объективнаго и желательнаго характера, основательно потрудясь черезъ посредство выдѣленныхъ изъ своей среды комиссій по общимъ вопросамъ, каковыми являлись, между прочимъ «бойкотъ профессоровъ», и сложная система выборовъ *чисто-академическаго* института старость,—слагало свои полномочія, указавъ на то, что дальнѣйшая работа будетъ лежать на старостахъ, а «правленіе» какъ бы отходило на совершенно задній планъ. Такое безкорыстіе тронуло весьма многихъ, но многихъ же заставило и призадуматься: нѣкоторые пессимисты не вѣрили вообще въ возможность такого явленія въ нашъ вѣкъ... Какъ бы то ни было въ данный моментъ приходилось считаться съ фактами и только на нихъ основывать свое сужденіе.

29 сентября состоялось общее собраніе Союза, на которомъ было рѣшено принять участіе въ выборахъ *чисто-академическаго* института старость и впредь дѣлать свои собранія открытыми для популяризаціи идей Союза. Въ теченіе слѣдующихъ дней происходили въ Университетѣ предвыборныя факультетскія собранія и соотвѣтствующая агитація. Кандидаты въ старосты по всему Университету выяснили свои «платформы», вербуя себѣ выборщиковъ, при чемъ обнаружилась первая странность этого будущаго *академическаго* института: всѣ платформы были окрашены въ яркія цвѣта партій *политическихъ*. Впрочемъ, это мотивировалось тѣмъ, что нужно же выборщикамъ знать— „честныхъ“ или „нечестныхъ“ убѣжденій ихъ кандидаты, и, такимъ образомъ, къ „лучшей“ или къ „худ-

шей“¹⁾ части студенчества принадлежать они... 3-го октября Союзу Слушательницъ Высшихъ Женскихъ курсовъ пришлось принять весьма активное участіе на своей сходкѣ т. к. спеціальнымъ предметомъ обсуждения ея явился самъ „союзъ“. Главнымъ основаніемъ для жестокихъ нападковъ на „Союзницъ“ послужилъ включенный въ ихъ уставъ пунктъ о неподчиненіи большинству въ вопросахъ политическихъ и, какъ слѣдствіе, отрицаніе политической забастовки, что хоть и не внесенное въ Уставъ подразумевалось и „Союзомъ Студентовъ“. Считаю, какъ уже было сказано, Университетъ²⁾ *исключительно храмомъ науки*, и полагая, что подчиненіе научныхъ интересовъ какимъ бы то ни было, хотя бы и весьма высокимъ, соображеніямъ унижаетъ науку и научное учрежденіе. „Союзницы“ категорически высказались разъ навсегда противъ политическихъ забастовокъ, т. к. съ ихъ точки зрѣнія онѣ являются, во 1-хъ подчиненіемъ науки соображеніямъ постороннимъ и во 2-хъ ничѣмъ не оправдываемымъ насиліемъ большинства надъ меньшинствомъ. Въ самомъ дѣлѣ,—обязательное для меньшинства рѣшеніе вопроса большинствомъ голосовъ разумно и допустимо лишь тогда, когда рѣшаются вопросы, во имя которыхъ это большинство и меньшинство созваны. Такъ, въ парламентѣ — вопросы политики, въ городской думѣ—вопросы городского хозяйства. Но никогда, никакое парламентское большинство не рискнетъ предписать меньшинству свои религіозныя вѣрованія. А если бы оно и было столь безумно, то уважающее себя меньшинство ни въ коемъ случаѣ не подчинилось бы этому большин-

---

1) Терминологія присяжныхъ ораторовъ Университетскихъ сходокъ.

2) Говоря объ Университетѣ, мы разумѣемъ вообще высшія учебныя заведенія—въ частности Высшіе Женскіе Курсы.

ству. Но цѣль, собравшая студентовъ и слушательницъ въ стѣны высшихъ учебныхъ заведеній не есть политика. Студенты приходятъ въ Университетъ искать научныхъ знаній, и только въ вопросахъ относящихся къ академической жизни, онъ долженъ подчинить свою волю рѣшенію большинства, если все студенчество образуетъ единую академическую *корпорацию*. Во всемъ остальномъ онъ свободенъ; имѣть свои политическія убѣжденія—священное право человѣка, и въ этой области онъ неприкосновененъ. Политическая же забастовка заставляетъ студента, оставшагося въ меньшинствѣ, не только молчать о своихъ взглядахъ, но и фактически увеличить молчаливымъ согласіемъ вѣсь общей массы студенчества ¹⁾. Такое насиліе не имѣетъ оправданія. Къ тому же оно посягаетъ на право каждого студента получать въ Университетѣ научное образованіе, а это право естественно и необходимо вытекаетъ изъ понятія «студентъ» и не можетъ быть отнято отъ него никакимъ въ мірѣ большинствомъ голосовъ. Въ силу этого не присутствующій на политической сходкѣ студентъ долженъ быть увѣренъ, что безъ его вѣдома или противъ его воли никто не смѣетъ воспользоваться его личностью, пришивъ ее, какъ безыменную единицу къ большинству собравшихся, подъ общимъ именемъ «политической резолюціи студенчества». Послѣ долгихъ преній по поводу этого «позорнаго» пункта,—преній, во время которыхъ члены «Союза Слушательницъ» горячо отстаивали свою точку зрѣнія, — сходка постановила *исключить членовъ «Союза» изъ «корпорации» на основаніи неподчиненія ихъ большинству сходки по вопросамъ поли-*

---

¹⁾ Само собой разумѣется, что подъ политическими взглядами разумѣется не только взглядъ основной, но взглядъ и на средства и пути къ желанной цѣли.

тическимъ. Изъ такого постановленія, очевидно, можно было сдѣлать лишь два вывода: или исключеніе изъ корпораціи *академической* въ силу неподчиненія *политическимъ рѣшеніямъ* являлось абсурднымъ недоразумѣніемъ, или же *академическій* элементъ не могъ быть терпимъ въ новой, *чисто политической корпораціи*. Последнее было, конечно, чрезвычайно логично и доказывало уже формально обращеніе студенчества въ единыя политическія корпораціи, гдѣ нѣтъ мѣста *не членамъ*. Слушательницы Высшихъ Женскихъ Курсовъ открыто и логично проводили свою политическую программу 13 сентября. И такъ, сходка 3-го Октября признала вполнѣ естественно «союзницъ» не членами корпораціи, а посторонними лицами «съ правомъ совѣщательнаго голоса». На этой же сходкѣ былъ возбужденъ вопросъ о неправильности самого названія „Союзъ *Слушательницъ* В. Ж. К.“ такъ какъ этимъ какъ бы остальные предполагались не слушательницами. Тутъ уже не было той прямоты и логики, на которую мы только что указывали: либо ^{члены} ~~члены~~ политической корпораціи, либо слушательница Высшихъ Женскихъ Курсовъ—опять таки смѣшеніе по недоразумѣнію двухъ глубоко различныхъ понятій. Впрочемъ вполнѣ понятно, что сознаться въ окончательной трансформациіи было, пожалуй, и не такъ легко, чѣмъ и объясняется, отчасти работа *политической корпораціи* по *академическимъ вопросамъ*: привычка все-таки сказывается... Во всякомъ случаѣ „Союзу Слушательницъ“ было предложено дополнить свое названіе, что и было сдѣлано,—прибавкой поясненія „академическій“. Любопытно отмѣтить тотъ фактъ, что послѣ исключенія «Союза» изъ товарищества въ него стали записываться новые члены... Нужно отдать, однако, справедливость сходкамъ слушательницъ: свобода слова

всѣми силами оберегалась предсѣдательницей, что давало возможность высказываться всѣмъ желающимъ.

4 октября студенты «академисты» рѣшили созвать свою сходку, желая высказаться по текущимъ вопросамъ Университетской жизни. На этой сходкѣ и «Союзу студентовъ» удалось изложить свое «credo» и указать на неразрывную логическую связь его идей съ поступками. Въ рѣчахъ возражавшихъ ораторовъ (въ видахъ справедливости нужно добавить: не по существу) было много цѣнныхъ замѣчаній: въ частности указывалось на то, что *Университетъ*, какъ *корпорация политическая* можетъ принимать къ себѣ новыхъ членовъ, лишь убѣдясь въ солидарности ихъ политическихъ взглядовъ съ «credo» корпорации. Затѣмъ, неоднократно упомянувъ о «Денницѣ», собравшіеся члены корпорации политической свистомъ и ревомъ сходку сорвали. 5-го октября состоялась сходка на Высшихъ Женскихъ Курсахъ по вопросу о политическихъ митингахъ въ зданіи курсовъ причемъ «Академическому Союзу Слушательницъ» снова пришлось защищать свои взгляды. Какъ въ Университетѣ, такъ и во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ политическіе митинги особенно процвѣтали въ это время и дѣлали изъ храмовъ науки совершенно иныя учрежденія: въ числѣ постороннихъ часто въ нихъ входили люди не связанные вовсе уваженіемъ къ Университету, — лишь какъ любопытные... Улица вошла въ университеты и превратила ихъ въ очаги политическаго движенія. По вечерамъ въ корридорахъ Университета продавались вечернія газеты, заходили въ широко раскрытыя двери люди нетрезвые, забѣгали, случайно, потерявшія своихъ хозяевъ собаки, — словомъ открылся новый пассажъ... Рискъ подобнаго положенія дѣлъ уже сказался на Московскомъ Уни-

верситетѣ,—долженъ былъ сказаться и въ Петербургѣ. Днемъ тотъ же «сплошной» митингъ: только и разговоровъ, что о вчерашнихъ резолюціяхъ и объ имѣющихъ быть выработанныхъ сегодня. О занятіяхъ ни кто и не заикался...

7-го октября на Высшихъ Курсахъ вновь собралась сходка для опредѣленія отношенія Слушательницъ къ одному изъ своихъ профессоровъ. Въ началѣ сходка утвердительно разрѣшила принципиально поставленный вопросъ о своемъ правѣ бойкотировать *научныя лекціи* того профессора, *общественная или политическая дѣятельность котораго*, равно какъ и его *нравственныя качества* будутъ признаны большинствомъ сходки не соответствующими этическому настроенію этого большинства; а затѣмъ, обративъ вниманіе уже на даннаго профессора, вынесла резолюцію, сравнительно, впрочемъ мягкую—бойкотъ парламентарскій—пассивный, но не обязательный, и учрежденіе параллельной кафедры. На этой сходкѣ члены «Академическаго Союза Слушательницъ» горячо заступались за идею свободной науки и указывали на недостаточную серьезность и обоснованность обвиненій.

12-го октября Университетъ *вопреки постановленію общей сходки* свистками и криками былъ вынужденъ не читать лекціи пр. А. И. Введенскій, изъ числа тѣхъ бойкотированныхъ профессоровъ, которымъ обвиненія членораздѣльной рѣчью формулированы быть не могли. Проводивъ профессора до «Совѣтской комнаты» такими знаками уваженія къ научному имени, обструкціонеры, — бойкотанты тожъ, остановились передъ дверью, продолжая тѣмъ же способомъ выражать свое негодованіе человѣку, приступившему по предложенію Совѣтской Коммисіи къ исполненію своего долга. Тамъ же собрались и слушатели пр. А. И. Введен-

скаго, глубоко оскорбленные такимъ дикимъ насиліемъ и выражавшіе свое сочувствіе профессору аплодисментами. На эту грубую сцену вышелъ Ректоръ и заявилъ студентамъ, что такое безобразіе въ автономномъ Университетѣ долѣе терпимо быть не можетъ, и что въ случаѣ продолженія — ему останется лишь попроситься съ студентами... «Передавъ студенчеству охраненіе порядка въ Университетѣ — Совѣтъ безсиленъ теперь *поправить* дѣло, т. к. студенты сами нарушаютъ свои постановленія».

Еще въ началѣ всего «инцидента» одинъ студентъ бросился въ «профессорскую» и просилъ двухъ тамъ находящихся популярныхъ профессоровъ выйти и своимъ авторитетнымъ словомъ повліять на расходившихся студентовъ. На это одинъ изъ нихъ выйти вовсе отказался, а другой тщетно пытался сказать нѣсколько словъ: общій вой не далъ ему говорить. Мало по малу полу-часовой гамъ прекратился и «студенты» разошлись по аудиторіямъ и заламъ для выбора факультетскихъ старостъ, назначивъ на слѣдующій день общую сходку по поводу обструкціи и бойкота проф. А. И. Введенскаго.

Выборы старостъ представляли великолѣпное зрѣлище: на трибуны въ идеальномъ порядкѣ всходили кандидаты и произносили блестящія рѣчи, излагая въ нихъ свое политическое «credo» и свой взглядъ на академическую жизнь. Результатъ: *изъ двадцати двухъ избранныхъ на весь Университетъ старостъ двадцать оказались наиболее видными представителями той же политической корпораціи.* Полоненные раньше безкорыстностью «правленія» политической корпораціи, теперь поняли, что «*das der Hund begraben war*», — песимисты съ горестью убѣдились въ лишнемъ доказательствѣ правильности ихъ взгляда. Справедливо рас-

читывая на настроеніе студенчества, «правленіе» рѣшило узаконить свое существованіе посредствомъ выборовъ, что и было блестяще достигнуто. Избранный нелицеприятно *академическій* институтъ старость стоялъ теперь на твердой почвѣ и могъ руководить студентами по прежнему, не боясь нареканій въ неизвѣстности происхожденія.

Дальнѣйшіе комментаріи излишни; оставалось лишь посмотрѣть какъ примется за новое, *чисто академическое*, дѣло формально облеченное довѣріемъ студенчества — старое правленіе *политической корпораціи*. На слѣдующій день въ актовомъ залѣ Университета собралась сходка по поводу инцидента съ обструкціей. Почти все студенчество было возмущено незаслуженнымъ оскорбленіемъ профессора и громко выражало мнѣніе, что коалиціонный Совѣтъ (ибо бойкотанты дѣйствовали его именемъ) слишкомъ зарвался, что вчерашняя сцена позорно запятнала студенчество и т. д. Обструкціонеры наивно оправдывались, говоря, что это былъ не бойкотъ, а контръ-манифестація аплодисментамъ въ аудиторіи(!?) «Коалиціонный совѣтъ» черезъ посредство уже «старосты» заявилъ, что участія въ инцидентѣ онъ не принималъ, и лица, говорившія отъ его имени, на это уполномочены не были. Все случившееся «Коалиціонный Совѣтъ» призналъ печальнымъ «эксцессомъ» частной инициативы, противорѣчащимъ постановленію общей сходки 27 сентября. Въ этомъ смыслѣ и была принята резолюція. Этотъ день и былъ послѣднимъ днемъ того намека на академическую жизнь и занятій, который доселѣ какъ то все таки признавался.

14-го, съ 12 часовъ дня начались почти непрерывныя засѣданія совѣта профессоровъ по поводу объявленія генераль-губернатора о намѣреніи закрыть

Университетъ, въ случаѣ если митинги, такъ же какъ и раньше, будутъ происходить въ его стѣнахъ, и если Совѣтъ самъ не приметъ соотвѣтствующихъ мѣръ. Нужно сказать, что отношеніе Совѣтской комиссіи къ постояннымъ митингамъ въ Университетѣ выразилось, какъ то, въ объявленіи о недостаточной крѣпости зданія и въ силу этого о возможной опасности для собирающихся...

Совѣтъ старость засѣдалъ также... Въ Университетѣ въ продолженіи цѣлаго дня шли митинги. При входѣ въ Университетъ вывѣшено объявленіе Коалиціоннаго Совѣта о томъ, что настало время рѣшительно осуществить резолюцію 13-го сентября. Назначенное на вечеръ общее собраніе «Союза» не могло состояться, т. к. въ помѣщеніи отведенномъ Ректоромъ для собранія—по вывѣшенному расписанію имѣлъ быть *митингъ учениковъ низшихъ учебныхъ заведеній*.

14-го же Октября Петербургское отдѣленіе академическаго (профессорскаго) Союза приняло слѣдующую резолюцію: «Признавая, что въ настоящее время устройство митинговъ является потребностью страны, неудовлетворяемой вновь изданными правилами о собраніяхъ, мы, члены Петербургскаго отдѣленія академическаго Союза, въ отвѣтъ на распоряженіе правительства опубликованное 14-го Октября заявляемъ, что препятствовать устройству митинговъ въ стѣнахъ высшихъ учебныхъ заведеній мы не будемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы рѣшительно отказываемся закрывать высшія учебныя заведенія. Примѣненіе Правительствомъ вооруженной силы къ прекращенію митинговъ мы считаемъ преступленіемъ противъ народа» ¹⁾).

---

¹⁾ С. О. № 210.

15-го Октября въ 3 часа дня было передано сходкѣ постановленіе Совѣта въ духѣ вышеприведенной резолюціи. «Младшіе преподаватели» черезъ посредство того приватъ-доцента, который еще на сходкѣ 7 Февраля заявилъ студентамъ, что «не вамъ у насъ учиться, а намъ у васъ», предложили студентамъ въ случаѣ осады Университета взять на себя *переговоры съ войсками*. Вечеромъ состоялся грандіознѣйшій митингъ. Присутствовало до 30000 рабочихъ ¹⁾, а уже 16-го Октября всѣ высшія учебныя заведенія были оцѣплены войсками.

Не безынтересно сравнить первое закрытіе Московскаго Университета 21 Сентября съ свершившимся фактомъ закрытія Университета Петербургскаго. Вотъ что сказалъ Московскій ректоръ Кн. С. Н. Трубецкой собравшимся студентамъ по этому поводу: «Мнѣ очень грустно, господа, что мы сошлись съ вами при такихъ обстоятельствахъ. Я хотѣлъ бы привѣтствовать васъ въ стѣнахъ автономнаго университета. Теперь же я долженъ объяснить вамъ причину закрытія Университета. Совѣтъ далъ вамъ право собираться и обезпечилъ вамъ полную свободу студенческихъ собраній, безъ всякаго внѣшняго полицейскаго вмѣшательства. Онъ поставилъ вамъ только два условія, безусловно необходимыя для охраненія порядка: во первыхъ эти собранія не должны мѣшать правильному теченію занятій... И это элементарное условіе съ первыхъ же дней систематически нарушалось въ стѣнахъ этой аудиторіи, на что слышались многочисленныя жалобы со стороны профессоровъ и студентовъ, такъ какъ многія лекціи вслѣдствіе этого не могли состояться. Вторымъ условіемъ было недопущеніе на эти собранія

---

¹⁾ С. О. № 210.

постороннихъ лицъ... Совѣтъ не могъ обезпечить свободу политическихъ митинговъ и не считалъ ихъ допустимыми въ стѣнахъ Университета. И это второе условіе также систематически нарушалась съ перваго дня. Вчера вечеромъ въ Университетѣ состоялось многочленное собраніе отъ 3000—4000 человекъ, въ числѣ которыхъ студенты Московскаго Университета составляли меньшинство. При этомъ я получилъ оффиціальное увѣдомленіе, что общая администрація, предувѣдомленная о характерѣ этого собранія, вызвала въ манежъ войска, которыя должны были прибѣгнуть къ самымъ рѣшительнымъ мѣрамъ, и къ дѣйствию оружіемъ въ случаѣ, если бы участниками собранія былъ нарушенъ внѣшій порядокъ... Изъ этого мы усмотрѣли, что систематическое нарушеніе совѣтскихъ постановленій представляетъ реальную угрозу не только для академическаго порядка, безъ котораго правильныя занятія немыслимы, но и для внѣшней безопасности Университета и личной безопасности каждаго изъ васъ... Совѣтская коммиссія, которой отнынѣ ввѣрено управленіе университетомъ, не нашла возможнымъ оставаться долѣе пассивной и ожидать неизбежной катастрофы. Она признала необходимымъ временно закрыть университетъ, и я своей властью привелъ ея рѣшеніе въ исполненіе. Эта мѣра была вынуждена не въ томъ смыслѣ, что на меня было оказано какое либо давленіе извнѣ: и коммиссія, и я приняли ее совершенно самостоятельно; она была вынуждена самымъ положеніемъ, которое было создано систематическимъ нарушеніемъ совѣтскихъ постановленій... Эти постановленія не были простой прихотью Совѣта: мы всѣ желаемъ скорѣйшаго открытія университета. Но для этого мы требуемъ соблюденія элемен-

тарныхъ условій академическаго порядка и самой внѣшней безопасности Университета... Теперь мы были вынуждены закрыть Университетъ на нѣсколько дней, но если явленія, подобныя вчерашнему будутъ повторяться, это приведетъ къ неизбѣжному закрытію Университета на продолжительный срокъ, а при теперешнихъ условіяхъ это будетъ разгромомъ Университета, разгромомъ русскаго просвѣщенія и это будетъ вызвано не только дѣйствіями, направленными, противъ Университета, но самымъ отсутствіемъ поддержки съ вашей стороны, и вы отвѣтите за это передъ русскимъ обществомъ. Я призываю васъ исполнить здѣсь вашъ первый и прямой гражданскій долгъ въ качествѣ студентовъ. Сплотитесь, соединитесь дружно, организуйтесь свободно, чтобы отстоять Университетъ и создать тѣ условія, безъ которыхъ Университетъ не можетъ существовать. Помните отнынѣ, что совѣтъ автономень. Въ прежнее время отъ насъ требовалось иногда, чтобы мы читали вамъ лекціи при всякихъ условіяхъ, и вы первые протестовали противъ такихъ требованій. Теперь, надѣюсь, и вы намъ такихъ требованій предъявлять не будете. Во всякомъ случаѣ, господа, помните, что, если вы нарушеніемъ совѣтскихъ постановленій можете привести къ закрытію университета, вы не можете заставить автономный совѣтъ открыть его и читать вамъ лекціи при такихъ условіяхъ, которыя онъ не считаетъ совмѣстимыми съ достоинствомъ Университета и при которыхъ не существуетъ никакого обезпеченія внутренняго порядка и самой внѣшней безопасности Университета... вы знаете, что за безусловную свободу общественныхъ политическихъ собраній я стоялъ всегда и вездѣ... и тѣмъ не менѣе я скажу вамъ здѣсь, не только какъ ректоръ и профессоръ, но какъ общественный дѣятель,—что университетъ не есть мѣсто

для политическихъ собраній, что Университетъ не можетъ и не долженъ быть народной площадью, какъ народная площадь не можетъ быть университетомъ и всякая попытка превратить Университетъ въ такую площадь или превратить его въ мѣсто народныхъ митинговъ неизбежно уничтожить Университетъ, какъ таковой.

Я взываю ко всему вашему здравому смыслу. Подумайте, какъ много даетъ вамъ Университетъ, и не требуйте отъ насъ невозможнаго. Еще разъ, господа, поддержите Университетъ, и помните, что онъ принадлежитъ русскому обществу, что вы дадите отвѣтъ за него» ¹⁾).

Итакъ—*Московская Совѣтская Коммиссія сама признала необходимымъ закрытіе Университета, видя превращеніе его въ народную площадь, что, по ея глубоко-принципіальному взгляду являлось униженіемъ достоинства храма науки.*

Университетъ будетъ функционировать, какъ Университетъ, или его не будетъ вовсе ²⁾—таково было ея единоегласное заключеніе, о чемъ неоднократно предупреждались студенты.

Правда, за такое принципіальное обоснованное заявленіе — проф. кн. Трубецкой и Мануиловъ были освистаны извѣстной частью студенчества; но дешевой популярностью они и не дорожили, а серьезное уваженіе къ нимъ послѣ этого лишь возросло.

Нѣсколько иначе обстояло дѣло въ Петербургскомъ Университетѣ... Истинное назначеніе Университета все время открыто отстаивали лишь такія незначительныя силы, какъ студенческіе «Союзы». Но что они одни могли сдѣлать «противъ теченія»?!

¹⁾ Рус. Вѣд. № 259.

²⁾ Слова пр. Мануилова тамъ же.

Чисто же академическій институтъ старость объявилъ себя профессиональнымъ Союзомъ, и, какъ таковой, счелъ себя въ правѣ постановить слѣдующее:

«Въ революціонное время общественныя суммы должны принадлежать революціонному народу. Правительство въ цѣляхъ самозащиты мобилизовало всѣ темныя силы страны и направляетъ черную сотню на революцію вообще и, въ частности на студенчество. Признавая, что только самъ народъ можетъ встать на защиту своихъ интересовъ, совѣтъ старость обращается къ совѣту профессоровъ съ требованіемъ выдачи общественныхъ университетскихъ суммъ въ цѣляхъ вооруженія студенчества»¹⁾.

На отрицательный отвѣтъ г. Ректора по этому поводу одинъ изъ старость заявилъ, что профессура не желаетъ теперь считаться съ рѣшеніями выборныхъ студенческихъ старость потому, что студенты сидятъ сейчасъ по домамъ и не могутъ поддержать своихъ представителей. Засимъ, этотъ академическій институтъ составилъ «открытое письмо» къ гражданамъ русской земли, указывая въ немъ на недостаточность манифеста 17 октября и оканчивающееся такъ:

Граждане! мы, старосты Петербургскаго Университета призываемъ васъ къ защитѣ собственныхъ интересовъ, къ организаціи вооруженнаго отпора черной сотнѣ. Студенчество въ первую голову попало въ проскрипціонный крушевановскій списокъ. Академическій легіонъ студентовъ Университета уже образованъ. Необходима широкая помощь въ дѣль его вооруженія. Жертвуйте на вооруженіе народа, жертвуйте на академическій легіонъ!..²⁾.

А слушательницы В. Ж. К. на сходкѣ 19-го сентября постановили: «оставивъ въ силѣ всѣ прежнія резолюціи, мы присоединяемъ къ нимъ слѣдующія тре-

¹⁾ С. О. 213.

²⁾ С. О. № 216.

бованія: 1) полная политическая амнистія, 2) отмѣна смертной казни, военнаго положенія и усиленной охраны, 3) учрежденіе народной милиціи, управляемой совѣтомъ рабочихъ депутатовъ 4) удаленіе войскъ изъ столицы, 5) удаленіе генераль-губернатора Трепова. *Въ дни политической забастовки мы подчиняемся указаніямъ стачечнаго комитета»...*

Такое заключеніе было подтверждено и на новой сходкѣ 4-го ноября. Совѣтъ старость также вошелъ въ «соглашеніе» съ стачечнымъ комитетомъ. Облеченный довѣріемъ, *чисто академическій институтъ* такимъ образомъ оправдывалъ возлагаемыя на него надежды ¹⁾.

Уставы «Союза студентовъ» и «Академическаго союза слушательницъ» были утверждены совѣтами профессоровъ въ началѣ ноября, а поданная 19-го сентября союзомъ студентовъ въ университетскій совѣтъ профессоровъ записка, была возвращена обратно съ указаніемъ на слишкомъ рѣзкую ея форму . . .

Передъ нами повѣсть былого и «временныхъ лѣтъ» русскихъ Университетовъ. Картины минувшаго и образы настоящаго встаютъ предъ глазами, и грустно становится на душѣ...

Шагъ за шагомъ прослѣдили мы печальную кар-

---

¹⁾ Впрочемъ авторитетъ онъ имѣлъ громадный: такъ „младшіе преподаватели“ нѣкоторыя свои постановленія передавали на „одобреніе“ совѣта старость; въ иныхъ случаяхъ такого одобренія не воспослѣдовало. Предложенныя же въ ноябрѣ совѣтомъ профессоровъ условія, на которыхъ могъ бы быть открытымъ Университетъ (нѣкоторыя ограниченія митинговъ) представителями студенчества было отвергнуто съ негодованіемъ. Въ концѣ же ноября *чисто академическій институтъ* старость въ своемъ *политическомъ* рвеніи дошелъ до геркулесовыхъ столбовъ: принявъ на себя функціи учредительнаго собранія онъ выработалъ свою „конституцію“ и присвоилъ себѣ власть законодательную и судебную, помимо исполнительной.

тину разрушенія русскихъ Университетовъ, которые въ полномъ смыслѣ слова, отцвѣли, не успѣвши расцвѣсть.

Сначала жестоко стѣсненные правительственнымъ режимомъ, пытавшимся сдѣлать изъ нихъ скорѣе воспитательныя, чѣмъ образовательныя учрежденія,—они до конца столѣтія не могутъ освободиться отъ нѣкоторыхъ послѣдствій и остатковъ этого взгляда. Съ другой стороны, на нихъ всей своей тяжестью обрушились политическія увлеченія и крайности русскаго общества.

Подъ напоромъ волны политическаго «освободительнаго» движенія окончательно замерла научная жизнь Россіи, и безъ того не могшая похвастаться особеннымъ богатствомъ, а единственное прибѣжище науки, единственное мѣсто, гдѣ она могла развиваться—наши Университеты—превращены въ груды развалинъ. Политика беспощадна и губить на своемъ пути все, что, по самому существу своему, неспособно служить прямо ея цѣлямъ.

Сбылись предсказанія шестидесятихъ годовъ: порвана нить, университеты превращены въ „общественныя кафедры“; и, потерявъ послѣднюю преграду „нравственному безначалію и страсти къ мечтательнымъ нововведеніямъ“—безъ паруса и кормила носится русская мысль...

Тѣхъ Университетовъ, къ которымъ лучшіе преподаватели прошлыхъ поколѣній обращались, какъ къ „святилищамъ“, откуда они вынесли „лучшія надежды жизни и самыя завѣтныя воспоминанія молодости“—не существуютъ больше.

Но стоитъ ли скорбѣть объ этомъ? Вѣдь молодежи, девизомъ которой служить „бить направо и налево“,

разрушать все старое, предоставляя жизни строить новое, — молодежи, вѣчно кипящей и негодующей, ратующей за свободу и нетерпящей чужого мнѣнія, — что ей Университетъ!

Хотя „въ ея ряды съ жадностью вступаютъ и старцы, украшенные сѣдинами“, причемъ „разумѣется— семнадцатилѣтній юноша сохраняетъ преимущество даже надъ тридцатилѣтнимъ мужчиной, который искушенъ уже соблазнами жизни, успѣлъ отвѣдать запрещеннаго плода бюрократіи“¹⁾, но неужели теперь въ Россіи только такая „молодежь“? Неужели среди остальныхъ, среди всѣхъ русскихъ людей погибло, умерло понятіе Университета, уваженіе къ труду и наукѣ?

Годы идутъ, но разгорается ли съ ними слабо мерцавшій свѣтильникъ знанія на Руси?

Много-ли въ жизни русской людей трудящихся и просвѣщенныхъ, для которыхъ принципы и идеи сдѣлались бы второю натурой?

А „принциповъ и идей у насъ довольно“. Нѣтъ только давно желаннаго, благословеннаго типа мыслящаго, стойкаго и трудящагося человѣка, столь необходимаго Родной Землѣ.

„Не учащееся поколѣніе есть минусъ въ народной жизни... Давно уже русская земля тревожно ждетъ трудящагося, обновляющаго поколѣнія. Ждетъ она его, какъ спящая царевна ждала избавителя съ живой водой. Ждетъ, не дождется. Годы проходятъ за годами, и Богъ знаетъ, когда покажется этотъ свѣтлый обновитель... А пора бы какому нибудь поколѣнію начать настоящее дѣло. Исторія не ждетъ

---

¹⁾ Барсуковъ—указ. сочин. кн. 19, стр. 159.

опоздавшихъ... И насъ не будутъ ждать другіе народы“¹⁾).

Заканчивая нашъ обзоръ прекрасными словами профессора Градовскаго, мы рѣшаемся обратиться къ русской интеллигенціи; не къ „обществу“, про которое тотъ же Градовскій сказалъ, что его въ Россіи— „предостаточно“, а именно къ интеллигенціи, воплощающей и гармонически примиряющей въ себѣ стремленія и интересы всѣхъ классовъ, умственную жизнь всей страны. Пусть тѣ, для кого умственный трудъ не служитъ достаточнымъ основаніемъ для презрѣнія къ человѣку, для кого непрерывное умственное творчество страны является необходимымъ залогомъ истиннаго прогресса—скажетъ громко свое смѣлое и правдивое слово.

И горячо откликнется на него та молодежь, которая тщетно отстаивала до сихъ поръ свое право учиться и работать.

---

¹⁾ Градовскій.— „Задача русской молодежи“.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
ГЛАВА I.	
Картина разложенія современнаго Университета. Наука и общество	1—12
ГЛАВА II.	
Очеркъ изъ исторіи французскихъ и германскихъ Университетовъ.	13—29
ГЛАВА III.	
Историческій обзоръ русскихъ Университетовъ. (Уставъ 1804 г. и эпоха Александра I-го. Николай I, министерство Уварова, 40-ые годы. Уставъ 63 года и Освободительная эпоха. Министерство Толстого, 80-ые и 90-ые годы) . . , .	30—95
ГЛАВА IV.	
1905 годъ въ Петербургскомъ Университетѣ. Весенній семестръ.	
Осенній семестръ. Академическіе союзы	96—151
Заключеніе	151—154

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Страница.	Строчка.	Напечатано.	Слѣд. читать.
108	2 св.	невозможныхъ	всевозможныхъ
111	7 сн.	обращеніи	отвращеніи
112	3 сн.	наукѣ съ	наукѣ наряду съ
112	2 сн.	Тѣмъ	Чѣмъ
113	14 сн.	необходимымъ	не необходимымъ
122	3 сн.	что	чтобы
124	6 сн.	отдаленіе	удаленіе
140	15 сн.	гнетъ	членъ
143	3 сн.	das	da
145	14 сн.	4	14
